

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии им. А.Х. Маргулана

Л.А. Краева

ГОНЧАРСТВО САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Алматы, 2017

ӨОЖ 902/904
КБК 63.4 746

Л.А. Краева. Гончарство сарматских племен Западного Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. – 352 с.

ISBN 978-601-7106-19-5

Монография представляет собой первые результаты многолетнего исследования технологии изготовления керамики из сарматских погребальных комплексов Западного Казахстана. В настоящую книгу вошли материалы из Актюбинской и частично Западно-Казахстанской областей. Впервые технико-технологический анализ керамики производился по методике А. А. Бобринского, основанной на бинокулярной микроскопии, физическом моделировании и эксперименте. Полученные результаты позволили не только реконструировать гончарное производство сарматских племен Западного Казахстана, но и помочь ответить на некоторые вопросы историко-культурного характера. Проведенные наблюдения и эксперименты дали основание для выдвижения новых гипотез бытового и сакрального использования некоторых типов керамики.

Данная книга адресована археологам, историкам и всем, кто интересуется историей сарматов.

Рецензенты:
д.и.н. Ю.Б. Цетлин
к.и.н. А. Онгарулы

ӨОЖ 902/904
КБК 63.4

ISBN 978-601-7106-19-5

© Л.А. Краева, 2017
© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017
© А. Исмаилова, дизайн и верстка

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	8
I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ САРМАТСКОЙ КЕРАМИКИ И МЕТОДЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	10
Глава 1.1. История изучения сарматской керамики.....	12
Глава 1.2. Методы исследования сарматской керамики.....	18
Глава 1.3. Проблемы изучения сарматской керамики Западного Казахстана.....	28
II. ФОРМЫ И ОРНАМЕНТАЦИЯ САРМАТСКОЙ КЕРАМИКИ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА.....	34
III. ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА.....	212
IV. БЫТОВОЕ И САКРАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕРАМИКИ У САРМАТОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА.....	246
V. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ И ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ В VI-I ВВ. ДО Н.Э. (по результатам технико-технологического анализа керамики).....	268
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	278
ТҮЙІН.....	282
SUMMARY.....	288
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	296
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	303
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	304
Приложение I. Терминологический словарь.....	306
Приложение II. Работа экспедиции по экспериментальному изучению гончарства.....	312

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение и существование гончарства традиционно связывают с оседлыми народами. Действительно, оседлость более благоприятна для занятия гончарством, так как для него важны ряд факторов: доступность воды и сырья; достаточное по времени нахождение на одном месте, чтобы высушить и обжечь керамику; благоприятные климатические условия и т.д. (Arnold 1985, с. 119).

Однако в мире существуют и неоседлые общества, которые делают керамику. В «Этнографическом Атласе» у Д.П. Мёрдока из перечисленных 882 обществ, занимающихся гончарством, 103 были неоседлыми, в том числе 15 кочевыми. По мнению Д.Е. Арнольда, кочевники могли строить свои перекочевки таким образом, чтобы находиться достаточно долго в благоприятном климате и около необходимых ресурсов для изготовления керамики (Arnold 1985, р. 120). Экспериментальные работы в этом направлении показывают, что весь цикл производства посуды от лепки до обжига при благоприятных климатических условиях занимает не так много времени: от 7 до 14 дней.

Данные археологии также подтверждают возможность существования гончарства у кочевников (Мошкова, 1963; 1974; Смирнов, 1964; 1975; Краева, 2008; Краева, 2011а, с. 51-60).

Сарматская керамика Западного Казахстана является одной из самых массовых категорий погребального инвентаря.

В одно погребение ранние кочевники помещали от одного до четырех сосудов, но обычно ставился только один сосуд. Количество сосудов не зависело от числа погребенных.

Керамику находят в погребениях всех слоев кочевого населения. В то же время, в богатые погребения элиты сарматского общества как правило ставили более дорогую, преимущественно привозную посуду: деревянные чаши, окованные пластинами из драгоценных металлов, золотые и серебряные сосуды, керамику, изготовленную на гончарном круге (Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, с. 239-240; Сокровища сарматских вождей..., 2008, с. 25, 29, 90, рис. 1, 5, 15).

Керамические сосуды ставили не в каждое захоронение, чаще всего их помещали в погребения женщин и детей, но жесткой взаимосвязи с полом погребенного все же не прослеживается. Какая-либо связь между размещением посуды и формой могильной ямы также не обнаружена.

Известны местонахождения керамики в насыпи кургана, на деревянном перекрытии могилы, а также в насыпи рва или могильной ямы, что связано с ритуальным кормлением духов и тризной. Наибольший процент составляет посуда, поставленная в погребения в качестве приношения усопшему, в чем проявлялась любовь и забота о близких, в частности, об их жизни после смерти (Краева, 2015, с. 90-99; Сентенс, 2005, с. 204).

Наиболее часто встречается помещение целых сосудов, реже фрагментов или разбитых в ходе погребальной церемонии горшков.

Наблюдается определенный стандарт местоположения керамики в погребении. Посуду ставили: за головой, в ногах, у таза, у руки. Чаще всего размещали керамику в ногах или за головой покойного (Краева, 2016а).

В настоящее время погребальная керамика является единственным достоверным источником информации о гончарном производстве ранних кочевников и, если в Южном Приуралье уже проводились технологические исследования (Краева, 2008; 2010; 2011; 2016), то огромная территория Западного Казахстана до сих пор остается белым пятном в плане изучения. Между тем, на территории Актюбинской, Западно-Казахстанской, Атырауской, Мангистауской областей изучены сотни археологических памятников, которые дали интереснейший и богатый научный материал (Китов, Мамедов, 2014, с. 9-45).

С 2013 г. по 2017 г. автором осуществлялось широкомасштабное изучение керамики раннего железного века Западного Казахстана.

Комплекс исследования включал в себя: 1) технико-технологическое изучение керамики; 2) фотосъемку целых сосудов и фрагментов лепной керамики; 3) макрофотосъемку следов, связанных с изготовлением сосудов (орнаменты, способы конструирования и обработки поверхности, особенности исходного пластичного сырья, формовочной массы и т.д.); 4) метрические замеры керамики; 5) отбор образцов керамики для дальнейшего изучения в стационарных лабораторных условиях.

Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А.Бобринским (Бобринский, 1978; 1999). К настоящему времени в России создана научная школа, работающая в рамках данного подхода. Историко-культурный подход предусматривает системное выявление, учет и изучение конкретных навыков труда, с помощью которых делалась керамика. Методика базируется на трасологии, бинокулярной микроскопии и физическом моделировании.

Целью исследования являлась реконструкция культурных традиций в гончарстве сарматских племен Западного Казахстана. В качестве объектов исследования выступали технологические следы на сосудах, указывающие на применение гончарами определенных навыков труда.

Для достижения цели последовательно решались следующие задачи:

1) выделение исходной информации о технологии изготовления лепной керамической посуды ранних кочевников;

2) реконструкция навыков труда и культурных традиций по всем ступеням гончарного производства;

3) выделение культурных традиций собственно гончарного производства у ранних кочевников Западного Казахстана;

4) реконструкция историко-культурных процессов в Западном Казахстане в раннем железном веке на основе обобщения всех полученных данных по анализу керамики.

Перевод технико-технологической информации в историческую основывался на закономерностях развития гончарного производства, выделенных А. А. Бобринским (1978; 1999)

Для уточнения выделяемой технологической информации проводилось сравнение археологических образцов с эталонами, хранящимися в археологических лабораториях Оренбургского государственного педагогического университета и Института истории и археологии Поволжья

В лабораторных условиях были проведены эксперименты в виде физического моделирования конструирования сосудов с помощью пластилина или глины, а также проверка на низкотемпературный обжиг и сравнение с существующими эталонными сериями. В полевых условиях – эксперименты по технологии изготовления и бытовому использованию посуды, без которых невозможно понимание приемов работы древних гончаров и способов использования посуды.

Отобранные на технологический анализ образцы керамики обладают различными информативными возможностями в силу своей сохранности, поэтому не по всем ступеням гончарной технологии получена полная информация. Большинство сосудов представлены целыми формами или гипсованы, поэтому возможность изучения способов конструирования, а иногда и обработки поверхности ограничены. К сожалению, также многие полученные материалы не имеют четкой атрибутики по комплексам происхождения, поэтому не вошли в публикацию.

В результате исследования было изучено более 1000 керамических сосудов VI в. до н.э.-III в. н.э. из сарматских памятников Актюбинской, Западно-Казахстанской, Атырауской, Мангистауской областей (карта 1). В основном керамика происходит из погребальных комплексов, а также из святилищ и временных стоянок.

В связи с многочисленностью и многообразием керамического материала, в настоящей книге приводится изложение результатов изучения технологии изготовления 225 сосудов из 41 могильника в основном с территории Актюбинской области, раскопанных с 1970 по 2016 гг (табл. 1; карта 2). Для написания главы по сакральным сосудам также привлекался анализ 14 «курильниц» из 11 некрополей Западно-Казахстанской области. Керамика хранится в фондах Актюбинского краеведческого музея, Актюбинского государственного педагогического университета, Актюбинского государственного университета, Западно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея и ГККП «Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии».

В качестве сравнения использовались данные технологического анализа, полученные автором при изучении материалов раннего железного века Южного Приуралья с российской стороны.

В связи с тем, что вопросы хронологии и терминологии на сегодняшний день остаются наиболее дискуссионными и разработаны различные периодизации, в работе для доступности понимания используются термины и классическая периодизация сарматской культуры, разработанная К.Ф. Смирновым, М.Г. Мошковой и дополненная А.С. Скрипкиным (Мошкова, 1963; 2007, с. 100-115; Смирнов, 1964; Сергацков, 2007, с. 116-118; Скрипкин, 2007, с. 119-128; Таиров, 2004, с. 5-14; Яблонский, 2006, с. 68-74; Яблонский, 2007, с. 4-36).

Выражаю глубокую признательность А. Онгарулы, А.Е. Астафьеву, С.Ю. Гуцалову, А.А. Бисембаеву, М.Н. Дуйсенгали, Т.К. Жумалиевой, Н.А. Кульбаеву, Я.А. Лукпановой, А. М. Мамедову, Д.В. Марыксину, М. К. Мурзагалиевой, К.А. Раимовой, Г.З. Салиховой, М. Н. Сдыкову, Б.Б. Суйегалиевой, А. Турарулы, М.А. Утесинову, Р. Е. Хариповой, О.А. Шинкарь, а также всем сотрудникам музеев, научных центров и ВУЗов Западного Казахстана, оказавшим неоценимую помощь в работе с керамическими коллекциями.

Благодарю моих учителей: А. А. Бобринского, Н. П. Салугину, И. Н. Васильеву и Ю. Б. Цетлина, давших мне основы изучения керамики. Особо благодарю Марину Глебовну Мошкову за поддержку и внимание.

**I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
САРМАТСКОЙ КЕРАМИКИ И
МЕТОДЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Глава I.1. История изучения сарматской керамики

Общая периодизация истории изучения сарматских племен была рассмотрена М.Г. Мошковой (1989, с. 158-164). В связи с тем, что интенсивность изучения керамики на каждом этапе была непостоянной и различной, условно можно выделить периоды, согласно росту внимания к сарматской керамике как к историческому источнику в разные годы.

В истории изучения сарматской керамики намечаются четыре таких хронологических периода: I – начало XX века – 1918 г.; II – 1919 – конец 40-х гг.; III – 50-80-е гг.; IV – 90-е – начало XXI века.

Первый период: начало XX века – 1918 г.

В этот период шел процесс количественного накопления археологических материалов. Исследователи еще не уделяли особого внимания керамике как ценному историческому источнику и не ставили вопросы изучения гончарного ремесла как такового, а также не использовали достижения русской археологии в этом направлении, в частности программу изучения керамики, предложенную в 1901 году В.А. Городцовым на XI Археологическом съезде в Киеве (Городцов, 1901, с. 577-672). Это было обусловлено тем, что в дореволюционный период было накоплено еще незначительное количество материала, чтобы делать какие-либо обобщения по вопросу специального изучения керамики.

Книга М.И. Ростовцева «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», вышедшая в 1918 г., явилась заключительным аккордом первого этапа исследований сарматских памятников (Мошкова, 1989, с. 158). М.И. Ростовцев писал: «к сожалению, данные о керамике наиболее скудны и неопределенны. В данный момент мы имеем ясное представление только об одном типе горшков, экземпляры которых дали покровские и красногорские курганы». В то же время исследователь указывал на важность изучения этой категории погребального инвентаря и призывал ученых уделять керамике больше внимания при публикации материалов (Ростовцев, 1918, с. 75).

Второй период: 20-е – конец 40-х гг. XX в.

В это время продолжалось накопление археологических источников. Появились работы по публикации сарматских материалов Южного Приуралья, в которых описание керамики стало более детальным, предпринимались первые попытки типологизации сарматской керамики в рамках отдельных памятников.

Анализируя в 1928 г. материал из раскопок у села Нежинского Оренбургского уезда, Б.Н. Граков впервые разделил керамику на типы (формы – по Б.Н. Гракову). Всего было выделено шесть форм. Каждой форме давалась развернутая описательная характеристика. В основу деления не были положены четкие признаки. Оно строилось на отличительных особенностях сосудов, что было связано с небольшим количеством исследованного материала, а также рассмотрением его в рамках одного могильника. В основном каждая форма была представлена одним или двумя сосудами, и только к первой форме было отнесено три сосуда. Б.Н. Граков также обратил внимание на то, что сосуды имеют разную форму днищ (плоское, круглое, слабо уплощенное), но при этом «оба рода днищ оказываются у сосудов в одном и том же погребении» (Граков, 1928, с. 145-155).

В обобщающей статье Б.Н. Гракова «Пережитки матриархата у сарматов» была предложена хронологическая периодизация сарматских древностей. Все памятники были разделены по четырем последовательным периодам, в целом отличающимся друг от друга по погребальному обряду и по инвентарю. Керамике каждого периода давались краткие характеристики. Так для посуды савроматской культуры была отмечена грубость форм, а при описании керамики прохоровской культуры указано на появление черной лощеной посуды и новых плоскодонных и круглодонных форм – яйцевидной, шаровидной (Граков, 1947, с. 104-105).

Третий период: 50-80-е гг. XX в.

В этот период происходило расширение проведения археологических исследований и соответственно увеличение темпов накопления керамического материала, которому в описании отводилась особая роль.

В.П. Шилов при публикации материала Калининского курганного могильника попытался дать развернутую характеристику керамики, положив в основу классификации интуитивно-визуальное описание. Все сосуды этого могильника были разделены им на 6 типов. Подробные сведения по каждому сосуду были сведены в таблицу. Помимо описания формы и размеров в таблице приводились данные по технологии изготовления сосудов (в частности, характеристики формовочной массы и обработки поверхности), выделенные на основе визуального определения (Шилов, 1960, с. 444, 448-452, табл. 4).

В этот период появились обобщающие работы по изучению истории сармат, в которых, наряду с классификациями всех категорий погребального

инвентаря, были представлены и типологии керамики.

Огромный вклад в историю изучения сарматской культуры и в том числе в историю изучения керамики внес К.Ф. Смирнов. Впервые керамика савроматской культуры была детально исследована им в работе «Савроматы: ранняя история и культура сарматов» (Смирнов, 1964 а, с. 108-127). Разработанная в этой работе классификация носила обобщающий характер. Следуя своей концепции о существовании двух больших конфедераций племен внутри савроматской культуры: поволжской и южноуральской, К.Ф. Смирнов привлек к анализу сосуды с территорий Нижнего Дона, Волги и Южного Приуралья. Керамика разделялась исследователем на две группы: круглодонную и плоскодонную, а по особенностям форм на 7 отделов, которые были выделены по разным признакам: одни по форме тулова, другие по наличию ручек или носиков-сливов. Автор отмечал, что более подробная классификация затруднительна из-за отсутствия тождественных форм (Смирнов, 1964а, с. 111-112, с. 284).

Помимо разделения сосудов на отделы, К.Ф. Смирнов высказал ряд предположений о происхождении некоторых форм сосудов и орнаментов (Смирнов, 1964а, с. 125-126). Основным источником формирования савроматской керамики он считал посуду позднесрубной культуры и позднеандроновскую керамику Приуралья и бассейна р. Тобол. Сходство савроматской посуды Волго-Донского междуречья с керамикой скифов и населения дельты Дона К.Ф. Смирнов объяснял непосредственным соседством и тесными связями, в том числе генетическими, между этими группами населения. По его мнению, савроматская керамика Южного Приуралья имела некоторые общие черты (в основном в орнаментации) с керамикой древнейшего Хорезма, что объяснялось общими корнями происхождения, уходящими вглубь эпохи бронзы, к керамическому комплексу тазабагьябской культуры, который близок керамике срубной и андроновской культур. К.Ф. Смирнов считал, что новые формы (особенно круглодонные) и орнаменты керамики, появившиеся в V-IV вв. до н.э. в Южном Приуралье развились на месте под влиянием культур Зауралья, Казахстана и отчасти более южных районов Средней Азии, заселенных сакскими племенами. Раннее появление круглодонной посуды в Южном Приуралье, по его мнению, являлось одной из особенностей материальной культуры самаро-уральской группы савроматов. Керамика с такой формой днища становится характерной в

дальнейшем для местной прохоровской культуры и проникает на Волгу именно из Южного Приуралья (Смирнов, 1964 а, с. 127).

Особому семантическому разбору подверглись орнаменты на сосудах в виде пиктограмм. В отличие от «чистых» орнаментов, как отмечал К.Ф. Смирнов, в них нет чередующихся повторений одних и тех же мотивов, а гончары сознательно вычерчивали по сырой глине отдельные значки и фигуры, которые имели определенное содержание, вероятнее всего, магического характера. Анализируя рисунки на сосудах, исследователь попытался интерпретировать некоторые из них. Появление целых композиций или отдельных их элементов он генетически связывал с асимметричной орнаментацией и знаками, которые встречались на сосудах эпохи бронзы, прежде всего срубной культуры (Смирнов, 1964а, с. 122).

Рассматривая технологию изготовления, основываясь при этом на визуальных наблюдениях, К.Ф. Смирнов пришел к выводу, что гончары использовали местные глины и не подвергали их тщательной обработке, а лишь грубо промывали перед использованием. Использование тех или иных искусственных примесей к глине, он объяснял их техническими характеристиками. Для обезжиривания глины и для предохранения ее от растрескивания при обжиге, по мнению К.Ф. Смирнова, применялся преимущественно шамот, реже – мелкий песок и дресва, очень редко – толченая раковина. Для керамики Южного Приуралья он отметил существование особых примесей, таких как дресва, кусочки мергеля или извести и талька. Все плоскодонные сосуды, по его мнению, лепились ленточным способом, а круглодонные с помощью мешочков с песком, при этом венчики и у тех, и у других прикреплялись отдельно (Смирнов, 1964а, с. 115-116, 120-121). К.Ф. Смирнов считал, что большинство сосудов формовались вручную, и только некоторые сосуды изготавливались на подставке или примитивном гончарном круге. Заглаживание поверхностей сосудов производилось рукой, смоченной водой, а также пучком травы или лопаточкой. Орнаменты наносились в технике процерчивания, нарезки и накальвания. В качестве орнаментов использовались: ребро или конец твердого предмета, круглые, заостренные или ромбические в сечении палочки, а также пальцы и ногти гончара, которыми производились защипы и вдавления (Смирнов, 1975, с. 169).

Характеризуя гончарство савроматов в статье «Производство и характер хозяйства ранних сарматов», К.Ф. Смирнов писал, что изготовлением

14

посуды были заняты главным образом женщины на летних стоянках. По его мнению, большая часть посуды лепилась из глины, которая была под руками, орнамент наносился небрежно и скупо, посуда плохо и неровно обжигалась на костре. Такая посуда, по мнению исследователя, была совершенно непригодна для длительных и дальних перевозок, что лишний раз свидетельствовало об относительной оседлости кочевников савроматского времени (Смирнов, 1964б, с. 59).

В своих исследованиях К.Ф. Смирнов обращал также внимание на характер использования посуды. Он отмечал, что глиняная посуда была необходимой домашней утварью степных кочевников и использовалась как в быту, так и в ритуальных целях при совершении захоронений. Преимущественно это была посуда кухонная или для хранения небольших запасов приготовленной пищи и жидкостей, в меньшей степени – столовая (Смирнов, 1964а; 1975).

Анализируя керамику, К.Ф. Смирнов выделил некоторые серии сосудов, определив их назначение. Так он считал, что для хранения молока, кумыса или другой жидкой пищи служили горшки с носиками и сливами, а также узкогорлые сосуды, иногда снабженные ручкой (Смирнов, 1964 а, с. 115; 1975, с. 169). Некоторые сосуды с отверстиями он связывал с употреблением в молочном хозяйстве для приготовления творога и сыра (Смирнов, 1975, с. 169, рис. 48, 3; 51, 6; 54, 1).

Исследованию такой категории сарматской керамики как курительницы была посвящена специальная работа К.Ф. Смирнова «Курительницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии» (Смирнов, 1973, с. 166-179). В ней он изложил свои взгляды на функциональное назначение, типологию, происхождение и хронологию этих предметов. При рассмотрении территории к востоку от Дона К.Ф. Смирновым было учтено 370 известных на то время таких сосудиков, относящихся к разным этапам сарматской культуры. Ученый разделил их на 12 основных типов, внутри типов им выделялись подтипы по особенностям форм. Курительницы и туалетные сосудики рассматривались в единой классификации, а функциональное назначение этих сосудиков в пределах одного типа определялось условно по их общему сходству между собой. Сосудики, имеющие следы действия огня, относились автором к курительницам, в которых воскуривались ароматические вещества богам и предкам. Помещение красящих веществ рядом или внутри отдельных курительниц служило основанием отнесения их к туалетным сосудикам для хранения

косметических средств. Исследуя вопрос о происхождении курительниц, К.Ф. Смирнов сделал вывод, что подавляющее большинство таких сосудиков являлось результатом творчества самих сарматов Приуралья и Поволжья, возникшего в среде этих племен не без некоторого влияния древних народов Средней Азии. К.Ф. Смирнов, считал, что в большинстве случаев мелкие глиняные сосудики изготавливались на месте в каждой общине и семье, многие из них, вылепленные наскоро от руки, делались специально для погребального обряда (Смирнов, 1973, с. 166-167).

Таким образом, К.Ф. Смирнов, анализируя керамику ранних кочевников, пришел к выводу о существовании у них собственного гончарного производства. Исследователь уделял большое внимание керамике и наиболее полно раскрыл ее роль как наиболее информативного источника по истории савроматов. Созданные К.Ф. Смирновым типологические схемы керамики легли в основу последующих классификаций других исследователей.

Особое внимание изучению керамики как категории погребального инвентаря раннесарматской культуры было уделено в работах М.Г. Мошковой (1963; 1974).

В своде археологических источников по прохоровской культуре М.Г. Мошковой были собраны и приведены в систему материалы IV-II вв. до н.э. из раннесарматских памятников Нижнего Поволжья, междуречий Волги и Дона, Волги и Урала, Приуралья (Мошкова, 1963, с. 24-30). Автором впервые была разработана наиболее детализированная, построенная по визуально-формальному принципу, типология форм раннесарматской керамики. Вся керамика была разделена на: 1) лепную (местную), 2) гончарную и лепную импортную. Лепная керамика делилась на две большие группы – круглодонные сосуды и плоскодонные. Эти группы в свою очередь по форме тулова сосудов подразделялись на отделы, внутри которых выделялись типы. Среди круглодонной керамики было выделено 4 отдела: 1) грушевидные сосуды, 2) яйцевидные, 3) шаровидные и эллипсоидные, 4) кувшины. Плоскодонная керамика подразделялась на 5 отделов: 1) грушевидные сосуды, 2) яйцевидные, 3) шаровидные и эллипсоидные, 4) биконические, 5) кувшины.

К импортной керамике была отнесена круглая посуда с характерными особенностями форм, глины и обработки поверхности, идентичная восточным (среднеазиатскими) или западным (Дон, Кубань, Боспор) образцам. Основанием отнесения двух лепных сосудов к импортным послужили не-

стандартная форма и наличие обильной примеси талька, нехарактерные для сарматской посуды Поволжья (Мошкова, 1963, с. 30).

В отдельную группу керамики были отнесены курительницы. К ним были причислены все маленькие сосудики разнообразной формы, обычно имеющие на одной из сторон маленькое сквозное отверстие. По особенностям форм М.Г. Мошковой было выделено 5 типов курительниц. Говоря об их функциональном назначении, автор указала на возможность сжигания в них благовонных трав и масел, а также их употребления для иных нужд ритуального характера. В частности, по ее мнению, некоторые курительницы могли служить и в качестве туалетных сосудиков (Мошкова, 1963, с. 29).

Описывая каждый отдел керамики М.Г. Мошкова отмечала особенности технологии ее изготовления (примеси, характер обжига, техника нанесения орнамента, способ заглаживания), выделенные на основе визуального определения. Так при описании шаровидных и эллипсоидных сосудов плоскодонной группы М.Г. Мошковой было отмечено, что «все они различаются примесями в тесте и обработкой поверхности. Лишь два из них содержат примесь только шамота, в других к шамоту прибавлена ракушка, в качестве редкой примеси встречаются включения слюды. Несколько горшков содержат большое количество талька и поверхность их хорошо заглажена, приложена и покрыта пыльным орнаментом, нанесенным на кишкинском сосуде концом тупой палочки, чем-то острым (треугольники) и штампом (заполнение треугольников) – на буруктальском горшке» (Мошкова, 1963, с. 26).

В монографии М.Г. Мошковой «Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры» керамика рассматривалась в качестве основного аргумента в пользу доказательства участия в сложении раннесарматской культуры племен лесостепного Зауралья, в частности гороховской культуры (Мошкова, 1974). Автором были уточнены районы, откуда мог появиться один из основных признаков прохоровской культуры – наличие круглодонной керамики. Привлекая сравнительный материал с территории Центрального и Западного Казахстана, Западной Сибири и Зауралья, М.Г. Мошкова пришла к выводу, что решающая роль в сложении круглодонной прохоровской керамики принадлежит северо-восточным соседям сарматов – полуоседлым и оседлым племенам зауральской лесостепи (Мошкова, 1974, с. 6).

Исследователем было отмечено, что такие особенности керамического комплекса как круглодонность, шаровидность, богатая орнамента-

ция и примесь талька в тесте никак не связаны с савроматской керамикой, а являются характерными чертами приуральской керамики IV в. до н.э. Причем первые два признака в дальнейшем (начиная с рубежа IV-III вв. до н.э.) стали присущи всей прохоровской керамике, включая и сосуды из Поволжья. Тальк же составляет особенность керамики приуральского варианта культуры и главным образом в IV в. до н.э. В глине сосудов IV-III вв. до н.э. его уже значительно меньше, а в III-II вв. до н.э. он встречается лишь изредка (Мошкова, 1974, с. 22). Использование тальковой примеси только с IV в. до н.э. связывалось М.Г. Мошковой с принятием извне каких-то новых традиций и навыков в технологии производства керамики. Что касается использования различных примесей к глине, то М.Г. Мошкова отметила их одинаковое применение как в круглодонной, так и плоскодонной керамике. Доминирующее место отводилось тальковой примеси, далее шли шамот, затем дресва, песок, ракушина (в единичных случаях у круглодонных сосудов) (Мошкова, 1974, с. 20).

Таким образом, помимо разработки обобщающей классификации керамики раннесарматской культуры, М.Г. Мошкова впервые привлекла керамику в качестве основного источника при рассмотрении вопроса о происхождении раннесарматской культуры, а также уделила особое внимание технологическим особенностям сосудов.

Иную точку зрения на вопрос о происхождении раннесарматской культуры Нижнего Поволжья отстаивал В.П. Шилов в монографии «Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья» (Шилов, 1975). Придерживаясь мнения, что раннесарматская культура Нижнего Поволжья сложилась самостоятельно на базе савроматской культуры, одновременно с формированием прохоровской культуры Приуралья и независимо от нее, В.П. Шилов рассматривал керамику в качестве важного этнографического признака при выделении археологических культур. Сопоставляя раннесарматскую керамику Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, он акцентировал внимание на различии форм и орнаментации основных ее групп из этих географических регионов, на основании чего пришел к выводу, что отмеченные существенные отличия не подтверждают массовых переселений южноуральского населения в степи Нижнего Поволжья в раннесарматское время (Шилов, 1975, с. 132-134).

Результаты исследований курганов в степных и лесостепных районах Башкирии в монографии «Культура ранних кочевников Южного Урала» обобщил А.Х. Пшеничнюк (1983). Он дал анализ

15

керамического материала, хронологически разделив керамику на савроматскую, прохоровскую, среднесарматскую и позднесарматскую. При описании лепной керамики разных хронологических периодов исследователь не придерживался общей системы классификации. Так керамика савроматской культуры делилась по форме дна на группы (плоскодонную и круглодонную), внутри которых выделялись типы по пропорциональности форм (сосуды высоких пропорций, приземистые сосуды и т.д.). Посуда же прохоровской культуры разделилась на бытовую и ритуальную, причем внутри группы бытовой керамики типы выделялись на основе «примеси к тесту и орнаментации»: тип 1 – «тальковая керамика»; тип 2 – керамика с примесью песка, толченой раковины или без заметной примеси (Пшеничнюк, 1983, с. 100-101, 115-117).

Таким образом, для третьего периода в истории изучения сарматской керамики характерно окончательное признание за ней особой роли при рассмотрении вопросов хронологии и происхождения культуры. В этот период впервые были разработаны обобщающие классификации керамики, которые выявили ряд проблем, связанных с отсутствием единого терминологического аппарата, а также с существованием большого разнообразия форм сосудов. Наличие этих проблем привели к тому, что при описании керамики каждый автор прибегал к своим визуально-описательным построениям.

Четвертый период: 1990-е XX в.– начало XXI века.

Выделение данного периода обусловлено тем, что наряду с традиционными визуальными методами исследования керамики, к ее изучению начинают привлекаться совершенно новые методы, связанные со смежными математическими и естественными науками.

Математические методы классификации в исследовании сарматской керамики были впервые использованы А.С. Скрипкиным. В своей обобщающей работе «Азиатская Сарматия», посвященной проблемам хронологии и истории сарматов волго-донских степей III в. до н.э. – начала II в. до н.э., он рассматривал керамику наряду с другими категориями погребального инвентаря (Скрипкин, 1990). Вся глиняная посуда, происходящая из сарматских погребений, была разделена им по способу изготовления на лепную и круговую, а по функциональному назначению подразделена на ряд видов: горшки, кувшины, кубки, миски, фляги и т.д. При выделении типов лепной керамики использовались только данные пропорциональных соотношений форм. В результате использования

формализационно-статистических методов было получено большое число типов, характеризующих разнообразные виды формы лепных горшков. Для сосудов с плоским дном было выделено 113 типов, а с круглым – 69 типов. Классификация, созданная С.А. Скрипкиным, получилась очень дробной и громоздкой, так как автор попытался учесть помимо данных о пропорциях форм множество дополнительных признаков, таких как форма ручки, форма дна, фактура. Поскольку в задачи автора входило создание хронологии сарматской культуры, то разработанная классификация керамики позволила проследить некоторые закономерности в развитии керамического комплекса во времени (Скрипкин 1990, с. 31).

В статье, посвященной савроматской керамике Нижнего Поволжья, М.А. Очир-Горяева попыталась придерживаться определенной системы в разработке классификации (Очир-Горяева, 1990, с. 81-92). Классификация керамики производилась в три этапа. Сначала сосуды были разделены на три группы по высоте расположения максимального диаметра тулова. Далее выделялись восемь разновидностей по форме тулова: овальные, биконические, округлые, эллипсоидные, котловидные, яйцевидные, баночные и грушевидные. На третьем этапе классификации, керамика разделилась на варианты по оформлению придонной части: «А» – с массивным выделенным дном, «Б» – с массивным, но невыделенным дном, «В» – с массивным невыделенным дном. Элементарными единицами классификации являлись типы, образуемые сочетанием всех признаков, нумерация всех типов была сквозной. Всего для керамики Нижнего Поволжья было выделено 14 типов. При анализе орнамента на сосудах были выделены семь его видов – по технике нанесения и подвиды по месту расположения орнамента на сосуде (Очир-Горяева, 1990, с. 81-86).

Сопоставляя керамические комплексы скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, М.А. Очир-Горяева пришла к выводу, что керамика каждого региона имела свой неповторимый облик. Поволжский керамический комплекс характеризуется простотой форм, грубостью теста, незамысловатым, подчас примитивным орнаментом, а Приуральский комплекс отличается разнообразием форм и у него более сложная, нарядная орнаментация (Очир-Горяева, 1990, с. 92).

В целом, классификация савроматской керамики, созданная М. А. Очир-Горяевой, получилась наиболее строгой, так как была построена на четких критериях выделения типов.

В монографии И.М. Акбулатова «Экономика ранних кочевников Южного Урала» на основе данных археологии с привлечением письменных источников и данных этнографии были рассмотрены различные аспекты материального производства и экономических связей ранних кочевников Южного Урала (Акбулатов, 1999). Привлекая информацию о технологии изготовления керамики, опубликованную в работах Э.В. Сайко и Г.Я. Федотова, автор пришел к выводу о значительной длительности процесса изготовления керамики (Сайко, 1982, с. 11; Федотов, 1997, с. 16-18, 124-126). Этот факт послужил одним из аргументов в доказательстве его гипотезы о существовании гораздо меньшей амплитуды перекочетов сарматов Южного Урала, чем это принято в настоящее время в литературе. Таким образом, И.М. Акбулатов вслед за К.Ф. Смирновым, основываясь на широком распространении керамической посуды в кочевнической среде, указал на вероятность большей оседлости савроматского населения (Смирнов, 1964б, с. 59; Акбулатов, 1999, с. 58).

В то же время И.М. Акбулатов выдвинул ряд возражений против предположения К.Ф. Смирнова о существовании группы мастеров, которая обеспечивала посудой свое родоплеменное объединение. По его мнению, этого не могло быть, потому что «во-первых, керамическое производство без использования гончарного круга и печи для обжига, как основное занятие, дающее средства к существованию, вряд ли экономически целесообразно; во-вторых, гончары, производящие посуду на рынок, могли осуществлять изготовление керамики только в условиях оседлости, но до сих пор на рассматриваемой территории не известно ни одной гончарной мастерской, существовавшей в эпоху раннего железного века» (Акбулатов, 1999, с. 57-58).

Развивая концепцию М.Г. Мошковой о происхождении прохоровской культуры и о влиянии миграции племен гороховской культуры из Зауралья на юг в конце V-IV вв. до н.э., А.Д. Таиров пришел к заключению, что некоторые группы гороховского населения перешли к кочевому скотоводству и были включены в состав кочевников Южного Зауралья. По мнению автора, именно это включение и дало толчок более быстрому распространению тальковой керамики среди кочевников Южного Зауралья и окончательному оформлению керамического комплекса прохоровской культуры (Таиров, 1998, с. 93).

Привлекая в качестве доказательства теорию А.А. Бобринского о поэтапности процессов смеше-

ния и слияния носителей разных технологических традиций в гончарстве, А.Д. Таиров пришел к выводу, что исчезновение тальковой керамики было связано с возобладанием традиций более многочисленной местной группы населения. «Показателем завершенности третьего этапа является одинаковая по назначению керамика с признаками однородности глин, рецептов и способов обработки поверхностей. К концу третьего этапа образуется внешнее культурное единство носителей разных технологических традиций. По внешним признакам изделия смешивающихся групп становятся мало-различимыми. Поэтому уже в III в. до н.э. керамика с тальком в сарматских погребениях практически исчезает» (Таиров, 1998, с. 93).

Гипотезу о притоке населения из Зауралья подвергли сомнению Б.Ф. Железчиков и А.Х. Пшеничнюк. Появление круглодонной тальковой керамики они связывали с сезонностью контактов кочевников с населением лесостепи, а исчезновение такой керамики в III в. до н.э. с прекращением прежних контактов и переориентацией интересов кочевников на запад и юг (Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 8).

Аналогичную точку зрения на появление тальковой круглодонной посуды высказал и Н.С. Савельев (1999, с. 139-140). Нарастание ее количества с юга на север, быстрое изменение, переосмысление орнаментов и «исчезновение» этой керамики, по его мнению, было связано с брачной формой контактов. Накопленные на сегодняшний день и проанализированные данные позволили Н.С. Савельеву высказать предположение, что «практически весь тальковый керамический комплекс южноуральских кочевников V-IV вв. до н.э. свои исходные формы и орнаменты имеет в иткульской и гафурийских традициях (орнаментация фестонами, полотенца, косая и прямая сетка, горизонтальные и вертикальные резные зигзаги, валики и их орнаментация, специфическое утолщение шейки, отнюдь не шаровидная форма сосудов и т.д.)» (Савельев, 1999, с. 139-140). К сожалению, это утверждение было высказано в тезисной форме и не получило достаточно развернутой аргументации.

Противоположную точку зрения на появление круглодонной тальковой керамики у ранних кочевников Южного Приуралья высказал В.А. Могильников (1999 г.). Отрицая массовую миграцию на юг племен гороховской культуры в V-IV вв. до н.э., он связывал распространение круглодонной керамики с усилением контактов кочевников непосредственно в ареале расселения «гороховцев» в зауральской лесостепи, чему способствовало удлинение маршрутов кочевания в связи с ариди-

зацией климата. По его мнению, оформление своеобразия керамики прохоровской культуры происходило в основном не под воздействием населения гороховской культуры, а опосредовано, через контактирующую с «гороховцами» северо-восточную группу кочевников Южного Зауралья, которая стала звеном восприятия и передачи далее на юг и юго-запад культурных инноваций. Именно поэтому, считал он, круглодонная тальковая посуда прохоровской культуры близка гороховской, но не полностью идентична ей (Могильников, 1999, с. 133-134).

Ряд работ В.М. Клепикова был посвящен проблеме выделения комплексов III в. до н.э. с помощью предложенной методики «зажатых датировок». Среди признаков, которые, по его мнению, не встречаются в погребениях II в. до н.э. приводится и отсутствие глиняной посуды с примесью талька в тесте (Клепиков, 2000, с. 100; 2002, с. 58, 97).

В своей обобщающей работе В.М. Клепиков «Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э.» при типологической характеристике керамики использовал уже известные классификационные схемы, предложенные К.Ф. Смирновым (1964), М.Г. Мошковой (1963) и М.А. Очир-Горяевой (1990). По функциональному назначению все сосуды были разделены им на горшки, кувшины и курильницы. Среди горшков были выделены две большие группы: круглодонных сосудов и плоскодонных. Группы разбивались на отделы по высоте расположения максимального диаметра тулова и форме его профилировки. Внутри групп выделялись типы по форме горла и характеру венчика (Клепиков, 2002, с. 50-54).

С 90-х годов XX в. появилось ряд публикаций, посвященных специально технологии изготовления сарматской керамики (Кирсанов, 1996, с. 62-64; Борисова, 1999, с. 161-163; Краева, 1999а, с. 123-124; Иванова, 2000, с. 135-154; Краева, 2000, с. 114-134; 2002, с. 32-34; 2003 а, с. 11-13; 2003б, с. 332-358; Краева, Богданов, 2000, с. 168-179; Краева, Мещеряков, Моргунова, 2000, с. 186-194; Иванова, Мышкин, 2006, с. 379-390; Краева, 2006 а с. 98-102, 2006 б, с. 197-201). Все данные исследования основаны на методике А.А. Бобринского (1978; 1999 с. 5-105).

В 2008 году Л.А. Краевой была защищена диссертация по теме «Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI-I вв. до н.э.» (Краева, 2008). Исследование стало первой специальной работой по истории гончарства сарматских племен Южного Приуралья. В работе впервые изучение керамики проводилось в рамках комплексного под-

хода и в научный оборот была введена принципиально новая информация по гончарной технологии ранних кочевников. Керамика рассматривалась не только как предмет материальной культуры, но и как источник исторической информации, по результатам исследования которого производилась реконструкция историко-культурных процессов в Южном Приуралье в VI-I вв. до н.э. Впервые методика А.А. Бобринского была апробирована на исследовании керамического материала неоседлых групп населения. В последующие годы автором были опубликованы серии работ, посвященных изучению технологии изготовления керамики Южного Приуралья и Западного Казахстана (Краева, 2008, 2009, 2010, 2012, 2016).

Использование методики А. А. Бобринского в рамках комплексного подхода к изучению керамики представляется сегодня, на наш взгляд, наиболее перспективным направлением, так как позволяет реконструировать не только гончарное производство сарматских племен, но и воссоздать историко-культурные процессы, происходившие в прошлом в среде изучаемого населения.

Таким образом, в период с 90-х до начала XXI века, керамика продолжает оставаться одним из самых важных археологических источников. Однако создание обобщающих типологических классификаций приобретает локальный характер, а при описании керамики из разных могильников продолжает сохраняться терминологическое разнообразие, препятствующее прояснению общей картины. В то же время активно начинают использоваться математические и естественно-научные методы.

В целом в археологии внимание сарматской керамике уделялось лишь как одной из категорий погребального инвентаря при рассмотрении проблем хронологии, происхождения и развития сарматских культур. Всеми исследователями подчеркивалась важность изучения форм, а также технологии изготовления керамики и в этом направлении были достигнуты определенные результаты.

Глава I.2. Методы исследования сарматской керамики

Керамика как одна из основных категорий археологического материала занимает особое место в исследованиях. Анализ этого самого массового и информативного источника традиционно является первостепенным при решении вопросов этнокультурной принадлежности, относительной хронологии и периодизации археологических памятников. В связи с этим существуют определенные стере-

отипы в изучении керамических комплексов, когда рассмотрению подвергаются чаще всего форма и орнаментация древней посуды, как наиболее значимые компоненты (Мыльникова, Чемякина, 2002, с. 3). Однако для того, чтобы реконструкция древнего керамического производства была как можно более полной, важно использование комплексного подхода в исследовании, который включает изучение технологии изготовления посуды, анализ ее форм и орнаментации.

Исследование технологии изготовления керамики ранних кочевников Западного Казахстана проводилось в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства. Основные положения данного подхода были разработаны и введены в научный оборот А.А. Бобринским (1978, 1999, с. 5-109). Разработка методики осуществлялась на основе многочисленных данных восточно-европейской этнографии, археологии и серии специальных экспериментов по физическому моделированию различных звеньев технологии в течение нескольких десятков лет (1958-1999).

Историко-культурный подход предусматривает системное выявление, учет и изучение конкретных навыков труда, с помощью которых делалась керамика. Целью исследования при этом является реконструкция культурных традиций в гончарстве изучаемого населения. В качестве объектов исследования выступают археологические следы на сосудах, указывающие на применение гончарами определенных навыков труда. Интерпретация технологической информации основывается на знании того, какие культурно-исторические явления и каким образом в них отражаются. Методика базируется на трасологии, бинокулярной микроскопии и физическом моделировании.

Методы выделения технологической информации.

Выделение технологической информации производилось в пределах естественной структуры гончарного производства, разработанной А.А. Бобринским, которая включает 3 стадии, состоящие из 10 обязательных ступеней, а также двух необязательных ступеней, присутствующих не во всех гончарных производствах (Бобринский, 1978; 1999, с. 5-109).

Стадия I – подготовительная

Ступень 1- отбор исходного сырья

Ступень 2 - добыча исходного сырья

Ступень 3 - обработка исходного сырья

Ступень 4 - составление формовочной массы

Стадия II – созидательная

Ступень 5 - конструирование начина сосуда

Ступень 6 - конструирование полого тела сосуда

Ступень 7 - придание сосуду формы

Ступень 8 - механическая обработка поверхностей

Стадия III – закрепительная

Ступень 9 - придание прочности сосуду

Ступень 10 - устранение влагопроницаемости стенок сосуда

Необязательные ступени: ступень 11 – изготовление скульптурных служебных частей емкости; ступень 12 – орнаментация сосудов.

Для выделения навыков труда по ступеням производства использовались общие методы, применяемые при анализе материала на всех ступенях (микроскопический анализ, физическое моделирование, метод сравнительного анализа по эталонным сериям, картографирование и статистика), и частные, используемые для анализа материала на отдельных ступенях.

Анализ проводился при помощи микроскопов марки МБС-10 и Zeiss Stemi 2000C Stereo. Изучались следы на поверхностях и свежих изломах сосудов. Определение способов конструирования, формообразования и обработки поверхностей производилось при увеличении от 8х до 16х. Исследование исходного пластичного сырья и состава формовочной массы – при увеличении от 16х до 40х.

Фотосъемка проводилась автором с помощью фотоаппаратов Nikon D90 и D800.

Для уточнения выделяемой информации проводилось сравнение археологических образцов с эталонами, хранящимися в археологических лабораториях Оренбургского госпедуниверситета (г. Оренбург) и Института истории и археологии Поволжья (г. Самара).

Для выяснения некоторых методических вопросов анализа керамики были проведены эксперименты, нацеленные: 1) на решение проблем интерпретации формовочных масс сарматской посуды с примесью дробленой слюды, тальковой дресвы и шамота; 2) на уточнение выявленных по керамике навыков конструирования и придания сосудам формы, 3) на идентификацию некоторых следов обработки поверхности сосудов; 4) на реконструкцию функционального использования некоторых сосудов.

Ниже подробнее показано, какая информация выделяется по исследуемому материалу на каждой ступени гончарного производства, а также рассматриваются особенности методов выделения этой информации.

20

В работе использовались термины и понятия, определения которых содержатся в работах А.А. Бобринского (1978; 1999 с. 5-109). Там, где необходимы были дополнения, адаптированные к исследованному материалу, вносились уточнения.

Стадия I – подготовительная.

Ступени 1-2- отбор и добыча исходного сырья.

Под исходным сырьем понимаются природные и искусственно образованные материалы, которые использовались для изготовления посуды. Они подразделяются на: 1) пластичные и 2) непластичные.

1) Пластичными названы материалы, известные в истории гончарства в качестве самостоятельных видов сырья для конструирования посуды (глины, илы, илистые глины, экскременты животных).

2) Непластичными названы материалы, которые использовались исключительно в сочетании с пластичными (шамот, песок, дробленая кость, дресва, зола и т.д.) (Бобринский, 1999, с. 17).

О навыках отбора и добычи исходного сырья возможно судить только по особенностям пластичного и непластичного сырья, зафиксированным по изучаемому под микроскопом черепку. На этой ступени определялись: I) пирометрические особенности исходного пластичного сырья (далее ИПС); II) виды и степень концентрации минеральных и органических примесей, естественно присутствующих в сырье; III) группы и подвиды ИПС, выделяемые по качественному и количественному составу естественных примесей; IV) искусственные добавки, которые вводились в ИПС гончарами.

I) Определение пирометрических особенностей ИПС.

Для определения пирометрических особенностей ИПС перед непосредственным анализом небольшие фрагменты от каждого сосуда дополнительно нагревались в окислительной атмосфере муфельной печи до температуры 850°C, так как по такому черепку легче определяется ожелезненность сырья, четче выделяются некоторые минеральные примеси (шамот, дресва, кость) и случаи использования смеси глин.

Степень ожелезненности может быть различной. Ожелезненность ИПС определялась визуально при сопоставлении цвета образцов. Критерием выделения служила интенсивность окрашивания образца после пребывания в муфельной печи в красный цвет.

В работе используются термины и характеристика степени ожелезненности глин, предложенные Ю.Б. Цетлиным (2006, с. 421-425). Исходя из

изучаемого материала, при обобщающей классификации высокожелезистые и среднежелезистые глины объединены были в один вид – ожелезненные.

Выделялись следующие виды ИПС по степени ожелезненности: 1) ожелезненное ИПС; 2) слабоожелезненное ИПС; 3) неожелезненное ИПС.

1) К ожелезненным глинам относилось ИПС, которое после пребывания в муфеле окрашивалось в интенсивный красно-коричневый или в оранжево-коричневый цвет.

2) К слабоожелезненным глинам относилось ИПС, которое после пребывания в муфеле окрашивалось в цвета от средне-коричнево-оранжевого до светло-оранжевого.

3) К неожелезненным глинам относилось ИПС, которое после пребывания в муфеле окрашивалось в светло-светло-оранжевый или белый цвета.

II) Определение видов и степени концентрации минеральных и органических примесей естественно присутствующих в сырье.

Определение видов минеральных и органических примесей, естественно присутствующих в сырье, производилось на основе признаков, выделенных А.А. Бобринским (1978, с. 79-83; 1999, с. 22-24).

В связи с существованием проблемы различия естественных и искусственно введенных примесей раковины, песка и талька, особо следует остановиться на признаках, характерных для естественного содержания этих компонентов в сырье.

Для содержания естественной примеси раковины в сырье характерны, по Н.П. Салугиной, следующие признаки: 1) преимущественно окатанные очертания; 2) наличие обломков или целых экземпляров в основном улиток, когда представлены части раковины, то их горизонтальная структура не разрушена; 3) цвет раковины, как правило, молочно-белый, иногда сероватый, слой перламутра разрушен; 4) включения довольно мягкие, они царапаются иголкой, оставляя след на поверхности; 5) размер частиц от менее 1 мм до 5-10 мм, почти нет «пылевидной» фракции (Салугина, 2006, с. 380).

О естественном характере содержания песка в сырье, по А.А. Бобринскому, свидетельствует: 1) наличие пленок из тонких частиц глинистого сырья на песчинках, 2) заполнение неровностей на поверхностях минералов частицами ИПС такого же цвета, что и основное сырье, 3) преобладание песчинок размером менее 0,4 мм, особенно при большой концентрации песка (Бобринский, 1999, с. 24-25).

Природные глины, в которых тальк присутствует в качестве естественной примеси принято называть тальковыми глинами (Геологический словарь, 1978, с. 295). Тальковые глины по сообщению В.И. Даля в народе называли «земляным мылом» и использовали для валки сукна (Даль, 1989, с. 364; 1991, 389). Тальк в таких глинах мог быть как самостоятельной примесью минерала, так и входить в состав глин наряду с другими минералами.

По результатам изучения под микроскопом тальковых глин из Свердловской и Оренбургской области нами были выделены следующие признаки, характерные для естественного содержания талька: 1) разнообразие размеров включений от «пылевидных» (менее 0,1 мм) до 5-8 мм; 2) наличие значительной концентрации талька в ИПС от соотношений 1:1 (одна часть талька на одну часть ИПС) до 1:2; 3) значительное преобладание включений (так называемой тальковой «пыли») размеры которых не определяются под микроскопом при 32-кратном увеличении, а фиксируются по однородному металлическому серому блеску; 4) присутствие включений разнообразных форм от пластинчатых со скругленными краями до округло-окатанных, полное отсутствие остроугольных частиц; 5) среди крупных включений (2-8 мм) преобладание округло-окатанных форм (Краева, 2010, с. 58-65).

Определение концентрации естественных примесей в ИПС производилось по шкале концентрации для всех примесей, разработанной в лаборатории «История керамики» ИА РАН.

При определении незначительной степени концентрации естественных примесей употреблялись следующие термины: наличие «редких» включений – присутствие в среднем менее одного включения на 1 см², наличие «единичных» включений – присутствие 1-5 включений на 1 см².

III) Определение групп и подвидов исходного пластичного сырья (ИПС).

Выделение групп ИПС происходило в зависимости от качественного состава минеральных и органических примесей естественно присутствующих в ИПС.

Выделялись следующие группы ИПС: 1) глины; 2) илы; 3) илистые глины.

1) *Глины.* К глинам отнесена мелкообломочная осадочная порода, состоящая из частиц минералов по химическому составу обычно – гидроалюмосиликатов, в подавляющей своей части в виде пелитовой фракции, и сопутствующих примесей иных минералов (Августинник, 1975, с. 5).

2) *Илы.* Развернутую качественную и количественную характеристику илов, как сырья для производства посуды, впервые сформулировали А.А. Бобринский и И.Н. Васильева, затем каждый из них уточнил свои представления об этом виде ИПС (Бобринский, Васильева, 1998, с. 202-203; Бобринский, 1999, с. 17-18; Васильева, 2002, с. 18-21). В своей работе мы придерживались тех характеристик илов, которые были определены авторами в их совместной работе: 1) наличие комочков плотного глинистого вещества, округлой формы, размером не более 1-2 мм; 2) неравномерность распределения растительных остатков и песка в формовочной массе и присутствие в черепке более уплотненных участков глинистой массы; 3) наличие значительного разнообразия качественного состава и концентрации песка с преобладанием песчинок размером менее 0,5 мм; 4) наличие значительного количества железистых включений и оолитового бурого железняка; 5) присутствие органики растительного (водные и надводные растения) и животного (чешуи и кости рыб, личинок и т.д.) происхождения; 6) наличие обломков и целых раковин пресноводных моллюсков.

3) *Илистые глины.* При исследовании сарматской керамики было зафиксировано использование сырья, сходного по своему составу с илами, но для которого не характерны все признаки, выявленные для илов. В нем отсутствуют органика животного происхождения (чешуя, кости рыб) и глинистые комочки округлой формы, а концентрация раковины «редкая» или «единичная». От глин это сырье отличает присутствие естественных включений раковин пресноводных моллюсков и наличие «единичных» остатков растительности водного происхождения.

Большое значение при отборе сырья имеет его пластичность. Современные и древние гончары пользовались глинами, которые по пластичности разделяются на «жирные» и «тощие» (Бобринский, 1999, с. 24). Определение пластичности производилось путем разминания или растирания кусочков глины руками или зубами (Васильева, Салугина, 1997, с. 40). Но по археологическим образцам, довольно трудно определить к какому из этих подвидов относится ИПС, так как мы имеем дело уже с обожженным сырьем.

Большое влияние на степень пластичности оказывает содержание песка, которое хорошо фиксируется при изучении черепков под микроскоп, поэтому нами первоначально было принято деление ИПС по степени запесоченности. Так как четкого обоснования критериев выделения

21

глин по степени запесоченности пока получить не удалось (Лопатина, Каздым, 2010, с. 55), то первоначально в работе использовалась шкала для оценки степени запесоченности, выделенная только по изучаемым материалам: *1 степень* – незапесоченное – естественная примесь песка под микроскопом при 32-х кратном увеличении не фиксируется; *2 степень* – слабозапесоченное – присутствуют «единичные» включения песка (1-5 песчинки размерами 0,2-1 мм на 1 см²); *3 степень* – среднезапесоченное – на 1 см² излома сосуда приходится 10-18 включений песка с размерами частиц 0,2-1 мм; *4 степень* – сильнозапесоченное – присутствует «пылевидный» песок с размерами частиц менее 0,1 мм или на 1 см² излома сосуда приходится более 20 включений песка с размерами частиц 0,1-1 мм.

С учетом того, что при распределении образцов по степени запесоченности, картина оказалась очень пестрой и достаточно условной, при дальнейшей классификации для удобства в работе использовались термины: «жирное» ИПС и «тощее» ИПС. К «жирному» относилось сырье первой и второй степени запесоченности, а к «тощему» – третьей и четвертой степени запесоченности.

На основе сходства качественного состава ИПС А.А. Бобринским было предложено выделять «районы» добычи. По мнению А.А. Бобринского, ИПС со сходным составом естественных примесей происходит из одного «района» добычи, внутри которого могут быть выделены по одинаковому количественному соотношению естественных примесей условные «места» добычи (Бобринский, 1999, с. 25-26).

При технологическом изучении керамики учитывался количественный и качественный состав ИПС, однако их разнообразие оказалось столь велико, что в настоящей работе перечень и подробное описание возможных «районов» и «мест» добычи не приводится, а речь идет только о множественности источников сырья.

IV) Определение искусственных добавок, которые вводились в ИПС гончарами.

Определение минеральных и органических примесей, искусственно вводимых в сырье, производилось на основе признаков, выделенных А.А. Бобринским (1978, с. 99-109; 1999, с. 20-25).

Сложными для интерпретации компонентами в рамках исследованного материала стали примеси талька и органики.

Тальк – очень мягкий минерал (чертится ногтем), поверхность даже плотного талька легко

скоблится ножом, при этом получается порошок, при растирании которого между пальцами или на ладони ощущается жирность. В чистом виде тальк встречается редко и в незначительных количествах, обычно же он входит в состав горных пород. Горные породы, в которых содержание талька составляет 70% и выше, называются талькитами; породы, в которых талька содержится от 30 до 70 %, носят название талькового камня (Уральский, 1954, с. 5). В минералогии различают две текстурные разновидности талькитов: 1) плотную, именуемую обычно стеатитом или жировиком, 2) сланцеватую, называемую тальковым сланцем (Геологический словарь, 1978, Т. 2, с. 295). Тальковые сланцы имеют сланцеватое строение, что затрудняет их размельчение. Тальковый камень также в зависимости от минералогического состава образует две разновидности: талько-хлоритовую и талько-карбонатную или чаще талько-магнезитовую (Уральский, 1954, с. 7). Так как нет возможности для точного геологического определения (частицы талька в формовочных массах очень малы), то в своей работе мы используем термин «тальк», принятый в археологической литературе для этой искусственной примеси.

При изучении сарматской керамики условно было выделено использование двух разновидностей талька: 1) очень мягкий светло-серого или серого цвета, его включения часто имеют окатанную форму, 2) более твердый темно-серого цвета – включения со слегка сглаженными краями и остроугольной формы.

Для определения приема искусственного введения минеральных примесей важное значение имеют признаки дробления.

К сожалению, из-за мягкости талька эти признаки не всегда фиксируются. В таком случае, для утверждения о целенаправленном введении тальковой примеси мы ориентировались на весь комплекс признаков, выделенных нами в ходе проведения экспериментов: 1) калиброванность размеров включений, то есть, отсутствие сильного разброса в размерности включений и отсутствие включений больше определенной величины, заданной просеиванием примеси; 2) пластинчатая форма включений; 3) преобладание концентрации крупных включений (1-8 мм), над концентрацией тальковой «пыли».

Особое затруднение для интерпретации всегда вызывают образцы сарматской керамики, где примесь талька присутствует в незначительной концентрации (1-3 включения на 1 см²), а в состав

формовочной массы входит еще и шамот, на изготовление которого использовались сосуды из формовочной массы с содержанием талька.

Для выявления характера происхождения талька в таких формовочных массах была также проведена серия экспериментов (рис. 1-4), направленных на выяснение того, являлся ли тальк целенаправленно введенной примесью или попадал в формовочную массу неумышленно из шамота при дроблении.

В рамках эксперимента на базе Экспериментальной керамической экспедиции в Самарской области нами были предварительно изготовлены эталонные сосудики из формовочной массы с искусственной примесью талька с различной размерностью частиц (0,5-1,9 мм; 1,9-2,9 мм; 2,9-4,9 мм; менее 5 мм без отсеивания «пыли») и в разной концентрации (1:2-1:8). После обжига в костре эти сосудики дробились на шамот, который просеивался до той же размерности, что и тальк. Далее изготавливались серии эталонов в виде брусков и сосудиков из формовочных масс: 1) с добавлением только просеянного шамота (1:2-1:5); 2) с добавлением шамота (1:3-1:5) и талька (1:2, 1:5-1:8). Для изготовления этих эталонов использовалась как разная, так и одинаковая по цвету глина.

Результаты проведенного экспериментального исследования показали, что единственными надежными признаками связи выпавших тальковых частиц с шамотом являются: 1) присутствие талька в частицах шамота; 2) практически полное отсутствие тальковой «пыли»; 3) на поверхности и в складках частиц талька, выпавших из шамота, присутствуют частицы глины такого же цвета и состава, как ИПС шамота (Краева, 2003а, с. 13; Краева, 2010а, с. 58-65).

Сложными для интерпретации пока остаются случаи, когда частицы талька присутствуют в незначительной концентрации (1-3 включения на 1 см²), а в состав формовочной массы входит еще и шамот, который не выделяется по цвету даже после вторичного обжига образцов в муфельной печи, так как на его изготовление использовались сосуды из аналогичного ИПС с шамотом и тальком.

В работе используется четыре термина для определения разновидности искусственно введенных органических добавок животного происхождения: 1) навоз жвачных животных; 2) выжимка из навоза; 3) органический раствор; 4) органика.

1) *Навоз жвачных животных* – определялся в керамике по пустотам от выгоревших частиц растений или остаткам самих растений, служивших

1. Процесс дробления экспериментальных сосудиков с тальком на шамот

2. Процесс просеивания талька. Эксперимент

для животных кормов. А.А. Бобринским (1999, с. 18-19) было предложено пять градаций растительных остатков, наличие которых в сырье позволило определить фиксируемые органические добавки как навоз.

2) *Выжимка из навоза* – фиксировалась в керамике по редким аморфным и щелевидным пустотам размерами 0,3-3 мм и по наличию в них игольчатых частиц растений, очень сильно измельченных на отдельные волокна шириной не более 0,1-0,15 мм и длиной от 0,2 мм до 1-1,5 мм.

3) *Органический раствор* – фиксировался в черепке по: 1) участкам, пропитанным жидким веществом различного цвета, 2) аморфным пустотам с налетом на стенках, 3) пленкам, обволакивающим искусственные минеральные примеси.

Рецепты изготовления органических растворов пока остаются неизвестными. Обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых случаях налет от органических растворов одновременно фиксируется в пустотах, а также в спаях между строительными элементами и более густо концентрируется ближе к внутренней поверхности сосудов, особенно в придонной части. Возможно, это связано с проникновением в поры черепка жидкой пищи. Очень трудно в таких случаях прийти к однозначному выводу: связаны ли эти признаки только с использованием органических растворов или могут быть интерпретированы как результат проникновения жидкой пищи в поры черепка. Вероятность

ошибки возрастает, если заключение производится по отдельным фрагментам. Поэтому при интерпретации учитывался весь набор выделенных выше признаков.

4) *Органика* – термин используется, когда более точно определить вид органической примеси невозможно. Обычно в керамике она представлена редкими отпечатками растительности длиной 0,2-8 мм.

Ступень 3 – обработка исходного сырья.

На этой ступени технологии рассматривались: I) использование исходного пластичного сырья в сухом или влажном состоянии; II) способы подготовки минеральных и органических примесей искусственно вводимых в ИПС.

I) *Использование исходного пластичного сырья в сухом или влажном состоянии.*

Сухое состояние одной или смеси разных глин определялась по наличию следующих признаков: 1) наличие нерастворившихся до конца округлых комочков сухой глины, 2) присутствие в изломах «линз» и вытянутых слоев чистой глины, в пределах которых отсутствуют включения, характерные для иных компонентов, составляющие формовочные массы, 3) наличие вытянутых слоев ожелезненной или неожелезненной глины с измененной их первоначальной окраской в ходе неполного смешения (Бобринский, 1999, с. 33).

Заключение об использовании влажного сырья делалось по отсутствию признаков сухого состояния.

II) *Способы подготовки минеральных и органических примесей искусственно вводимых в ИПС.*

Среди способов подготовки минеральных и органических примесей искусственно вводимых в ИПС выделялись: 1) дробление; 2) предварительный обжиг минеральных компонентов; 3) просеивание.

Дробление фиксировалось по наличию остроугольных очертаний частиц примесей, таких как шмот, дресва, кость, раковина.

Предварительный обжиг искусственных компонентов (дресва, кость, раковина) фиксировался по следам обугленности и цвету включений.

Наличие просеивания определялось по присутствию включений определенной размерности и отсутствию мелких «пылевидных» частиц размером менее 0,1 мм.

Влажное и сухое состояние навоза определялось по признакам, выделенным А.А. Бобринским (1999, с. 32).

Влажное состояние характеризуется: 1 – заметными большими поперечными размерами отпечатков, например, обломков стеблей растений, чем поперечные размеры самих растительных остатков; 2 – проявлениями гибкости растительных остатков при их сгибании, кручении и т.д. в ходе подготовки формовочной массы; 3 – поперечными разрывами сплошности обрывков растений в ходе начальной фазы термической обработки; 4 – наличием вытянутых пустот от наиболее мелких частиц растительных остатков.

Сухое состояние характеризуется: 1 – отсутствием заметных различий в поперечных размерах отпечатков и самих растительных остатков; 2 – проявлениями ломкости; 3 – продольными разрывами сплошности обрывков растений в ходе начальной стадии фазы термической обработки; 4 – наличием округлых пустот от наиболее мелких частиц растительных остатков.

Ступень 4 – составление формовочной массы, то есть, пластичных масс, используемых для непосредственного изготовления сосудов. Они могут состоять: 1) из одного определенного образом подготовленного исходного пластичного сырья (или из смеси разных видов сырья); 2) из одного исходного

пластичного сырья (или из смеси разных видов сырья) и искусственно введенных компонентов.

На этой ступени рассматривались рецепты составления формовочных масс, концентрация искусственных примесей в сырье.

Количественное содержание примесей определялось по шкалам концентрации с учетом сухого или влажного состояний ИПС. Использовалась методика определения концентрации, основанная на подсчете числа частиц примесей на площади 1 см² произвольно выбранного участка излома черепка (Бобринский, 1999, с. 33-41). Величина концентрации примесей записывалась в виде соотношения частей ИПС и искусственных примесей, например 1:2, где первая цифра означает число объемных частей примеси (1 часть), а вторая – ИПС (2 части).

В связи с отсутствием необходимого технического оборудования методика определения концентрации органических материалов животного происхождения (навоз, шерсть животных), предложенная А.А. Бобринским не использовалась (Бобринский, 1999, с. 41-44). Учет концентрации таких добавок велся по подсчету количества отпечатков и невыгоревших остатков органической примеси на 1 см².

3. Процесс просеивания шмота. Эксперимент

4. Процесс замешивания формовочной массы с шамотом и тальком. Эксперимент

В рамках исследованного материала различаются две степени концентрации органических примесей животного происхождения: 1) «единичная» – присутствие отдельных включений, в среднем менее 1 включения на 1 см², 2) «незначительная» – 1-4 включения на 1 см², 3) «значительная» – свыше 5 включений на 1 см².

А.А. Бобринским были выделены смешанные и несмешанные рецепты формовочных масс. Несмешанными были названы рецепты, образованные из двух компонентов: ИПС и какого-либо одного вида неглинистого материала, а смешанными – из ИПС и двух или большего числа различных видов неглинистого материала (Бобринский, 1978, с. 91, 93).

В ходе исследования сарматской керамики было зафиксировано значительное разнообразие смешанных рецептов формовочных масс. Для того чтобы разобраться в степени их смешанности и проследить их генезис, в работе предложено более детальное деление рецептов. По количеству компонентов, участвовавших в сложении рецепта, и их технологическим функциям выделены следующие виды рецептов формовочных масс: 1) про-

стейшие; 2) простые; 3) сложные; 4) составные; 5) сложносоставные.

К простейшим отнесены рецепты, при которых сосуд изготавливался из одного ИПС без дополнительного введения искусственных примесей.

К простым отнесены рецепты, в состав которых входит ИПС и один вид примеси.

К сложным отнесены рецепты, в составе которых кроме ИПС фиксируются два вида примеси, несущие разные технологические функции.

В составных рецептах наряду с ИПС присутствуют три вида примесей, из которых два вида несут одинаковую технологическую функцию.

Сложносоставные рецепты состоят из ИПС и четырех видов примесей, из которых три вида несут одинаковую технологическую функцию.

Стадия II – созидательная.

Ступень 5 - конструирование начала сосуда.

Под началом понимается первая ступень непосредственного конструирования керамики, работа над которой выполняется как один непрерывный акт.

На этой ступени определялись: 1) программа изготовления начала (донная, донно-емкостная,

емкостно-донная и емкостная); 2) способы его конструирования (монолитный, составной из комка, лоскутным, спиральным, налепом); 3) строительные элементы конструирования (лоскуты, короткие жгуты, жгуты, ленты, короткие ленты); 4) способы наращивания этих элементов (неорганизованный, спиральный). Подробные приемы выделения этой информации содержатся в монографии А.А. Бобринского (1978, с. 114-153).

Ступень 6 - конструирование полого тела сосуда.

Полым телом называется емкость, образующаяся после полного завершения строительства дна и стенок будущего сосуда.

На этой ступени фиксировались: 1) строительные элементы, используемые для конструирования (лоскуты, короткие жгуты, жгуты, ленты, короткие ленты), 2) приемы наложения строительных элементов. Приемы фиксации этой информации также содержатся в монографии А.А. Бобринского (1978, с. 154-186).

Ступень 7 - придание сосуду формы (формообразование).

На данной ступени определялись приемы, с помощью которых сосудам придавалась окончательная форма: 1) использование специальных форм-моделей; 2) скульптурная лепка на плоскости; 3) выбивание колотушкой или выдавливание пальцами (Бобринский, 1978, с. 187-212).

К сожалению, часто из-за тщательной обработки поверхностей следы от форм-моделей на них не фиксируются. Использование форм-моделей в таком случае определялось по совокупности косвенных признаков: шаровидности и круглодонности форм, конструированию лоскутным налепом, присутствию сильного выбивания наряду с использованием формовочных масс с большой концентрацией искусственных примесей.

Ступень 8 - механическая обработка поверхностей.

На данной ступени по следам, оставленным на поверхности сосудов, выявлялись: 1) основные приемы обработки поверхности сосуда (простое заглаживание, лощение, полировка); 2) орудия заглаживания (ткань, овчина, кожа, пальцы гончара, мягкий материал) (Бобринский, 1978, с. 214-241).

Стадия III – закрепительная.

Ступени 9-10 – придание прочности сосуду и устранение влагопроницаемости его стенок.

Придание прочности и водонепроницаемости сосуду изучалось по следам влияния различных температур на первоначальную сохранность минеральных и органических компонентов, входивших

в состав формовочных масс, а также по определенным цветовым особенностям поверхностей и изломов сосудов (Бобринский, 1999, с. 85-106; Васильева, Салугина, 1999, с. 244-248).

Для изучения способов придания сосудам прочности использовался метод, предложенный А.А. Бобринским для определения низкотемпературного обжига. Согласно этому методу небольшие фрагменты от каждого сосуда на сутки помещались в воду и за их «поведением» велось наблюдение. По результатам наблюдения делались выводы о температуре и времени ее воздействия при обжиге сосуда (Бобринский, 1989, с. 20-23; 1999, с. 89-92).

На этой же ступени гончарного производства изучались следы, оставленные химико-термическим способом обработки поверхностей (обваривание) для устранения влагопроницаемости стенок сосудов (Бобринский, 1978, с. 236-237).

Ступень 12 – орнаментация сосудов.

На данной ступени с помощью микроскопа при 8-х и 6-кратных увеличениях изучались следы и особенности инструмента, которым был нанесен орнамент.

По особенностям техники нанесения выделялись следующие способы орнаментации: 1) процерчивание; 2) вдавление; 3) вдавление-протаскивание; 4) накальвание; 5) вдавление-накальвание; 6) налеп; 7) пролащивание; 8) «защипывание»; 9) расписывание.

При затруднениях в определении способа орнаментации при исследовании использовался метод физического моделирования. В ходе эксперимента изготавливались прямоугольные эталоны из отмученной глины, на которых воссоздавался предположительный способ орнаментации, наблюдаемый на керамике, а затем под микроскопом производилось сравнение экспериментального и археологического образцов.

Метод реконструкции культурных традиций в гончарстве.

Разработанная А.А. Бобринским система технико-технологического анализа керамики направлена на выделение и изучение навыков труда гончара при изготовлении посуды. Система анализа предусматривает выделение навыков труда по ступеням гончарного производства. Устойчивые навыки труда по изготовлению посуды, передаваемые по наследству из поколения в поколение путем непосредственного обучения мастером ученика, принято называть культурными традициями в гончарстве. Такая передача навыков в до-ремесленную эпоху происходила по родственным

каналам, по мужской или женской линии. В результате такого механизма передачи, когда обучение проводилось постепенно и непосредственно при строгом соблюдении указаний учителя и отступление от правил могло привести к браку на любом этапе производственного процесса, складывались устойчивые, консервативные системы трудовых навыков, характерные для каждого отдельного коллектива, объединенного родственными связями. Поэтому изменение культурных традиций в гончарстве определенной группы населения свидетельствует в свою очередь об изменениях в составе членов этой группы. В частности, на основе этих данных можно судить о различных процессах, происходящих в среде изучаемого населения, а именно: о массовом притоке населения с другими традициями или об инфильтрации в местную среду; о смешении групп с разными традициями или о полном вытеснении старого населения новым и т.п. (Бобринский, 1978; 1999, с. 5-109).

Исследования А.А. Бобринского показали, что навыки труда, относящиеся к разным ступеням гончарного производства, реагируют на изменение состава населения по-разному. Одна группа навыков изменяется достаточно быстро, в течение жизни одного поколения, другая группа – очень медленно, в течение жизни пяти-шести поколений. Навыки первой группы названы *приспособительными*. Это навыки по отбору и обработке сырья, составлению формовочных масс, механической обработки поверхности. Навыки второй группы названы *субстратными*. Это навыки по изготовлению начина, полого тела и формообразованию. Изучая субстратные навыки, можно получить информацию о предыстории и истории сложения культурных традиций в гончарстве изучаемого населения.

Таким образом, фундаментальными основами перевода технологической информации в историческую являются: положение об исторически складывающейся системе трудовых навыков в гончарстве, сохранении их в стабильных условиях и различном поведении в условиях смешения разных в культурном отношении групп населения; положение о механизме передачи приемов труда только контактным способом по родственным каналам из поколения в поколение, что обуславливало образование устойчивых технологических традиций (Бобринский, 1978, с. 242-244; 1999, с. 48-72).

Для обобщения выделенной информации о морфологии и технологии изготовления всего множества изучаемых сосудов, а также для выделения технологических традиций и определения их места

и времени существования использовались методы статистики, картографирования и корреляции. Эти методы использовались в простой и широко распространенной форме и не требуют специального пояснения. При корреляции признаков и количественном подсчете использовалась компьютерная программа Excel.

В качестве приложения для лучшего понимания в конце книги прилагается словарь терминов.

Глава 1.3. Проблемы изучения сарматской керамики Западного Казахстана

Керамика является одним из наиболее сложных для изучения предметов материальной культуры.

В ходе исследования керамики Западного Казахстана работе препятствовал ряд трудностей: 1) за давностью проведенных раскопок не вся керамика могла быть атрибутирована по археологическим комплексам; 2) не совпадение маркировки сосудов с данными из отчетов; 3) сохранность керамики, особенно гипсованной, затрудняла ее изучение, так как со временем гипс приводит к дегидратации керамического материала и его разрушению; 4) испорченная внешняя поверхность сосудов в результате мытья грубыми материалами (зубными щетками, металлическими губками и т. д), которая делала невозможным изучение обработки поверхности, произведенной древними гончарами; 5) отсутствие или неточность рисунков керамики в полевых отчетах и публикациях; 6) отсутствие датирования археологических комплексов, откуда происходит керамический материал; 7) отсутствие признанной научной классификации сарматской керамики и предварительного анализа форм и орнаментов.

Кроме того, в процессе исследования также пришлось столкнуться с необходимостью решения в основном историко-технических проблем как фундаментальных (Цетлин, 2010, с. 229-244), так и прикладных, связанных со спецификой изучаемого гончарства.

С учетом структуры гончарного производства и общих вопросов изучения керамики все проблемы были разделены на 8 групп.

Группа I. Классификация керамики.

1) *Классификация форм*. Общеизвестной классификации сарматской керамики на сегодняшний день не разработано, характеризуя сосуды исследователи как правило прибегают к самостоятельному интуитивно-визуальному описанию. Большинство существующих типологий носит частный характер, выделение типов производится

применительно к керамическому материалу конкретного памятника или рассматривается в рамках изучения погребального обряда (Пшеничнюк, 1983, с. 100-101; Скрипкин, 1984, с. 24-31; Очир-Горяева, 1990, с. 81-92; Клепиков, 2002, с. 51-60; Гуцалов, 2004, с. 33-37 и др).

Уже разработки первых классификаций керамики ранних кочевников, основанные на массовом материале (Смирнов, 1964, с. 108-127; Мошкова, 1963, с. 24-30), выявили ряд проблем, которые до настоящего времени не позволяют создать общую, универсальную и логичную типологическую схему: во-первых, отсутствие единого терминологического аппарата; во-вторых, наличие большого разнообразия форм сарматских сосудов и присутствие массы сосудов переходных типов, выделить критерии разделения, которых очень сложно.

Например, даже разделение сарматской посуды на группы по форме дна всегда достаточно условно, так как наблюдается масса переходных форм между плоскодонными и круглодонными сосудами (Краева, 2003, с. 333), критерий же выделения степени уплощенности весьма размыт, и на рисунке обычно его очень трудно показать.

Выделенные проблемы в морфологии сарматской керамики не разрешены и с привлечением методов статистического анализа, использование которых породило множество типов, часто визуально неотличимых друг от друга (Скрипкин, (1990, с. 30-58, рис. 4-18). Все это показало сложность привлечения подобных методов к изучению лепной сарматской керамической посуды.

2) *Классификация орнаментов*. Рассматривая орнаментацию, исследователи ограничиваются лишь общей характеристикой орнаментов (Смирнов, 1964, с. 120-127; Мошкова, 1974, с. 30-37, рис. 10; Скрипкин, 1990, с. 162-163, рис. 18 и др.). Систематизация декора отсутствует.

Изучая семантику орнамента, особое внимание уделялось сосудам с «пиктограммами». Одними из первых, кто обратил внимание на савроматские сосуды с нестандартной системой орнаментации, были Н.П. Кипарисова и К.В. Сальников (1958, с. 250). Анализируя сосуд со знаками из курганного могильника у с. Клястицкое, они интерпретировали завитки на сосуде как сами изображения баранов. В дальнейшем К.Ф. Смирнов (1964а, с. 124-125) связал происхождение знаков на савроматской посуде с «письменными» знаками и асимметричной орнаментацией срубной культуры, а также с влиянием протохорезмийской письменности. В настоящее время значительный временной промежуток, разделяющий культуры позднего бронзового века

и раннего железного века, отсутствие пиктограмм на сосудах из погребений «переходного» типа не дают основания говорить о такой генетической преемственности.

По-видимому, традиция нанесения подобных рисунков на сосуды связана с развитием искусства ранних кочевников, для которого характерны изображения различного рода значков, завитков, спиралей на изделиях из металла, кости и камня. Нестандартно, большинство сосудов с пиктограммами приходится на время расцвета звериного стиля, а «исчезновение» – на период схематизации образов в сарматском искусстве (Краева, Богданов, 2000, с. 171).

На наш взгляд, назрела необходимость в разработке в ближайшее время общей систематизация форм и орнаментации сарматской керамики, доступной и понятной всем исследователям.

Группа II. Изучение исходного пластичного сырья и формовочных масс.

3) Проблема выделения признаков искусственной и естественной примеси талька. С данной проблемой пришлось столкнуться ранее при анализе сарматской посуды из Южного Приуралья, актуальной она оказалась и при исследовании материалов из Западного Казахстана. Дело в том, что происхождение примеси талька в керамике может быть различным. Тальк может являться как естественной примесью в глине, так и искусственно введенной гончаром (тальковая дресва). Кроме того, широко распространенный термин «тальковая керамика» является очень условным, так как при визуальном исследовании тальк легко перепутать с некоторыми другими примесями (слюдой, раковинной и др.) или он может оказаться не единственной примесью в формовочной массе посуды, а также примесь талька в незначительной концентрации не всегда фиксируется при визуальном осмотре.

Основываясь на изучении формовочных масс сарматской керамики и проведении серии экспериментов, были выделены определенные признаки, объясняющие нахождение талька в сырье. Однако в ряде случаев однозначное заключение порой дать сложно. Например, сложными для интерпретации остаются случаи, когда частицы талька присутствуют в незначительной концентрации (1-3 включения на 1 см²), а в состав формовочной массы сосуда входит еще и шамот, который не выделяется по цвету даже после вторичного обжига образцов в муфельной печи, так как для его изготовления использовались сосуды из аналогичной глины с шамотом и тальком (Краева, 2010, с.

58-65). Выделение качественных особенностей естественной и искусственной примеси талька является до сих пор одной из актуальных задач в изучении древнего гончарства, а проведенные методические разработки в этом направлении хотя и дали определенные результаты, но требуют продолжения исследований.

4) Проблема выделения признаков искусственной и естественной примеси слюды. Слюда может являться как естественной примесью в глине, так и искусственно введенной в формовочную массу гончаром. А.А. Бобринским были отмечены только случаи существования глин с содержанием слюды в качестве естественной природной примеси, а также искусственного попадания ее в сырье при дроблении гранито-гнейсовой дресвы, в составе которой она фиксируется (Бобринский, 1978, с. 105).

Проведённые нами эксперименты показали, что слюду невозможно растолочь без предварительной термической обработки, так как она не распадается на отдельные частицы при дроблении в «сыром» состоянии. Вопрос о целесообразности специального добавления слюды в качестве искусственной примеси остается открытым и, чтобы ответить на него, необходим более глубокий анализ.

5) Проблема выделения видов органических растворов. В формовочных массах сарматской керамики в ряде случаев фиксируются какие-то органические растворы, для которых характерны следующие признаки: участки, пропитанные жидким веществом различного цвета; аморфные пустоты с налетом на стенках; пленки, обволакивающие искусственные минеральные примеси; иногда присутствие редких включений измельченных остатков растительности длиной от 0,2 мм до 1-1,5 мм (Бобринский, 1999, с. 85-86; Салугина, 1999, с. 23; Краева, 2011а, с. 53). Рецепты изготовления органических растворов пока остаются неизвестными и в этом направлении ведутся экспериментальные работы (Васильева, Салугина, 1999, с. 240).

6) Проблема выделения признаков искусственной и естественной раковины. Раковина как искусственная примесь довольно редко встречается в рецептах формовочных масс сарматской керамики, но часто фиксируется в качестве естественной примеси в илах и илистых глинах. В последнее время, на основании изучения археологических образцов и многочисленных экспериментов, были выделены признаки естественной и искусственной примеси раковины пресноводных моллюсков (Салугина, 1994, с. 148; 2006, с. 379-381; Васильева, 1999, с. 192-193; 2005, с. 78).

Анализ керамики из святилищ ранних кочевников Мангистау показал наличие в формовочных массах морской раковины. В связи с чем возник вопрос об искусственном или естественном характере ее происхождения. В настоящее время для ответа на него начаты сборы и анализ морских глин, а также эксперименты в этом направлении.

7) Проблема выделения признаков шамота и сухой глины в качестве искусственных примесей. Признаки искусственной примеси шамота и сухого состояния глины в исходном сырье были детально описаны А.А. Бобринским (1978, с. 106-108). По изученному керамическому материалу из святилищ Мангистау было выдвинуто предположение, что в ряде случаев в качестве искусственной примеси в глину могли добавлять специально обожженную или хорошо высушенную чистую глину, которая не имеет четких следов дробления. Выделение признаков определения данных примесей требует дополнительной разработки.

Группа III. Изучение конструирования посуды.

8) Определение способов конструирования. По материалам Западного Казахстана выявлен способ двухслойного конструирования, неизвестный ранее, при котором происходило сильное наложение элементов друг на друга, а в качестве этих «строительных элементов» выступали ленты или короткие ленты (3x10 см). Система наложения остается до сих пор несомненно ясной и еще требует проведения дополнительных экспериментальных работ.

9) Выделение признаков использования гончарного круга и поворотного столика. Бытует ошибочное мнение, что если форма сосуда симметричная, то сосуд изготовлен или «подправлен» на гончарном круге. Между тем, обладая высокими навыками в изготовлении посуды, можно слепить «идеальную» форму, не прибегая к гончарному кругу.

А.А. Бобринским было выделено 7 этапов развития функций гончарного круга от использования круга только в роли поворотного столика (РФК-1) до инструмента для полного вытягивания сосуда из комка глины (РФК-7) (Бобринский, 1978, с. 191). Отметим, что в качестве поворотного столика мог использоваться не только сам круг, но и подручные предметы, так в некоторых регионах Средней Азии сосуд формовали на диске из глины и навоза, который устанавливался на камень (Пещерева, 1959, с. 30).

Сегодня остается открытым вопрос с какого этапа РФК можно называть сосуд круговым, не имея возможности изучения технологии, а также

какие признаки различия следует выделять между ручными, ножными кругами и поворотными столиками при отсутствии следов на днищах сосудов.

Группа IV. Изучение техники орнаментации.

10) Проблема определения техники орнаментации и инструментов для нанесения декора. К сожалению, общей методики определения техники нанесения орнамента, как и единой терминологии, не существует. Каждый специалист в зависимости от изучаемой эпохи и культуры в своей работе руководствуется собственными представлениями. Между тем есть ряд теоретических исследований, которые начали восполнять этот пробел (Калинина, Устинова, 1990, с. 7-19; Волкова, 1996; Волкова, 1998, с. 135-146; Цетлин, 2012, с. 167-203). В связи со спецификой орнаментации сарматской керамики не все методические разработки, выделенные на хронологически более раннем материале, к ней применимы, поэтому необходимы дополнительные анализ и проведение экспериментальных работ.

Особым, интересным, направлением в изучении орнаментов сарматской керамики представляется исследование техники скульптурных орнаментов («шишечки», каннелюры, валики).

11) Проблема выделения ногтевых отпечатков. Гончары, особенно в VI-IV вв. до н. э., довольно часто в качестве орнаментов использовали свои пальцы. Это могли быть как простые вдавления ногтя, так и «защипы» с оттягиванием порций глины большим и указательным пальцами, а также вдавления с протаскиванием подушечки пальца (рисование пальцем). Актуальными при изучении сарматской керамики являются вопросы о целенаправленном или случайном нанесении некоторых ногтевых отпечатков в ходе изготовления сосуда и отделение именно отпечатков ногтя от ногтевидных вдавлений, нанесенных другими инструментами. Очень перспективной представляется совместная работа со специалистами по дактилоскопии (Божченко, Теплов, Цетлин, 2013, с. 109-111).

Группа V. Изучение обработки поверхности.

12) Проблема определения инструментов и способов обработки поверхности. Методика определения способов обработки поверхности была детально разработана А.А. Бобринским еще в 1978 году. В рамках разных лабораторий сегодня созданы серии эталонов, которые позволяют производить сравнительный анализ и интерпретировать обработку поверхности археологических образцов. Между тем, в зависимости от наклона инструмента, которым осуществлялось заглаживание, особенностей самого инструмента и из-за нечеткости следов на поверхностях сосудов, определение

способа заглаживания может быть затруднено. Поверхности сарматской керамики довольно часто имеют следы, которые сложно интерпретировать, что требует дополнительного обращения к экспериментированию.

13) Проблема интерпретации следов в виде пятен и подтеков. Иногда на посуде ранних кочевников можно встретить следы в виде различных пятен, разводов и подтеков (Краева, 2015, с. 93; 2016а, с. 95-106). Трудно сказать: связаны ли они с дополнительной химико-термической обработкой после обжига или нанесение их произошло до обжига, либо возникло в результате бытового использования (см. главу IV). К сожалению, использование существующих методических разработок не всегда позволяет дать однозначную интерпретацию. Однако, чтобы делать более аргументированные выводы при анализе таких следов на поверхностях, требуются дополнительные экспериментальные работы и углубление теоретических разработок.

Группа VI. Изучение обжига.

14) Проблема определения режима обжига и вида обжигательного устройства. В истории гончарства известны 4 основных вида специализированных устройств для обжига керамики – кострища, очаги, горны и печи. Строгая методика различения посуды, обожженной в разных обжигательных устройствах отсутствует, так как цвет поверхностей сосудов зависит не только от вида устройства, но и от режима обжига, вида топлива, химического состава использованной глины и способов дополнительной обработки поверхности (Бобринский, 1991, с. 94-95; Цетлин, 2010, с. 236, 238; Васильева, Салугина, 1999, с. 245).

В археологической литературе часто фигурируют термины «сероглиняная» и «красноглиняная» посуда даже по отношению к лепной керамике неоднотонного цвета, что, на наш взгляд, является некорректным. Данная характеристика не связана с цветом глины, а окрашенность поверхности зависит от нескольких факторов: вида обжигательного устройства, атмосферы устройства (окислительная или восстановительная), температурного режима обжига и степени ожелезненности глины. Как показало исследование, большинство сарматской керамики имеет пятнистую окраску поверхности в результате неравномерного обжига в непостоянной окислительно-восстановительной атмосфере, видимо, кострового обжига.

Сегодня существуют определенные результаты наблюдений за режимами обжига. Так, методы определения низкотемпературного обжига были

разработаны А.А. Бобринским (1989, с. 20-23; 1999, с. 89-93). В Самарской экспедиции по экспериментальному изучению гончарства уже много лет осуществляется многолетняя работа по изучению обжига, которая, возможно, позволит решить ряд вопросов по этой проблеме (Васильева, Салугина, 1999, с. 244-248, 255-257; 2015, с. 13).

Группа VII. *Определение сферы использования сосудов.*

15) Проблема выделение следов бытового и сакрального использования посуды. Проведенные наблюдения и экспериментальные работы позволили выделить признаки бытового и сакрального использования посуды из сарматских захоронений Южного Приуралья и Западного Казахстана, но большинство из этих признаков остаются косвенными и решение проблемы нуждается в дальнейшей дополнительной разработке (Краева, 2015, с. 90-99).

16) Проблема выделения сакральной посуды и способы использования «курильниц». Данной проблеме в последнее время было посвящено несколько публикаций (Краева, 2006, с. 197-201; 2016б, с. 113-124; 2016в, с. 176-180; 2016г, с. 48-55). Изучена технология и выделены признаки использования этой категории посуды. Поставлен вопрос о недопустимости применения термина «курильница» ко всем сосудикам с одним боковым отверстием, так как некоторые из них могли служить в качестве светильников. Дальнейшее изучение назначения сакральной посуды требует расширения источниковой базы и продолжения экспериментирования с репликами «курильниц» других типов.

Группа VIII. *Историко-культурные проблемы.*

17) Определение пола и возраста для определения индивидуальных особенностей индивида по отпечаткам подушечек пальцев, размерам ногтевых отпечатков. Как уже отмечалось выше, на сарматской керамике встречаются отпечатки ногтей и подушечек пальцев. Изучение их могло бы дать конкретную информацию о производителе керамики.

Теоретические разработки по возможности определения пола и возраста гончаров по ногте-

вым отпечаткам на сосудах до недавнего времени велись в «Группе истории керамики» в ИА РАН. Полученные результаты очень интересны (Бобринский, 2008, с. 316-345; Гей, 2010, с. 200-213), но требуется дальнейшая разработка теории для возможности ее применения на практике.

18) Выделение форм-подражаний. В погребениях Южного Приуралья и Западного Казахстана раннего железного века встречается круговая импортная посуда из Средней Азии и Кавказа (Мошкова 1963, с. 30; Мещеряков, Яблонский, 2007, с. 361-361), а также лепные формы-подражания ей, выполненные сарматскими гончарами (Краева, 2011в, с. 118). Последние изготовлены с помощью местных технологических приемов, но стремление к воссозданию формы и внешних особенностей импортной керамики сразу обращает на себя внимание. В сарматском гончарстве фиксируются также редкие заимствования некоторых технологических приемов обработки поверхности для усиления схожести на копируемые образцы (ангобирование, обваривание, окрашивание). Причиной изменения структурных компонентов формы сосудов являются инокультурные влияния, которые могут проявляться в результате подражания импортным образцам посуды и путем смешения самих носителей разных гончарных традиций (Бобринский, 1999, с. 53-56; Цетлин, 2010, с. 237). Механизмы встраивания и адаптации новых форм посуды были разработаны А.А. Бобринским, но требуют более детальной разработки для возможности использования на конкретном материале.

Таким образом, для изучения керамики в рамках историко-культурного подхода была использована система методов, направленная с одной стороны на выделение, анализ и обобщение исходной информации о древнем гончарстве, а с другой – на использование этой информации для изучения этнокультурной истории ранних кочевников Западного Казахстана. Анализ проблем разной степени сложности, которые возникли и были сформулированы в ходе исследования, поможет расширить наши знания о сарматском гончарстве и в дальнейшем существенно дополнить методические разработки в области изучения керамики в целом.

**II. ФОРМЫ И ОРНАМЕНТАЦИЯ
САРМАТСКОЙ КЕРАМИКИ
ИЗ МОГИЛЬНИКОВ
ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА**

Формы керамики.

В хронологическом плане на территории Актюбинской области Западного Казахстана преобладают погребальные комплексы с сосудами VI-IV вв. до н.э. Могильники и одиночные курганы сосредоточены в основном по водоразделам, а также первым и вторым надпойменным террасам бассейна рек Урал, Илек и Орь (карты 1, 2).

Формы сарматской керамики отличаются сложностью и многообразием. В зависимости от периода сарматской истории менялись и формы, а также соотношение категорий сосудов.

В савроматский период (VI-V вв. до н.э.) были представлены следующие категории: I) горшки; II) кувшиновидные сосуды; III) курильницы. Подавляющее большинство керамики отличается массивностью и относится к плоскодонной группе. Преобладают сосуды с плавно отогнутой шейкой и эллипсоидной формой тулова. Значительный процент составляют сосуды с «выделенным» дном, а также четким переходом дна в стенки. В отличие от сосудов с поддоном, у которых поддон выделялся отдельно и имел свою скульптурную форму в виде трапеции, при «выделенном» дне выпуклая часть тулова начиналась не прямо от основания дна, а на 1-2 см выше, отчего ниже него сосуд как бы был окружен невысоким уступчиком, образующим с плоскостью дна угол примерно 90 градусов (Очир-Горяева, 1990, с. 82-83). У сосудов с «невыделенным» дном угол между плоскостью дна и придонной частью стенки сосуда – тупой.

Скульптурные части присутствуют у 10 % сосудов, среди которых отмечено 2 варианта: 1) с трубчатым носиком-сливом; 2) со сливом по краю венчика; 3) с ручками-ушками. Курильницы имеют слабое распространение.

В раннесарматский период (IV-I вв. до н.э.) происходит усложнение форм керамики. Появляются новые категории посуды, такие как кувшины, чаши, широко распространяются курильницы и туалетные сосудики.

Во второй половине-конце V в. до н.э. появляются и затем широко распространяются, особенно в IV в. до н.э., круглодонные формы керамики, но все же преобладающей остается плоскодонная форма дна. С IV в. до н.э. появляется посуда с уплощенным дном и плавным переходом дна в стенки. Распространяются также прямые и резко отогнутые шейки, венчики с внутренним ребром, которые в большей степени были характерны для круглодонной посуды.

Дополнительные скульптурные части в раннесарматское время имели 20 % сосудов. Они представлены следующими вариантами: 1) сливы по краю венчика; 2) трубчатые носики-сливы на плече; 3) ручки; 4) ручки-ушки. Чаще всего наличие ручек характерно для кувшинов.

Ручки крепились на плече кувшина или соединяли шею с плечом. По месту крепления и форме ручки выделялись: 1) петлевидные – овальные или округлые в сечении – крепились по плечам сосудов; 2) овальные или округлые – соединяли шею и плечо сосуда; 3) ручки-ушки – находились на шее или плече сосуда.

К особой группе – ритуальной посуде, относятся курильницы.

Исследовались «курильницы» следующих типов: 1) миниатюрные сосудики с боковыми отверстиями; 2) чашевидные сосудики на рюмкообразных поддонах (тип VIII по К.Ф. Смирнову); 3) сосуды в виде вымени животных с сосцевидными ножками со сквозными отверстиями.

В исследуемой выборке посуда I в. до н.э. – III в. н.э. представлена в незначительном количестве. Вся она относится к плоскодонной группе керамики, среди которой преобладают кувшины и кувшиновидные сосуды. Встречаются также горшки, чаши, реже курильницы.

Кувшины часто имеют стилизованные зооморфные или перевитые ручки, которые крепились по плечам. В хронологическом плане кувшины с «фигурными» ручками происходят из поздних комплексов, II в. до н.э. – рубежа I в. до н.э.-I в. н.э. По внешнему виду они близки кувшинам из среднесарматских комплексов (Скрипкин, 1990, рис. 45-46; Мошкова, 2004, с. 22-40, рис. 1; Моргунова, 1996, рис. 20, 3). Исчезают трубчатые носики сливы, на их место приходят сливы по краю сосудов сложной формы (рис. 225-226). В массе своей такая лепная сарматская керамика с ручками и сливами является подражанием форм круговой керамики, которая происходит с территории Кавказа и Прикубанья.

Орнаментация керамики.

В савроматское время преобладают неорнаментированные сосуды, а среди орнаментов чаще встречаются простые варианты. При орнаментации, как правило, наносился и тиражировался один элемент орнамента. Исключения составляют сосуды со знаками-символами, сочетания которых иногда образуют сложные композиции. Среди орнаментированной керамики значительный процент занимают сосуды со сложносоставными орнаментами в виде графических рисунков (пиктограмм),

которые могли быть дополнительно украшены в других орнаментальных зонах вдавлениями ногтя и ямками.

Было выявлено нанесение орнамента по пяти орнаментальным зонам: 1) по срезу венчика; 2) по венчику или по шейке; 3) по плечу; 4) по всему тулову; 5) по придонной части.

Самыми распространенными зонами орнаментации были тулово и шейка сосудов.

Среди «савроматских» сосудов, привлеченных для исследования, на некоторых был нанесен орнамент в виде пиктограмм. Выделяются: 1) сосуды с отдельными неповторяющимися знаками; 2) сосуды с различными повторяющимися знаками; 3) сосуды с различными повторяющимися и неповторяющимися знаками, образующими сложную сюжетную композицию.

Самым распространенным было изображение различных линий, образующих зигзаги, парабола, завитки и волноты (рис. 6; 77-82; 162-163; 262; 333-338). Примечательно, что изображение знаков в виде волноты связано не только с керамикой, но встречается и на других предметах сарматской культуры. Особое распространение получили такие знаки-символы в искусстве звериного стиля ранних кочевников. Так, украшения из разного рода завитков характерны для предметов из Филипповских курганов Южного Приуралья (Золотые олени Евразии, 2003, с. 24-25, 28, 30). Как правило, они наносились на туловищах зверей, видимо, изображая завитки шерсти, или украшали рога оленей, переплетающихся в причудливых узорах. В четырех разных курганах из первого Филипповского могильника встречены бронзовые наконечники стрел с аналогичными s-видными знаками.

Подобные знаки известны на керамике в скифскую эпоху на Горном Алтае, отличие заключается только в том, что они наносились минеральными красками (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 41, рис. 55, 10; 66, 2; 80, 2, 5).

Среди материалов, относящихся к тагарской культуре, а также в пазырыкской культуре Горного Алтая, имеется довольно большое количество некерамических предметов, на которых среди различных знаков имеются и S-видные символы. По мнению В.П. Полторацкой, трактовка таких знаков может быть различной в зависимости от предмета, на который наносился знак. Так, они могли обозначать метку-тамгу мастера, использовавшего для этой цели свой родовой знак, или служили обозначением местоположения предмета среди других аналогичных вещей, составляющих единое целое (например, предметы конской сбруи). Знаки также

могли быть связаны с погребальными ритуалами, которые сопровождали умершего, и для которых изготавливался данный предмет (Полторацкая, 1962, с. 85, 89-90).

Изображения спиралей и завитков были весьма распространены в искусстве народов Средней Азии и Казахстана. В современном народном орнаменте казахов, каракалпаков и киргизов такие знаки известны под названием «бараньих рогов». По мнению ряда исследователей, они развились из реалистического изображения головы барана и его рогов (Григорьев, 1948, с. 53; Толстов, 1952, с. 37; Орлов, 1952, с. 55).

Анализируя орнамент на сосуде из курганного могильника у с. Клястицкое, который был украшен аналогичными завитками, что и рассматриваемые нами сосуды, Н.П. Кипарисова и К.В. Сальников интерпретировали такие знаки как сами изображения баранов (Кипарисова, Сальников, 1958, с. 250).

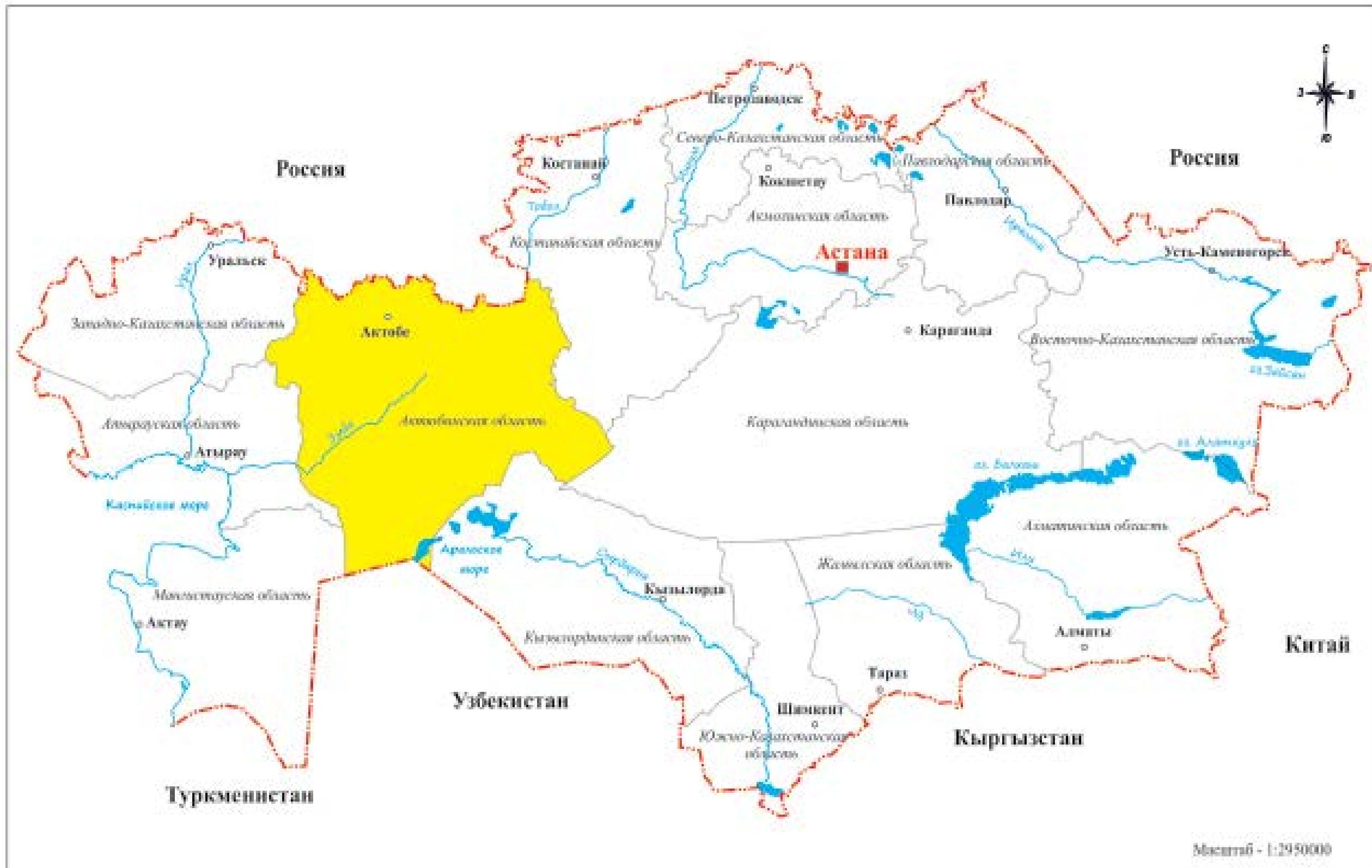
Композиции из различных фигур, значков и линий характерны для сосудов савроматского времени (Смирнов, 1964а, с. 122; Очир-Горяева, 1990, с. 91). К.Ф. Смирнов связывал их происхождение с «письменными» знаками и асимметричной орнаментацией срубной культуры, а также с влиянием протохорезмийской письменности (Смирнов, 1964а, с. 124 - 125). Что касается первого утверждения, то значительный временной промежуток, разделяющий эти культуры, отсутствие подобных орнаментов на сосудах из погребений «переходного» типа пока не дают основания утверждать такую генетическую преемственность.

По-видимому, традиция нанесения таких рисунков на сосуды связана с развитием искусства ранних кочевников, для которого характерны изображения различного рода значков, завитков, спиралей на изделиях из металла, кожи, кости и камня (Мошкова, 1963, с. 36, рис. 11,2; Смирнов, 1964а, с. 309, рис. 16, 2 у, рис. 75, 2, 15; Пшеничнюк, 1983, табл. XLVIII, 4; 1989, рис. 4-8). Неслучайно, большинство сосудов с пиктограммами приходится на время расцвета звериного стиля, а «исчезновение» – на период схематизации в сарматском искусстве.

Среди исследуемой выборки керамики с пиктограммами, имеющей сложную сюжетную композицию, особо выделяются сосуды из могильников Восточно-Курайлинский 1 и Сапибулак (рис. 77-82; 162-163).

Довольно часто среди керамики встречается орнамент в виде елей, причем как в ранние, так и более поздние хронологические периоды (рис. 111-112; 304-306).

Карта 1. Республика Казахстан

Условные обозначения: - курганные могильники, одиночные курганы.

1. Кумиссай.	10. Акжар II (Жилангау).	19. Орташа.	28. Сарыгтау II.	37. Сегизсай II.
2. Жалгызоба.	11. Акжар III; Акжар I.	20. Саралжан III.	29. Талдысай I.	38. Лобдева I.
3. Сынгас.	12. Атна I.	21. Сарыгтау I.	30. Кураша I.	39. Илекшар.
4. Бесоба.	13. Атна II.	22. Танаберген II.	31. Кенсайран I.	
5. Болгарка I, II.	14. Восточно-Курайлинский I.	23. Уржак I.	32. Салтак I.	
6. Жаман-Каргала II.	15. Жанабаз.	24. Целинный I.	33. Онайбулак.	
7. Кызылжар I, II.	16. Имангазы Карасу.	25. Шилкытсай I.	34. Сапыбулак.	
8. Бисоба; Шпаки.	17. Жолуткен (Кепир).	26. Шалшар; Каргала I.	35. Тортоба.	
9. Жаман-Каргала I.	18. Кудувсай III.	27. Шилкысай II.	36. Автодром.	

Карта 2. Памятники ранних кочевников, из которых происходят керамические материалы

Впервые была встречена посуда, украшенная рельефным орнаментом, нанесенным подушкой пальца (рис. 5; 43-44; 260-263). Следует обратить внимание исследователей, что такая орнаментация бывает едва заметна и лишь внимательное наблюдение в контрастном свете позволяет проследить ее особенности, поэтому для лучшего воспроизведения на фото перед съемкой орнаменты были смочены водой.

Орнаментация керамики раннесарматского периода начиная с IV в. до н.э. становится очень разнообразной, возникают сложные орнаменты, сочетающие в себе разные варианты простых. В орнаментации также прослеживается влияние носителей традиции изготовления круглодонных форм. Это проявляется в возникновении различных скульптурных орнаментов, в частности, в появлении традиций украшать плоскодонную керамику валиками, каннелюрами, сосцевидными налепками («шишечками»), а также некоторыми графическими орнаментами, которые встречались раньше только на круглодонной посуде. Наблюдается тенденция выделять венчик либо путем отделения от плеча элементами скульптурного орнамента (каннелюра, валики), либо глубоким заглаживанием («выделенный» венчик) (рис. 330-331).

В IV-I вв. до н.э. орнамент наносился по четырем орнаментальным зонам: 1) по срезу венчика; 2) по венчику или по шейке; 3) по плечу; 4) по всему тулову. Самой распространенной зоной орнаментации в раннесарматское время было плечо сосуда.

Керамика I-III вв. н.э. в основном неорнаментирована. Среди орнаментированной посуды преобладало украшение скульптурными орнаментами (валики, в меньшей степени – каннелюры, сосцевидные налепки, «защипы»), но встречаются и графические.

Сравнительный анализ по формам и орнаментам керамики савроматского и раннесарматского периодов, как наиболее многочисленной в исследуемой серии, позволяет выявить признаки, свидетельствующие как о преемственности, так и о появлении в IV-I вв. до н.э. новых традиций.

В оба периода преобладающей категорией посуды были горшки, внутри которой наблюдается значительное разнообразие типов.

В раннесарматское время появляются совершенно новые категории посуды, неизвестные в савроматское время: чаши и кувшины, широко распространяются курильницы. Внутри данных категорий сосудов также наблюдается значительное разнообразие по типам.

В раннесарматское время изменяется форма днищ, в массовом количестве появляются круглодонные сосуды, а также широко распространяются сосуды с уплощенной формой дна. Однако, несмотря на существование в IV-I вв. до н.э. круглодонной посуды, плоскодонная остается преобладающей, но при этом существенно изменяется оформление придонной части. Если у савроматской керамики фиксируется четко выраженный переход дна в стенку, образующий, как правило, тупой угол, то у раннесарматской керамики этот переход плавный и часто границы его незаметны.

Сравнение керамики по форме тулова показало, что в савроматское время преобладает плоскодонная посуда с эллипсоидной и яйцевидной формой тулова, а в раннесарматское – с яйцевидной и шаровидной.

Сравнительный анализ орнаментации показал, что среди раннесарматской керамики присутствует значительно больший процент орнаментированных сосудов. В раннесарматское время такая посуда составляла 70 %, а в савроматское – только 30%. Как и в VI-V вв. до н.э., подавляющее число орнаментов в IV-I вв. до н.э. принадлежит к графической группе. В раннесарматское время количество и разнообразие орнаментов значительно выросло за счет появления новых вариантов и усложнения уже известных.

Для савроматской керамики не было свойственно использование скульптурных орнаментов. Скульптурные орнаменты на раннесарматской посуде наоборот были широко представлены различными вариантами (прием выделения венчика, валики, каннелюры, сосцевидные налепки «шишечки»).

На посуде обоих периодов зоны орнаментации одинаковые, но количественный приоритет их распространения меняется. Если в савроматское время преобладают орнаменты, расположенные по шейке сосуда и тулову, то в раннесарматское – орнамент наносился в основном по плечам.

Ниже представлены таблица⁴ и фотографии⁵ исследуемой керамики по могильникам (табл. 1; рис. 5-340).

⁴ Выражаю глубокую признательность А.М. Мамедову за помощь в работе с архивами

⁵ В публикацию вошли фотографии всех сосудов, хранящихся в музеях, высших учебных заведениях и научных центрах Актыбинской области за исключением отдельных фрагментов и развалов

Таблица 1. Памятники ранних кочевников, из которых происходят керамические материалы

№	Памятник	Кол-во исследованных сосудов	Архивные материалы, публикации
1	Автодром	3	раскопки 2012 года Публикация: Бисембаев, Мамедов, Дуйсенгали, Мамиров, 2012, с. 514-519
2	Аюкар I	1	Аварийно-спасательные раскопки АОИМК в 2014 г.
3	Аюкар II (Жилантау).	2	Отчет: Гуцалов, Ткачев, Бисембаев, 1995 Публикация: Гуцалов, 1998, с. 138-151
4	Аюкар III.	2	Отчет: Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В., Бисембаев А.А., 1995 Публикация: Гуцалов, 1998, с. 138-151
5	Атпа I	6	Отчет: Гуцалов, Макаревич, 1986
6	Атпа II	3	Отчет: Гуцалов, Макаревич, 1986
7	Бесоба	6	Отчет: Кадырбаев, 1974 Публикация: Кадырбаев, 1984, с. 84-93
8	Бисоба	2	Отчет: Гуцалов, Макаревич, 1986
9	Болгарка I	2	Отчет: Гуцалов, Родионов, 1984
10	Болгарка II	2	Отчет: Гуцалов, Родионов, 1984
11	Восточно-Курайлинский I	26	Отчет: Гуцалов, Макаревич, 1987; Гуцалов, Макаревич, 1989; Гуцалов, Ткачев, 1990 Публикация: Гуцалов, 1996, с. 156-163; Боталов, Гуцалов, 2000
12	Жалгызоба	6	Отчет: Кадырбаев, 1974
13	Жаман-Каргала I	5	Отчет: Гуцалов, Родионов, 1985; Гуцалов, Макаревич, 1986; Гуцалов, Макаревич, 1987 Публикация: Родионов, Гуцалов, 2000, с. 129-144
14	Жаман-Каргала II	5	Отчет: Гуцалов, Родионов, 1985
15	Жанабаз	3	Отчет: Гуцалов, Ткачев, Бисембаев, 1995
16	Жолуткен (Кепир)	1	Отчет: Гуцалов, Ткачев, 1994
17	Имангазы Карасу	3	Отчет: Гуцалов, Ткачев, 1994 Публикация: Родионов, Гуцалов, 2000, с. 129-144
18	Каргала I (Каргалинский I)	1	Отчет: Ткачев, 1993
19	Кенсайран I	8	Публикация: Гуцалов, Бисембаев, 2002, с. 65-86
20	Кудуксай III	1	Отчет: Гуцалов, Ткачев, Бисембаев, 1995
21	Кумиссай	4	Отчет: Кадырбаев, 1973; Случайная находка 1972 г.; Публикация: Кадырбаев, 1977, с. 204-212; Кадырбаев, 1984, с. 84-93
22	Кураша I	1	Отчет: Бисембаев, 2015
23	Кызылжар I	3	Отчет: Гуцалов, 1985; Гуцалов, Родионов, 1985

42

24	Онайбулак	8	Отчет: Бисембаев, Бидагулов, Мамедов, 2008
25	Орташа	1	Отчет: Гуцалов, Родионов, 1985 Публикация: Гуцалов, 2001, с. 67 – 81
26	Салтак I	1	Публикация: Бисембаев, Гуцалов, 1998, с. 152-161
27	Сапибулак	20	Отчет: Самашев, Наглер, Бисембаев, 2009 Публикация: Бисембаев, Дуйсенгали, Мамедов, Бидагулов, 2009, с. 181-190
28	Саралжын III	1	Отчет: Кригер, Иванов, 1986 Публикация: Иванов, Фалалеев, Ягафарова, 1989
29	Сарытау I	1	Отчет: Гуцалов, 1992 Публикация: Гуцалов, 2007, с. 92-98
30	Сарытау II	1	Раскопки Актюбинского пединститута, 2007 г.
31	Сегизсай II	6	Отчет: Бисембаев, Мамедов, Дуйсенгали, 2011 Публикация: Бисембаев, Мамедов, Дуйсенгали, Мамиров, 2012, с. 514-519
32	Сынтас	1	Отчет: Кадырбаев, 1974 Публикация: Кадырбаев, Курманкулов. 1976, с. 137-156
33	Талдысай I	4	Отчет: Султангалиева, Виноградов, Бисембаев, 2006 Публикация: Мамедов, Виноградов, 2009, с. 102-106
34	Танаберген II	13	Отчет: Гуцалов, 1991
35	Тортоба	9	Отчет: Бисембаев, Мамедов, Дуйсенгали, 2011 Публикация: Бисембаев, Дуйсенгали, Мамедов, Бидагулов, Мамиров, Кулмуханов, Шильмагамбетов, 2011. С. 64-68
36	Урках I	21	Отчет: Гуцалов, 1992
37	Целинный I	29	Отчет: Гуцалов, 1988; Самашев, Таймагамбетов, Астафьев, Афанасьев, Ольховский, Галкин, Гуцалов, 1989; Гуцалов, Ткачев, 1990 Публикация: Гуцалов, 1996, с. 156-163; Боталов, Гуцалов, 2000
38	Шаншар	8	Отчет: Ткачев, 1993 Публикация: Гуцалов, 2004, с. 135-152
39	Шиликтысай I	2	Отчет: Гуцалов, 1985
40	Шилисай II	1	Отчет: Гуцалов, 1996; раскопки 2015 г.
41	Шпаки	2	Отчет: Гуцалов, Макаревич, 1986
42	Лебедевка II	2	Западно-Казахстанская область Отчет: Бисембаев, Гуцалов, 2002
43	Илекшар	1	Западно-Казахстанская область Отчет: Бисембаев, Гуцалов, 2001

43

44

5. Автодром к. 2 п. 1

6. Автодром к. 2 п. 1. Орнамент

7. Автодром к. 2 п. 3

45

8. Автодром к. 2 п. 3. Орнамент

46

9. Автодром к. 4 п. 1

11. Акжар 1 к. 1

47

10. Автодром к. 4 п1. Ручка-петелька

12. Акжар 1 к. 1. Орнамент

48

13. Акжар 2 к. 1. Насыль. сосуд 1. Фрагменты

14. Акжар 2 к. 1 Насыль. сосуд 1. Трубочатый носик-слив

15. Акжар 2 к. 1. Насыль

49

16. Акжар 3 к. 1. Ярус 1 сосуд 1. инв. №13525

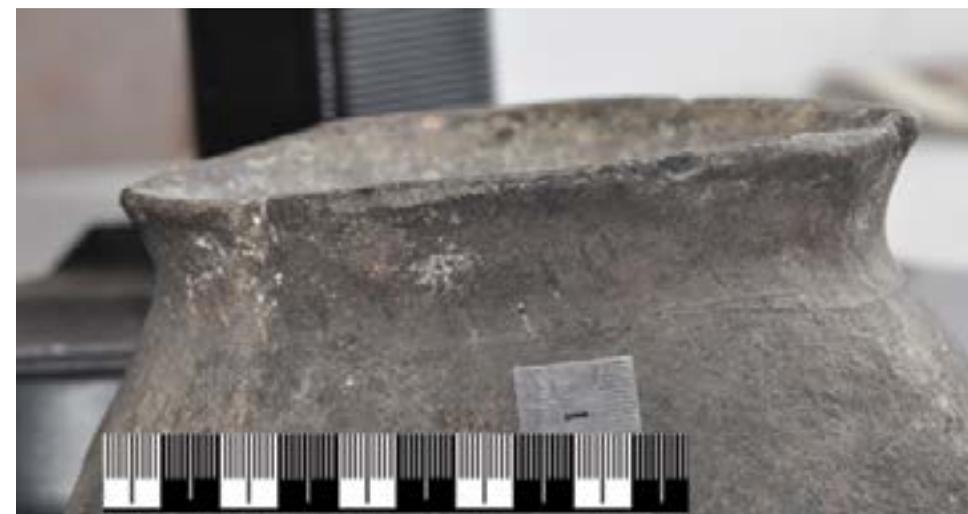
17. Акжар 3 к. 1. Ярус 1 сосуд 2. инв. №13526

19. Аппа 1 к. 3 п. 2 сосуд 1

18. Акжар 3 к. 1. Ярус 1 сосуд 2. инв. №13526

20. Аппа 1 к. 3 п. 2 сосуд 1. инв. №11898. Выделенный венчик

50

51

21. Атпа 1 к. 3 п. 2 сосуд 2 инв. №11899

23. Атпа 1 к. 4 сосуд 1 инв. №11900

22. Атпа 1 к. 4. Насыпь. Инв. № 11943-1

24. Атпа 1 к. 4 сосуд 1 инв. №11900. Следы пятнистого обваривания

52

53

54

25. Атпа 1 к. 4 сосуд 3 инв. №11902

26. Атпа 1 к. 4 сосуд 3 инв. №11902. Ручка

27. Атпа 1 к. 4 сосуд 3 инв. №11902. Орнамент

28. Атпа 1 к. 9 инв. №11905

55

56

29. Атпа 2 к. 3 сосуд 1 инв. №11939

30. Атпа 2 к. 3 сосуд 1 инв. №11939. Скульптурный орнамент – «защип» пальцами

31. Атпа 2 к. 3 сосуд 2 инв. № 11940

57

32. Атпа 2 к. 3 сосуд 3 инв. №11938

33. Бесоба к. 10 инв. № 2288. Сосуд с поддоном

35. Бесоба к. 10 инв. № 2288. Орнамент по срезу венчика

34. Бесоба к. 10 инв. № 2288. Орнамент

36. Бесоба к. 12. Ритуальная площадка. инв. №2076. Фрагмент сосуда с трубчатым носиком-сливом

58

59

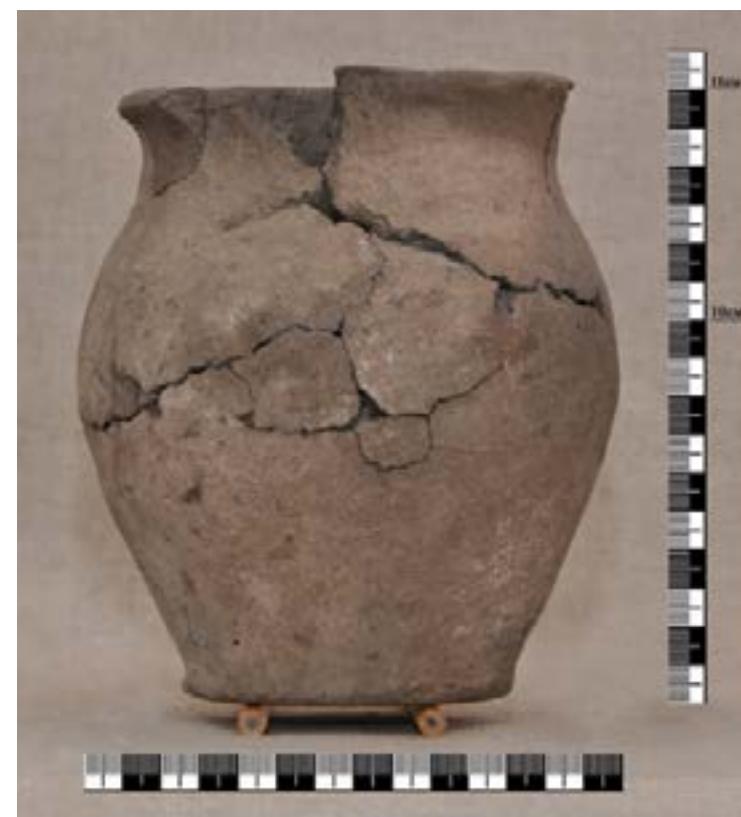
37. Бесоба к. 12. Ритуальная площадка. инв. №2076.
Фрагмент сосуда с трубчатым носиком-сливом

39. Бесоба к. 12. Ритуальная площадка. инв. №2077

38. Бесоба к. 12. Ритуальная площадка. инв. №2077

40. Бисоба к. 10 п. 1 инв. №11171

60

61

41. Бисоба к. 10 п. 2 инв. №11172

43. Шпаки к. 2 п. 1. Туалетный сосудик инв. №11180

42. Шпаки к. 2 п. 1 инв. №11191-1

44. Шпаки к. 2 п. 1. Туалетный сосудик инв. №11180. Орнамент

62

63

45. Болгарка-1 п. 5 инв. №36 10185

47. Болгарка-2 п. 2 инв. № 10184. Сосуд с трубчатым носиком-сливом

46. Болгарка-1 п. 5 инв. №10186

48. Болгарка-2 п. 2 инв. № 10184. Трубчатый носик-слив и орнамент

64

65

49. Восточно-Курайлинский 1 к. 2 инв. № 14132

51. Восточно-Курайлинский 1 к. 10 п. 1 инв. № 11990

50. Восточно-Курайлинский 1 к. 3 сосуд 4 инв. № 14580

52. Восточно-Курайлинский 1 к. 10 п. 1 инв. № 11990

66

67

53. Восточно-Курайлинский 1 к. 10 п. 1 инв. № 11990. Слив по венчику сосуда

68

54. Восточно-Курайлинский 1 к. 10 п. 1 инв. № 11990. Донная часть

55. Восточно-Курайлинский 1 к. 14 п. 4 сосуд 1 инв. №14215

69

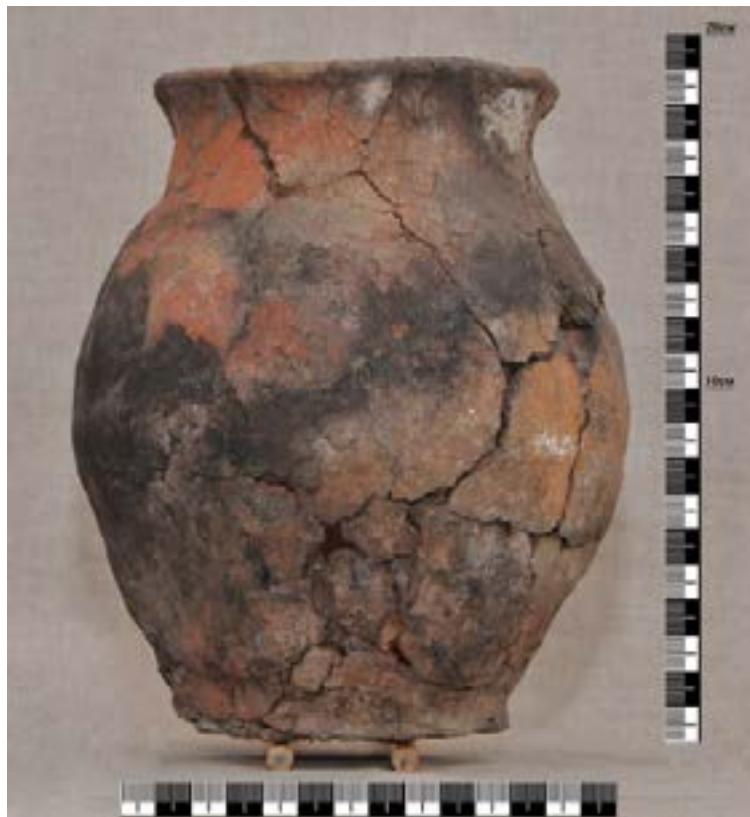
56. Восточно-Курайлинский 1 к. 14 п. 4 сосуд 2 инв. №14216

57. Восточно-Курайлинский 1 к. 14 п. 4 сосуд 3 1_17 инв. №14217

59. Восточно-Курайлинский 1 к. 17 п. 3 инв. № 14585

58. Восточно-Курайлинский 1 к. 15 п. 1 инв. №14230

60. Восточно-Курайлинский 1 к. 18 п. 1 сосуд 1 инв. №14582

70

71

61. Восточно-Курайлинский 1 к. 18 п. 1 сосуд 2 инв. 14583.
Фрагменты стенок сосуда с пиктограммами

63. Восточно-Курайлинский 1 к. 20 п. 3 сосуд 1 инв. №14254

62. Восточно-Курайлинский 1 к. 18 п. 1 сосуд 2 инв. № 14583.
Фрагменты днища сосуда с пиктограммами

64. Восточно-Курайлинский 1 к. 20 п. 3 инв. № 14261

72

73

65. Восточно-Курайлинский 1 к. 20 п. 4 инв. № 14263

67. Восточно-Курайлинский 1 к. 27 инв. №14302

66. Восточно-Курайлинский 1 к. 20 п. 5 инв. № 14265

68. Восточно-Курайлинский 1 к. 31 инв. № 14308

74

75

69. Восточно-Курайлинский 1 к. 33 инв. №14586

71. Восточно-Курайлинский 1 к. 41 инв. №14335

70. Восточно-Курайлинский 1 к. 35 п. 3 инв. №14324

72. Восточно-Курайлинский 1 к. 41 инв. №14335. Орнамент

76

77

73. Восточно-Курайлинский 1 к. 16 инв. №14236

75. Восточно-Курайлинский 1 к. 15 п. 2 инв. №14231

74. Восточно-Курайлинский 1 пашня п. 1 инв. №14337

76. Восточно-Курайлинский 1 к. 15 п. 2 инв. №14231. Фрагменты венчика

78

79

80

77. Восточно-Курайлинский 1 святилище п. 2 инв. №14338

78. Восточно-Курайлинский 1 святилище п. 2 инв. №14338.
Пиктограммы на сосуде

79. Восточно-Курайлинский 1 святилище п. 2 инв. №14338. Пиктограммы на сосуде

80. Восточно-Курайлинский 1 святилище п. 2 инв. №14338. Пиктограммы на сосуде

81

81. Восточно-Курайлинский 1 святилище п. 2 инв. №14338. Пиктограммы на сосуде

83. Жалгызоба к. 1 п. 6 инв. № 2044 х-114

82. Восточно-Курайлинский 1 святилище п. 2 инв. №14338. Пиктограммы на сосуде

84. Жалгызоба к. 1 п. 6 инв. №2045. Туалетный сосудик

82

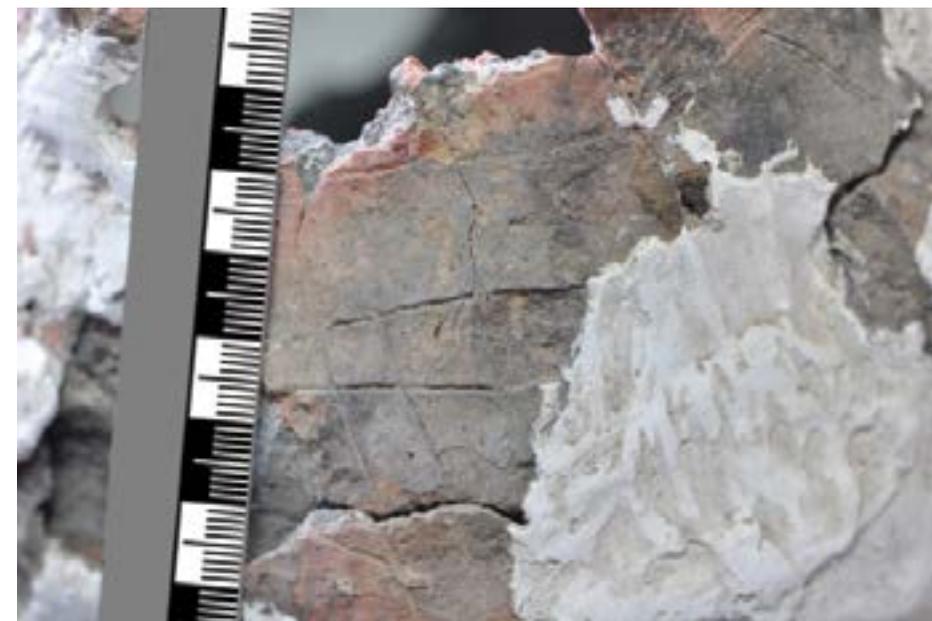

83

85. Жаман-Каргала 1 к. 3 инв. №11520

87. Жаман-Каргала 1 к. 5 инв. №11524. Орнамент-пиктограмма

86. Жаман-Каргала 1 к. 5 инв. №11524

88. Жаман-Каргала 1 к. 17 п. 3 инв. №14591

84

85

86

89. Жаман-Каргала 1 к. 18 п. 2 инв. №11518

90. Жаман-Каргала 1 к. 18 п. 2 инв. № 11517

91. Жаман-Каргала 1 к. 18 п. 2 инв. № 11517. Срез венчика ножом

92. Жаман-Каргала 2 к. 1 п. 3 инв. №10408-2

87

93. Жаман-Каргала 2 к. 1 п. 3. Туалетный сосудик. Инв. №10408-3

95. Жаман-Каргала 2 к. 1 п. 4 инв. №10415-2. Орнамент

88

94. Жаман-Каргала 2 к. 1 п. 4 инв. №10415-2

96. Жаман-Каргала 2 к. 1 п. 4 инв. №10415

89

97. Жаман-Каргала 2 к. 1 п. 4 инв. №10415 .Орнамент

99. Жанабаз к.1 п.1 сосуд 1 засып инв. №13489

90

98. Жаман-Каргала 2 к. 1 п. 5 инв. №10420

91

100. Жанабаз к.1 п.1 сосуд 1 засып инв. №13489. Орнамент

92

101. Жанабаз к.1 п. 1 сосуд 2 засып инв. №13490. Курильница

102. Жанабаз к.1 п. 1 сосуд 2 засып инв. №13490. Курильница

103. Жанабаз к. 1 п. 1 сосуд 3 засып инв. № 13491.
Фрагменты сосудика с трубчатым носиком-сливом

93

104. Жанабаз к. 1 п. 1 сосуд 3 засып инв. № 13491. Фрагменты сосудика с трубчатым носиком-сливом

94

105. Жолуткен (Кепир-1) к. 1 инв. №13544

106. Жолуткен (Кепир-1) к. 1 инв. №13544. Орнамент

107. Илекшар к. 8 п.2

108. Имангазы-Карасу к. 1 инв. №13567-1

95

109. Имангазы-Карасу к. 1 инв. №13567-1. Орнамент

111. Имангазы-Карасу к.1 п. 5, ярус 2 сосуд 2 инв. №13575

110. Имангазы-Карасу к. 1 п. 5 ярус 2 сосуд 1. инв. № 13574

112. Имангазы-Карасу к.1 п. 5, ярус 2 сосуд 2 инв. №13575. Орнамент в виде елок

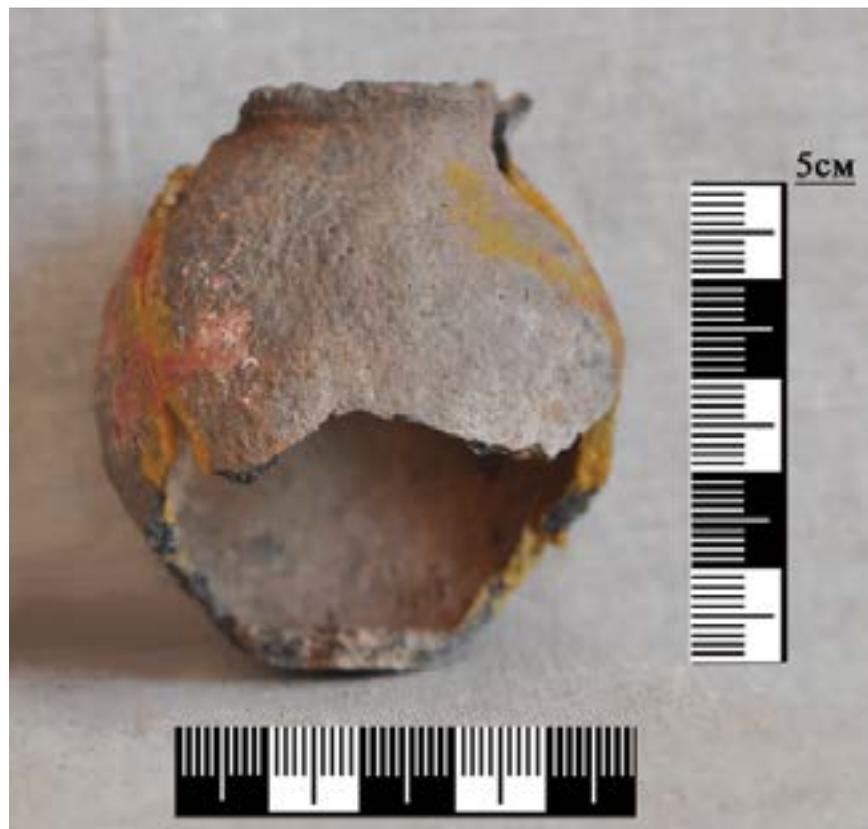
96

97

98

113. Каргала 1 к. 1 насыль, сосуд 1. Туалетный сосудик инв. №13106

114. Кенсайран 1 к. 2 п. 2. «Курильница»

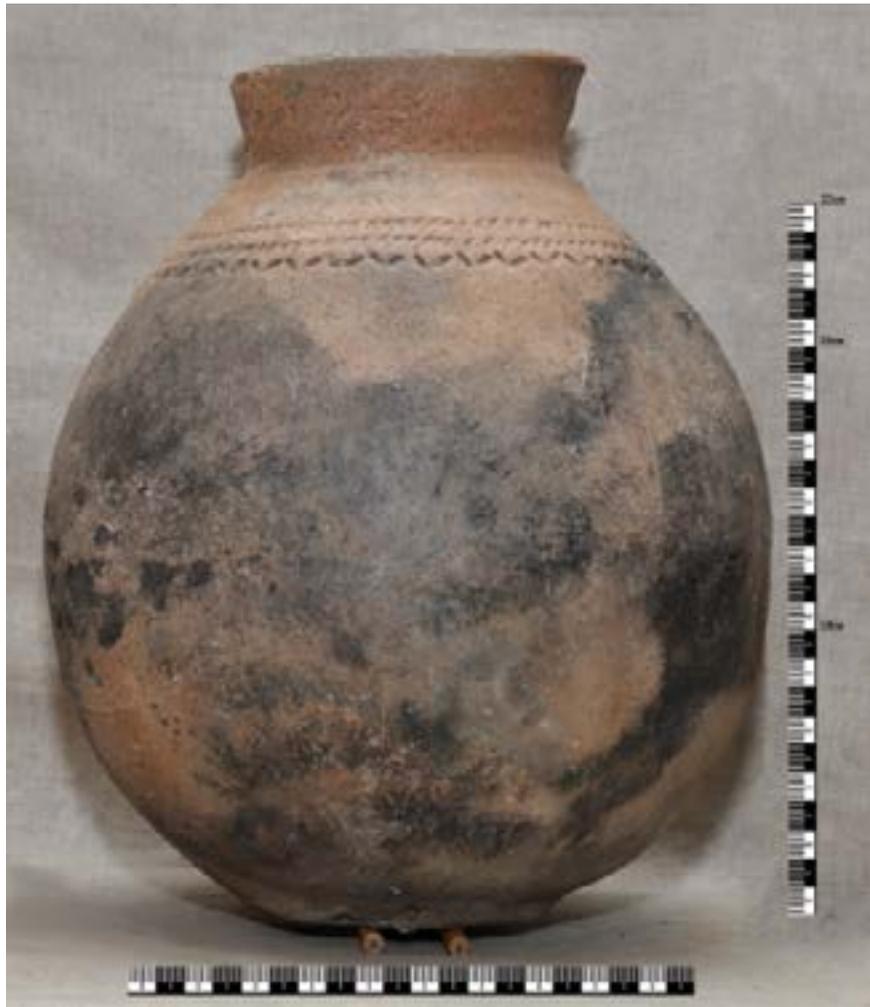
115. Кенсайран 1 к. 2 п. 2. «Курильница»

99

116. Кенсайран 1 к. 2 п. 2. «Курильница»

100

117. Кенсайран 1 к. 2 п. 2

118. Кенсайран 1 к. 2 п. 2. Орнамент

119. Кенсайран 1 к. 10. Сосуд с напеками по плечу

101

120. Кенсайран 1 к. 10. Орнаментация и следы ремонта

102

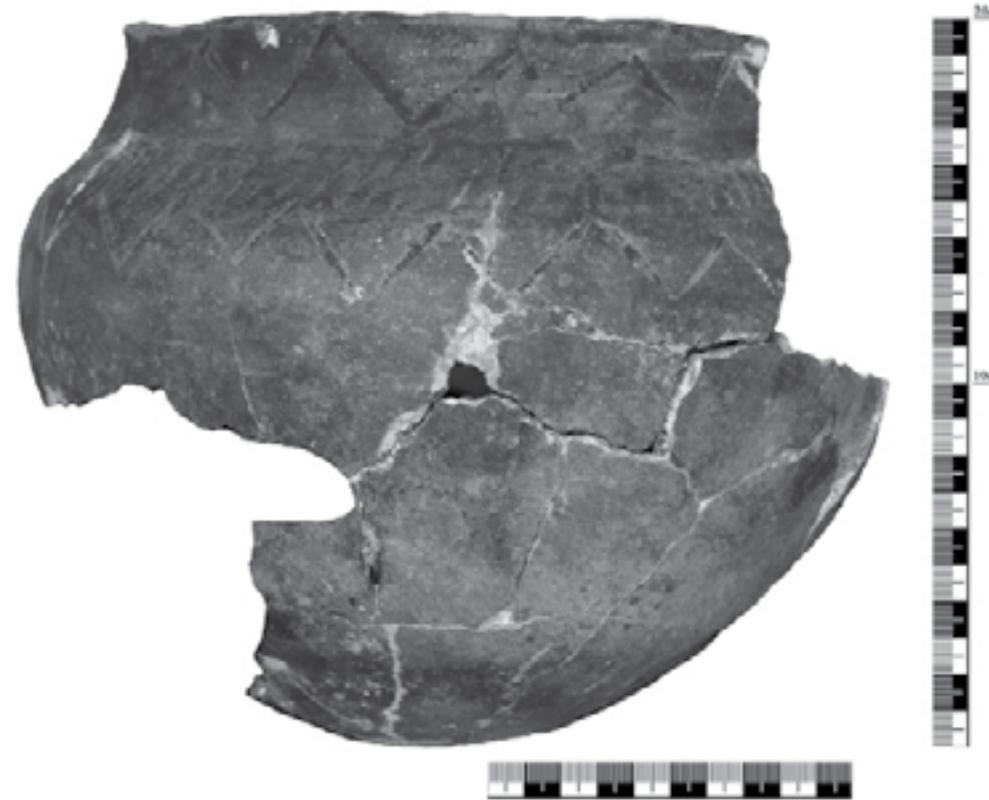
121. Кенсайран 1 к. 10

122. Кенсайран 1 к. 10

123. Кудуксай 3 к. 1 сосуд 1 инв. №13562

124. Кудуксай 3 к. 1 сосуд 1 инв. №13562. Орнамент

103

125. Кумиссай 1 инв. №1919-1. Случайная находка. Сосуд с носиком-сливом (носик утрачен)

127. Кызылжар к. 1 инв. №10423

126. Кураша 1. Курильница в виде вымени

128. Кызылжар к. 2 инв. №10442

104

105

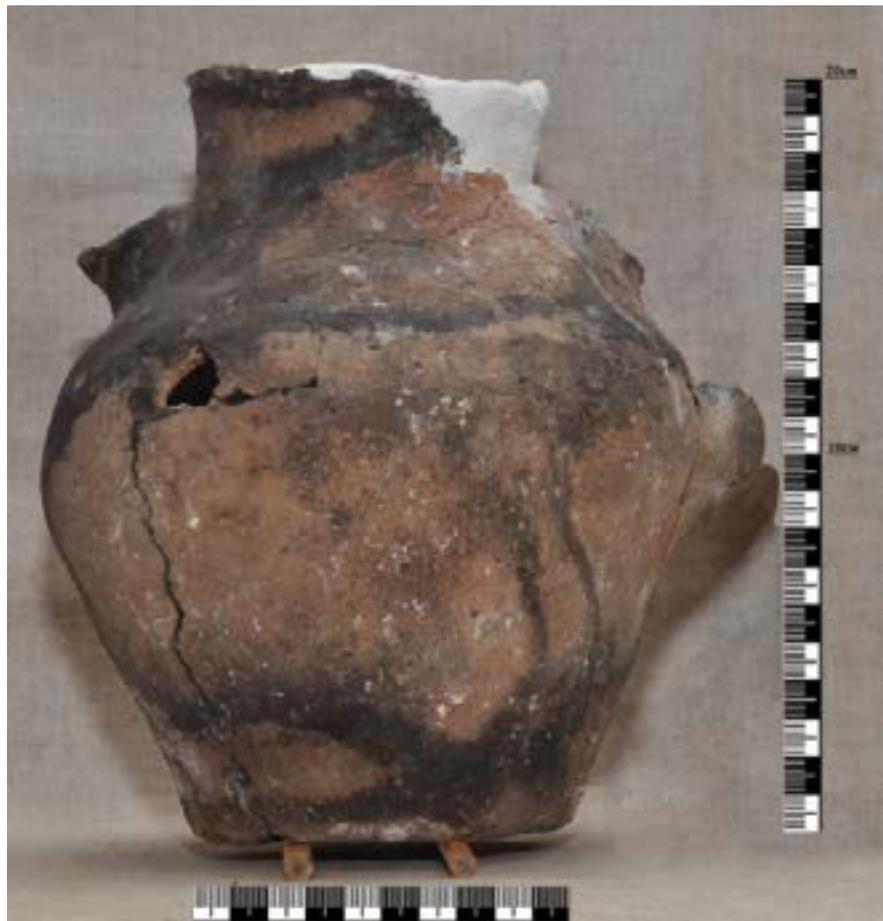

129. Кызылжар к. 2
инв. №10442. Орнамент

131. Лебедевка 2 к. 4. Сосуд с трубчатым носиком сливом и ручкой (утрачена). Деталь

106

130. Лебедевка 2 к. 4. Сосуд с трубчатым носиком сливом и ручкой (утрачена)

107

132. Лебедевка 2 к. 4. Сосуд с трубчатым носиком сливом и ручкой (утрачена).
Трубчатый носик-слив

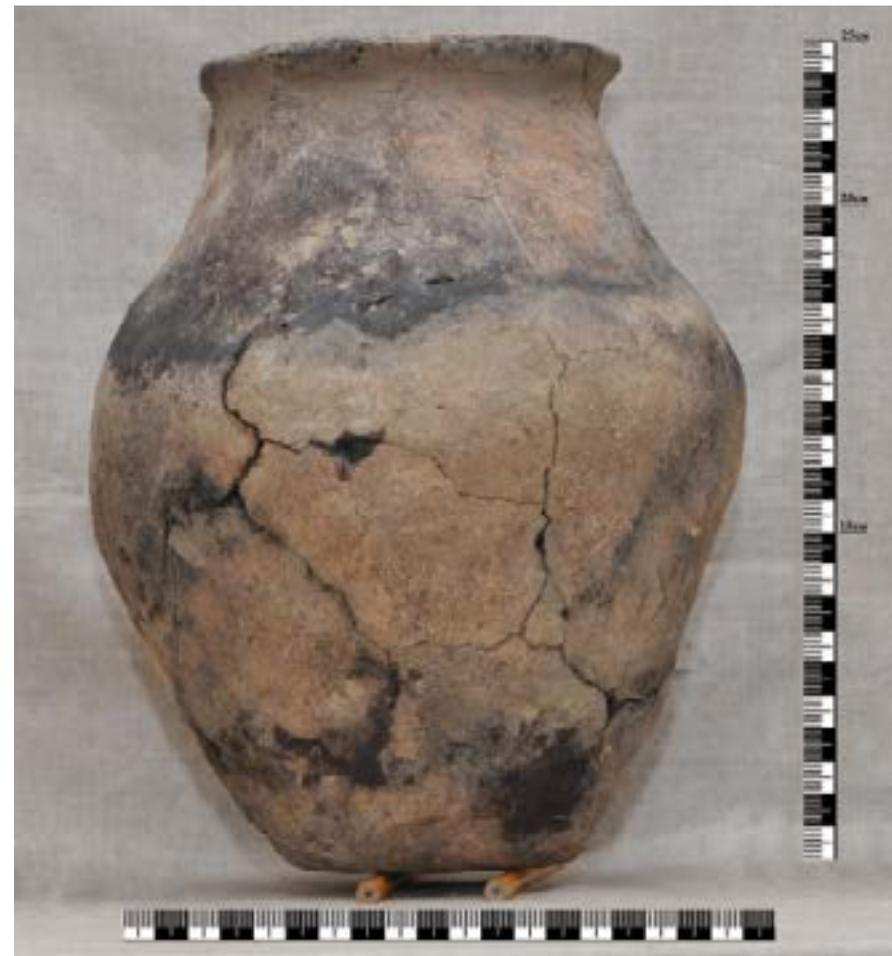
108

133. Лебедевка 2 к. 6. Курильница

134. Лебедевка 2 к. 6. Курильница. Поддон со следами копоти

135. Онайбулак к.1 п. 3

136. Онайбулак к.1 п. 3. Орнамент

109

137. Онайбулак к.1 п. 3. Отверстия в верхней части венчика

139. Онайбулак к.1 п. 1. Фрагменты сосуда

110

138. Онайбулак к.1 п. 1. Фрагменты сосуда

140. Онайбулак к. 1 (?)

111

141. Онайбулак к. 1 п. 4

143. Онайбулак к. 1. п. 2. Фрагменты сосуда

112

142. Онайбулак к. 1 п. 4

113

144. Онайбулак к. 1. п. 2. Фрагменты сосуда

114

145. Онайбулак к. 3 п. 1. Кувшин

146. Онайбулак к. 3 п. 1. Кувшин. Орнамент и следы пятнистого обваривания

147. Онайбулак к. 3 п. 1. Кувшин. Ручка

148. Одиночный курган Орташа инв. №14629

115

149. Одиночный курган Орташа инв. №14629. Орнамент

151. Сапибулак к. 7 п. 1

116

150. Одиночный курган Орташа инв. №14629. Дно сосуда

117

152. Сапибулак к. 7 п. 1. Орнамент и следы ремонта

118

153. Сапибулак к. 4 п. 2. Кувшин

154. Сапибулак к. 4 п. 2. Кувшин. Орнамент

155. Сапибулак к. 4 п. 2. Кувшин (№182). Дно сосуда

156. Сапибулак к. 1 п. 1

119

157. Сапибулак к. 1 п. 1.

159. Сапибулак к. 6 п. 4 сосуд 1

120

158. Сапибулак к. 1 п. 1

121

160. Сапибулак к. 6 п. 4 сосуд 1. Орнамент

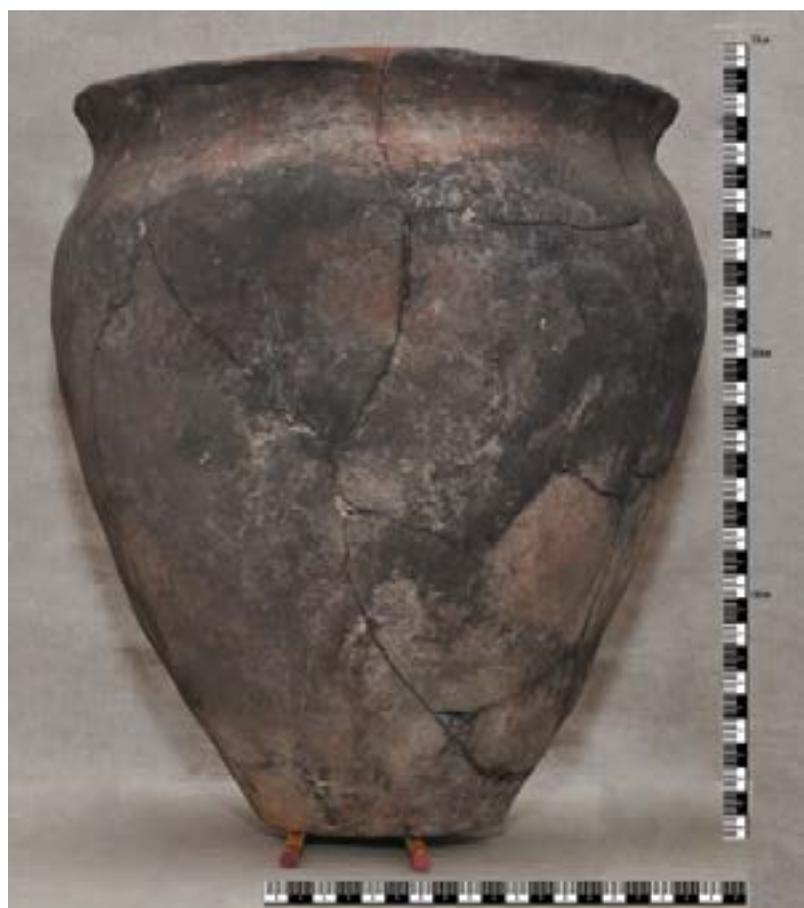

161. Сапбулак к. 6 п. 2 сосуд 2

163. Сапбулак к. 6 п. 2 сосуд 1. Пиктограммы

122

162. Сапбулак к. 6 п. 2 сосуд 1

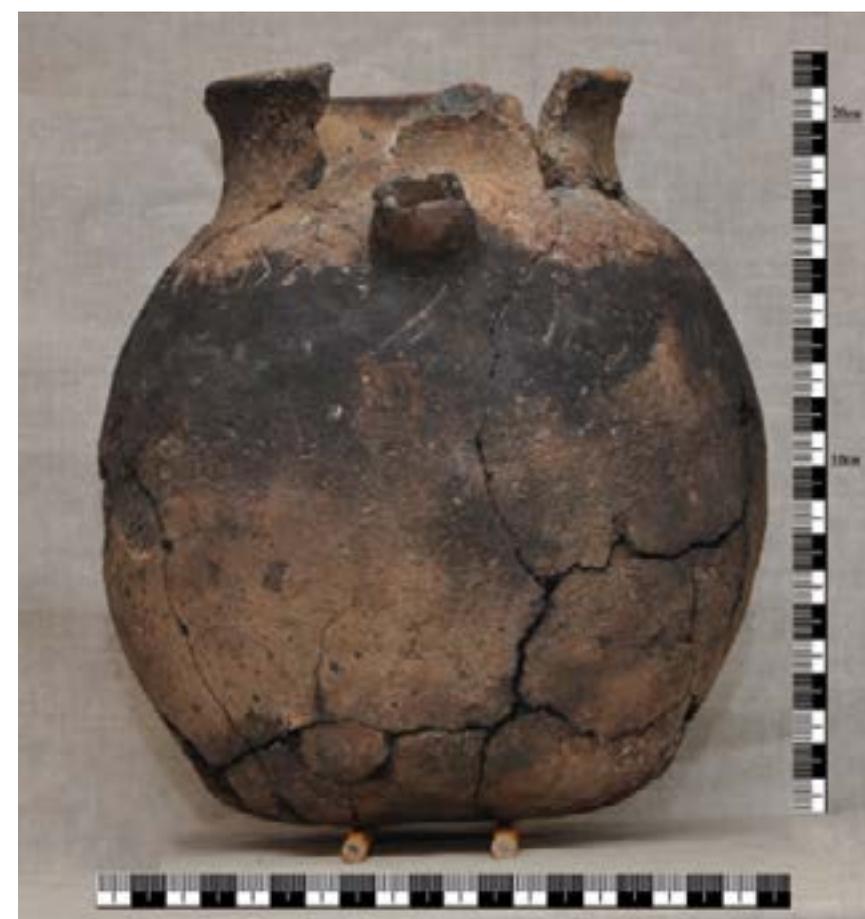
123

164. Сапбулак к. 6 п. 2 сосуд 3

165. Сапбулак к. 6 п. 2 сосуд 3. Орнамент и следы ремонта

167. Сапбулак к. 6 п. 3. Сосуд с трубчатым носиком-сливом

166. Сапбулак к. 6 п. 3. Сосуд с трубчатым носиком-сливом

168. Сапбулак к. 6 п. 3. Сосуд с трубчатым носиком-сливом. Орнамент

124

125

126

169.Сапибулак к. 6 п. 3. «Курильница»

170.Сапибулак к. 6 п. 3. «Курильница». Орнамент

171.Сапибулак к. 6 п. 3 сосуд 2

172.Сапибулак к. 6 п. 3 сосуд 2. Орнамент по плечу

127

128

173. Сапибулак к. 6 п. 3 сосуд 2. Орнамент по плечу

174. Сапибулак к. 6 п. 3 сосуд 2. Орнамент по срезу венчика

175. Сапибулак к. 6 п. 3 сосуд 3

176. Сапибулак к. 6 п. 3 сосуд 3. Орнамент по плечу

129

177. Сапбулак к. 6 п. 3 сосуд 3. Орнамент по срезу венчика

179. Сапбулак к. 6 п. 3 скелет 2 сосуд 1. Орнамент по срезу венчика

130

178. Сапбулак к. 6 п. 3 скелет 2 сосуд 1

131

180. Сапбулак к. 6 п. 3 скелет 2 сосуд 1. Орнамент по плечу

132

181. Сапбулак к. 9 п. 1

182. Сапбулак к. 9 п. 1. Орнамент. «Выкол» стенки

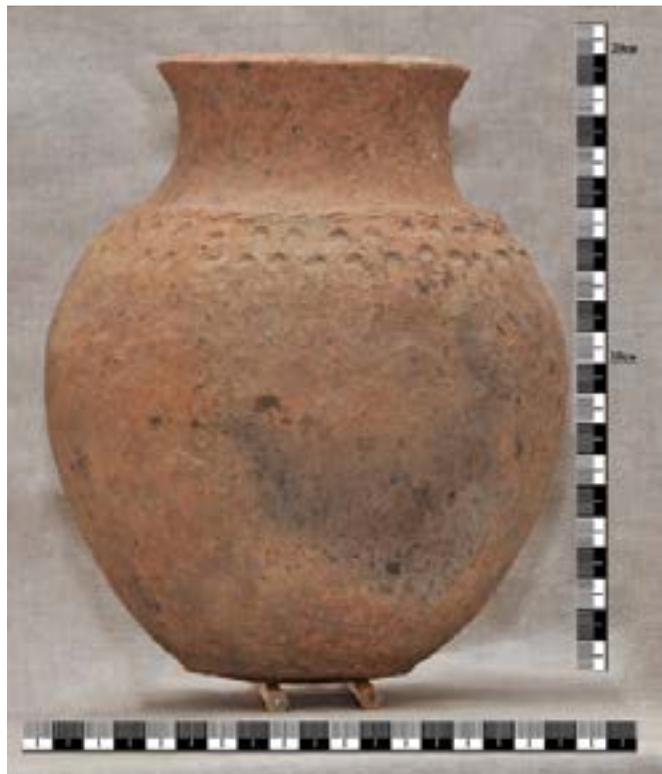
183. Сапбулак к. 4 п. 1

133

184. Сапбулак к. 4 п. 1. Скульптурный орнамент. Валик

134

185. Сапибулак к. 4 п. 3

186. Сапибулак к. 4 п. 3. Дно сосуда

187. Сарытау 1 к. 7 инв. № 13682

188. Сегизсай 2 к.1 п. 2

135

189. Сеизсай 2 к.1 п. 2. Орнамент

191. Сеизсай 2 к. 1 п. 8. Курильница

136

190. Сеизсай 2 к. 1 п. 8. Курильница

137

192. Сеизсай 2 к. 1 п. 9

193. Сеги́зсай 2 к. 1 п. 9. Орнамент

138

194. Сеги́зсай 2 к. 1 п. 9. Придонная часть сосуда

195. Сеги́зсай 2 к.1 п. 10

139

196. Сеги́зсай 2 к.1 п. 10. Орнамент

197. Сегизсай 2 к.1 п. 10. Пятна по внутренней части венчика

199. Сегизсай 2 к. 2 п. 3. Оформление придонной части сосуда

140

198. Сегизсай 2 к. 2 п. 3

141

200. Сегизсай 2 к. 2 п. 3. Скульптурный орнамент (каннелюры) по шее сосуда

142

201. Сеги́зсай 2 к. 2 п. 5

203. Сеги́зсай 2 к. 2 п. 5. Орнамент

143

204. Сеги́зсай 2 к. 2 п. 5. Дно сосуда

202. Сеги́зсай 2 к. 2 п. 5. Оформление венчика сосуда

205. Талдысай 1 к. 2 п. 3

207. Талдысай 1 к. 2 п. 4. Оформление дна сосуда

144

206. Талдысай 1 к. 2 п. 4

145

208. Талдысай 1 к. 2 п. 4. Оформление венчика сосуда

209. Талдысай 1 к. 2 п. 4. «Курильница»

211. Талдысай 1 к. 2 п. 4. «Курильница». Внутренняя часть сосуда

146

210. Талдысай 1 к. 2 п. 4. «Курильница»

147

212. Талдысай 1 к. 2 п. 5. «Курильница»

148

213.Талдысай 1 к. 2 п. 5. «Курильница». Внутренняя часть сосуда

214.Танаберген 2 к. 3 п. 1 скелет 1

215.Танаберген 2 к. 3 п. 1 скелет 1. Орнамент в виде «защипов»

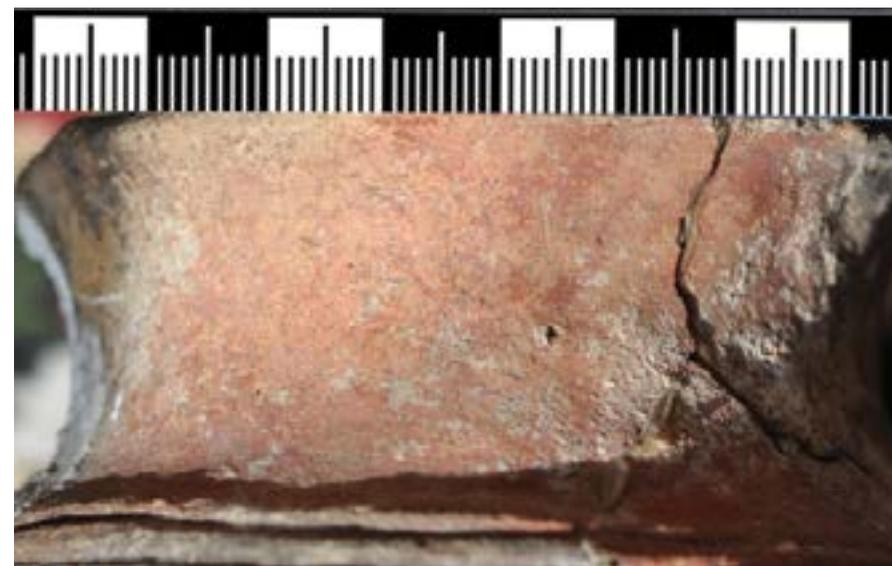
216.Танаберген 2 к. 3 п. 1 скелет 2

149

217.Танаберген 2 к. 3 п. 2 инв. №13904

219.Танаберген 2 к. 3 п. 2 инв. №13904. Следы краски на сосуде

218.Танаберген 2 к. 3 п. 2 инв. №13904. Орнамент

220.Танаберген 2 к. 4 инв. №12020. Сосуд, сделанный ребенком

150

151

221.Танаберген 2 к. 4 инв. №12020. Орнамент

152

222.Танаберген 2 к. 4 инв. №12020. Орнамент

223.Танаберген 2 к. 5 п. 2 инв. №13913.Туалетный сосудик

153

224.Танаберген 2 к. 5 п. 2 инв. №13913.Туалетный сосудик.
Пятна на поверхности сосуда

225.Танаберген 2 к. 11 п. 2

227.Танаберген 2 к. 11 п. 2. Орнамент

226.Танаберген 2 к. 11 п. 2. Слив по венчику сосуда

228.Танаберген 2 к. 10 п. 2 инв. №13932

154

155

156

229.Танаберген 2 к. 10 п. 2 инв. №13932. Фрагмент от венчика сосуда

230.Танаберген 2 к. 10 п. 2 инв. №13932. Орнамент

157

231.Тортоба к.1 объект 1 п. 4

232.Тортоба к.1 объект 1 п. 4. Орнамент

158

233. Тортоба к. 1 п. 2

234. Тортоба к. 1 п. 2. Орнамент.

235. Тортоба к. 2 объект 1

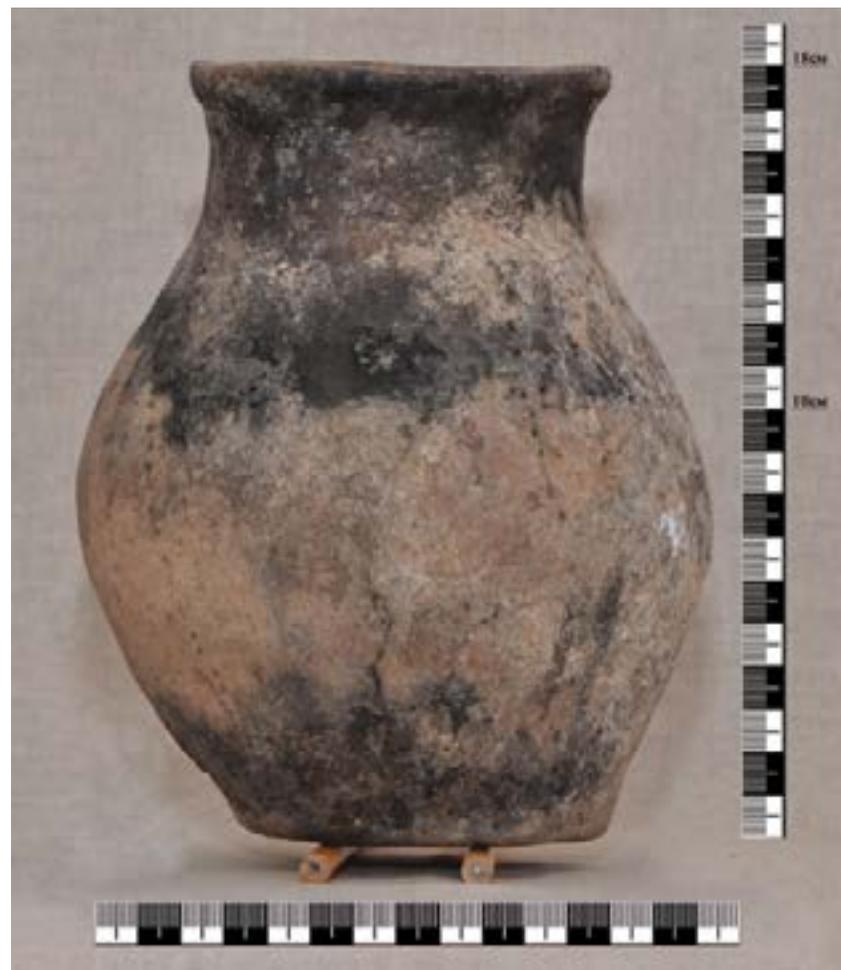

236. Тортоба к. 6 п. 1. Фрагменты сосуда

159

160

237. Уркач 1 к. 16 п. 1 сосуд 3 инв. №13739

238. Уркач 1 к. 16 п. 1 сосуд 3 инв. №13739. Орнамент

239. Уркач 1 к. 3 п. 1 инв. №13709

161

240. Уркач 1 к. 3 п. инв. №13709. Орнамент

162

241. Урках 1 к. 5 п. 3 инв. №13720

242. Урках 1 к. 5 п. 3 инв. №13720. Орнамент

243. Урках 1 к. 5 п. 1 инв. №13715

163

244. Урках 1 к. 15 п. 2 сосуд 2 инв. №13726

164

245. Урках 1 к. 15 п.2 сосуд 2 инв. №13726

246. Урках 1 к. 15 п.2 сосуд 2 инв. №13726. Орнамент

247. Урках 1 к. 16 п. 1 сосуд 1 инв. №13737

248. Урках 1 к. 16 п. 1 сосуд 2 инв. №13738

165

166

249. Уркач 1 к. 22 инв. №13752

250. Уркач 1 к. 22 инв. №13752. Орнамент

251. Уркач 1 к. 23 п. 5 сосуд 1 инв. №13769

167

252. Уркач 1 к. 23 насыпь, сосуд 2 инв. №13770

253. Урках 1 к. 23 насыпь, сосуд 2 инв. №13770. Орнамент

255. Урках 1 к. 24 инв. №13732

168

254. Урках 1 к. 24 инв. №13732

169

256. Урках 1 к. 24 инв. №13732. Ручка

257. Уркач 1 к. 24 инв. №13732. Орнамент

259. Уркач 1 к. 25 п. 2 сосуд 4 инв. №13806

170

258. Уркач 1 к. 25 п. 2 сосуд 2 инв. №13804

171

260. Уркач 1 к. 25 п. 2 засыпь сосуд 1 инв. №13798

261. Урках 1 к. 25 п. 2 засыпь, сосуд 1 инв. №13798. Орнамент

263. Урках 1 к. 25 п. 2 засыпь, сосуд 1 инв. №13798. Орнамент пальцевой

172

262. Урках 1 к. 25 п. 2 засыпь, сосуд 1 инв. №13798. Орнамент пальцевой

173

264. Урках 1 к. 25 п. 2 скелет 1 сосуд 5 инв. №13815

265. Урках 1 к. 25 п. 2 скелет 1 сосуд 5 инв. №13815

267. Урках 1 к. 25 п. 2 сосуд 3 инв. №13805

174

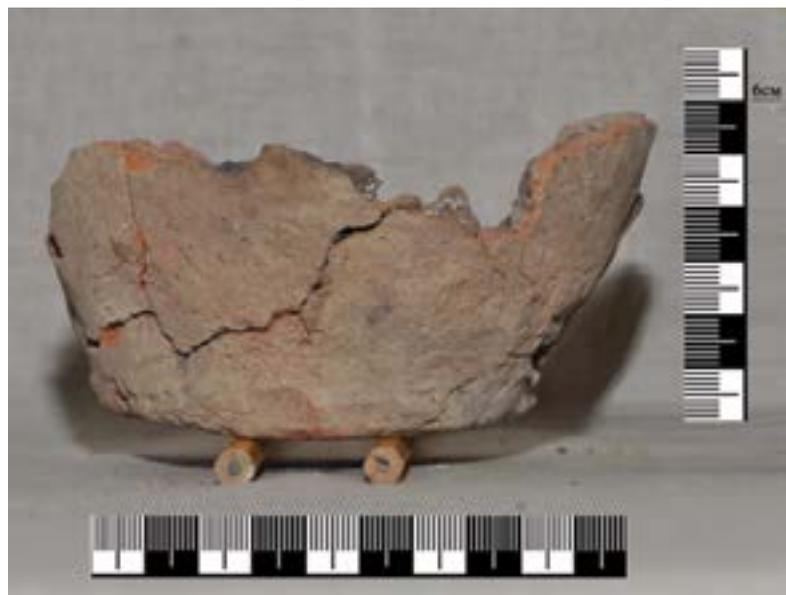

266. Урках 1 к. 25 п. 2 скелет 2 сосуд 6 инв. №13814

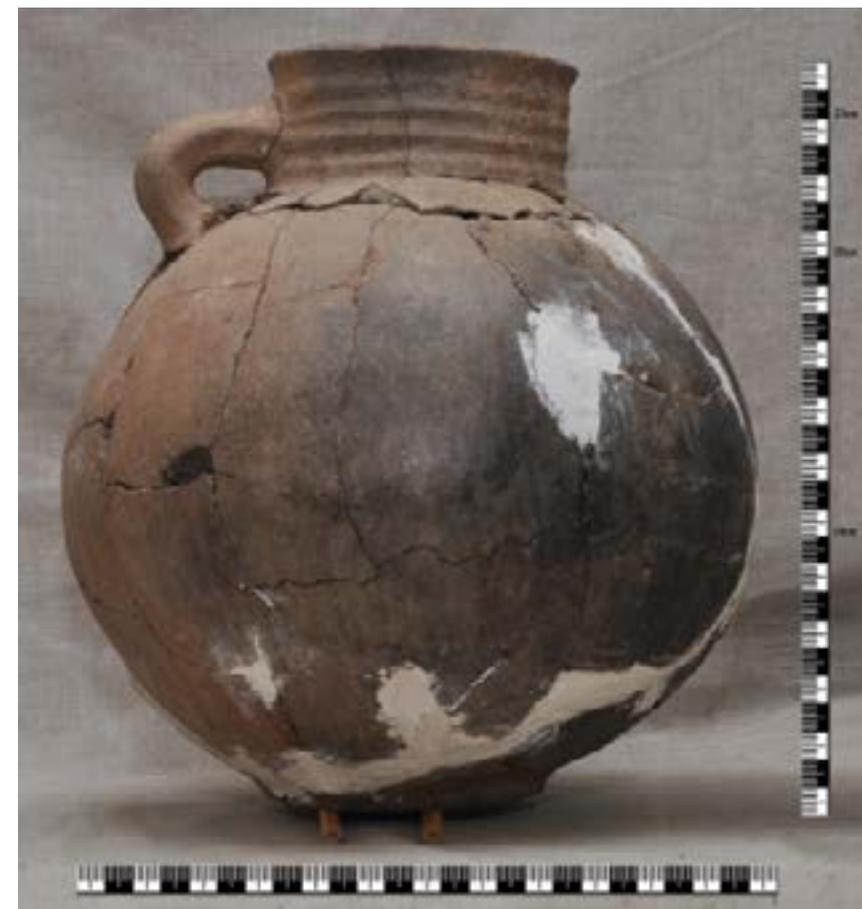
175

268. Урках 1 к. 26 инв. №13684

269. Урках 1 к. 26 инв. №13838

271. Урках 1 к. 24

176

270. Урках 1 к. 26 инв. №13837.
Туалетный сосудик

177

272. Урках 1 к. 24

273. Уркак 1 к. 24

275. Целинный 1 к. 51 инв. №12002. Орнамент

178

274. Целинный 1 к. 51 инв. №12002

179

276. Целинный 1 к. 6 инв. №12019. Туалетный сосудик

180

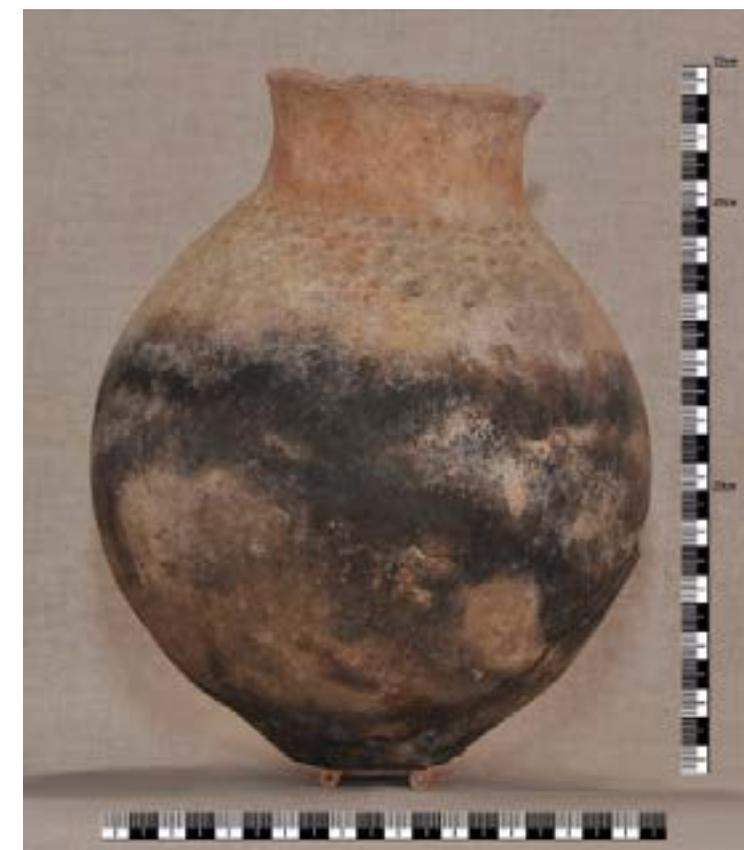
277.Целинный 1 к. 10 инв. № 14362. «Курильница»

278.Целинный 1 к. 10 инв. № 14362. «Курильница»

279.Целинный 1 к. 10 п. 1 инв. №12049. Туалетный сосудик

280.Целинный 1 к. 10 п. 1 инв. №14363

181

281.Целинный к. 10 инв. №14363. Орнамент

182

282.Целинный к. 10 инв. №14363. Дно сосуда

283.Целинный 1 к. 20 инв. № 14376

183

284.Целинный 1 к. 20 инв. №14376. Орнамент

184

285.Целинный 1 к. 20 инв. №14377

286.Целинный 1 к. 20 инв. №14377.
Скульптурный орнамент (сосцевидные налепы –«шишечки»)

287.Целинный 1 к. 22 инв. №14378

288.Целинный 1 к. 24 инв. №14380

185

186

289.Целинный 1 к. 29 п. 3 инв. №12052

290.Целинный 1 к. 29 п. 3 инв. №12052. Скульптурный орнамент

291.Целинный 1 к. 31 инв. №11985

187

292.Целинный 1 к. 32 инв. № 12101

188

293. Целинный 1 к. 32 инв. № 12101. Подтеки от убежавшей жидкой пищи

294.Целинный 1 к. 32 инв. № 12101. Скульптурный орнамент

295.Целинный 1 к. 41 сосуд 2 инв. №14410. Туалетный сосудик

296.Целинный 1 к. 41 сосуд 2 инв. №14410. Туалетный сосудик

189

190

297.Целинный 1 к. 41 сосуд 3 инв. № 14411

298.Целинный 1 к. 41 сосуд 3 инв. № 14411

299.Целинный 1 к. 41 сосуд 3 инв. № 14411. Отпечаток травы на дне

191

300.Целинный 1 к. 41 сосуд 4 инв. №14409. Следы пятнистого обваривания

301. Целинный 1 к. 44 инв. №14421

303. Целинный 1 к. 52 п. 1 инв. №11986. Трубчатый носик слив и орнамент

302. Целинный 1 к. 52 п. 1 инв. №11986

304. Целинный 1 к. 54 инв. №12100

194

305. Целинный 1 к. 54 инв. №12100

306. Целинный 1 к. 54 инв. №12100. Орнамент

307. Целинный 1 к. 54 инв. №12100. Ручка

308. Целинный 1 к. 55 п. 1 инв. №14437

195

309. Целинный 1 к. 55 п. 1 инв. №14437. Дно сосуда

311. Целинный 1 к. 68 п. 1 инв. №11993

196

310. Целинный 1 к. 55 п. 1 инв. №14437. Скульптурный орнамент («защипы»)

197

312. Целинный 1 к. 68 п. 1 инв. №11993. Слив по венчику сосуда

313. Целинный 1 к. 93 инв. №11962. Чаша

198

314. Целинный 1 к. 93 инв. №11962. Чаша. Окрашивание

315. Целинный 1 к. 93 инв. №11962. Чаша. Внутренняя поверхность.

316. Целинный к. 93 инв. №11961. Фрагменты кувшина

199

200

317. Шиликтысай 1 к. 3 п. 2 инв. №14637

318. Шиликтысай 1 к. 3 п. 2 инв. №14637. Орнамент

319. Шаншар к. 2 п. 2 инв. №13069. Фрагменты сосуда. Орнамент («шишечки»)

201

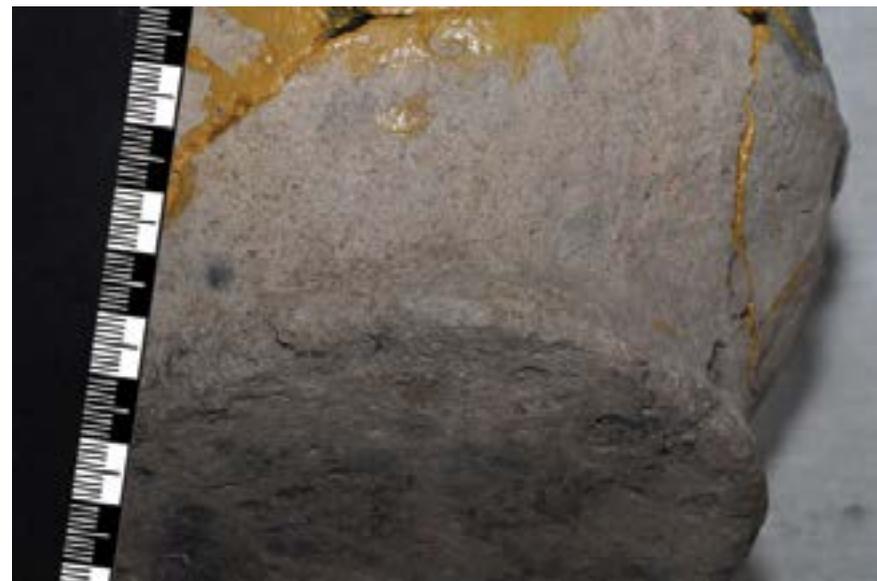

320. Шаншар к. 2 п. 2 инв. №13069. Фрагменты сосуда. Орнамент

202

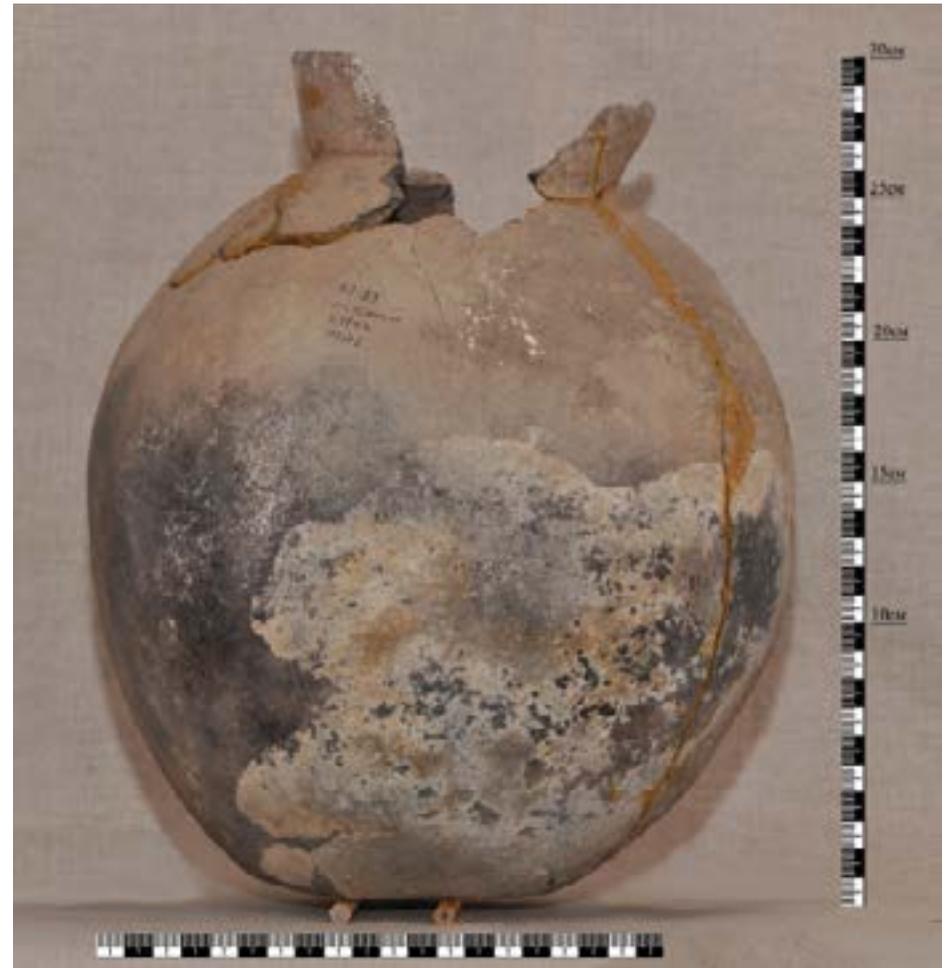

321. Шаншар к. 2 п. 3 инв. №13078

322. Шаншар к. 2 п. 3 инв. №13078. Оформление дна сосуда

203

323. Шаншар к. 17 п. 4 сосуд 1 инв. №13084

324. Шаншар к. 17 п. 4 сосуд 1 инв. №13084. Орнамент

204

325. Шаншар 1 к. 17 п. 4 инв. №13085

326. Шаншар 1 к. 17 п. 4 инв. №13085. Орнамент по шейке сосуда

327. Шаншар 1 к. 17 п. 4 инв. №13085. Ручка-петелька

328. Шаншар 1 к. 17 п. 4 инв. №13085. Ручка-петелька

205

329. Шаншар 1 к. 17 п. 4 инв. №13085. Дно сосуда. Отпечатки формы-емкости

331. Шаншар к. 17 п. 1 сосуд 1 инв. №13110. Орнамент

206

330. Шаншар к. 17 п. 1 сосуд 1 инв. №13110

207

332. Шаншар к. 38 п. 1 инв. №13098

208

333. Шилисай к. 1 п. 1 (?).

334. Шилисай к. 1 п. 1 (?). Орнамент

335. Шилисай к. 1 п. 1 (?). Орнамент

336. Шилисай к. 1 п. 1 (?). Орнамент

209

210

337. Шилисай к. 1 п. 1 (?). Орнамент

338. Шилисай к. 1 п. 1 (?). Орнамент

339. Шилисай к. 1 п. 1 (?). Дно сосуда. Отпечатки от формы-емкости

340. Шилисай к. 1 п. 4 инв. №13477

211

**III. ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ
САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН
ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА**

В данной книге приводятся общая характеристика гончарного производства, полученная по результатам анализа 225 сосудов из 41 сарматского могильника, расположенного на территории Актюбинской области Западного Казахстана, а также материалы из раскопок в Западно-Казахстанской области, хранящиеся в г. Актобе. Для написания главы по сакральным сосудам привлекался анализ 14 «курильниц» из 11 некрополей Западно-Казахстанской области (табл. 1, 2).

Известно, что навыки изготовления посуды передавались эмпирическим путем по родственной линии. Как правило, в доремесленных обществах керамику изготавливали женщины. Обучение происходило с весьма раннего возраста.

Традиции в сарматском гончарстве со временем претерпевали изменения, на которые оказывали влияние как внешние, так и внутренние факторы.

Керамика сарматскими гончарами изготавливалась вручную. Гончарный круг был неизвестен, лишь на позднем этапе существования сарматской культуры (I в. до н.э.-III в. н.э.) в редких случаях зафиксировано использование гончарного круга в качестве поворотного столика для заглаживания и формообразования.

Изучение технологии позволило выделить информацию по всем ступеням гончарного производства с разной степенью информативности, которая зависела от сохранности сосудов и возможности их изучения.

Подготовительная стадия.

Ступень 1-2 – отбор и добыча исходного сырья.

Гончары на протяжении всего рассматриваемого периода (VI в. до н.э. – III в. н.э.) в качестве основного исходного сырья для изготовления посуды использовали пластичные материалы: 1) глины; 2) концентраты; 3) ил; 4) илистую глину.

Глины являлись самой распространенной группой исходного пластичного сырья. Зафиксировано использование глин разной степени ожелезненности, но во все периоды преобладало использование ожелезненных глин, тогда как традиция отбора по степени запесоченности была различной.

В VI-V вв. до н.э. наиболее массовой была традиция отбора ожелезненных «тощих» глин. С IV в. до н.э. по III в. н.э. стала преобладать традиция

использования ожелезненных «жирных» глин.

В VI-IV вв. до н.э. была также зафиксирована керамика, изготовленная из сырья, добытого в источниках, приуроченных к водоемам, а именно, из ила и илистой глины. В состав ила входили: естественные примеси кварцевого окатанного прозрачного «пылевидного» песка с размерами отдельных песчинок до 0,3 мм, включения раковины размерами от 0,5-1,5 мм до 1 см, значительная концентрация органики водного происхождения в виде нитевидных водорослей, остатки животной органики, представленной фрагментами частей насекомых и костей рыб. Качественный состав илистой глины отличался от ила отсутствием или незначительным количеством органики водного характера при наличии органики животного происхождения (раковины).

Зафиксировано незначительное использование глиняных концентратов, составленных из смеси ожелезненной и неожелезненной глин или глины и ила.

Сырье добывали из разных источников, то есть кочевники не были жестко привязаны к одному глинищу.

В качестве непластичного исходного сырья в VI-V вв. до н.э. было зафиксировано использование следующих искусственных добавок: шамот, песок, дресва песчаниковая, навоз, выжимка из навоза, органические растворы и неясная органика.

В IV-I вв. до н.э. в качестве искусственных примесей использовались шамот, дресва (тальковая, гранито-гнейсовая, песчаниковая), шерсть, навоз и органические добавки (выжимка из навоза, органические растворы, неясная органика). Кость встречается со второй половины-конца IV в. до н.э. по III в. до н.э., но в отличие от Южного Приуралья как примесь она не получила широкого распространения и в изученной серии представлена лишь в единичных сосудах, в основном из Западно-Казахстанской области.

В I-III вв. н.э. среди искусственных примесей использовались шамот и органические добавки.

Ступень 3 – обработка исходного сырья.

В основном для смешивания с искусственными примесями глины, илистая глина и ил брались во влажном состоянии, на что указывает отсутствие признаков сухого состояния.

Следов специального отмучивания сырья не было обнаружено. Видимо, перед употреблением

341. Естественная примесь раковины в иле.
Курганный могильник Имангазы-Карасу к. 1 п. 5 ярус 2 сосуд 2 (инв. №13575)

342. Донно-емкостный спирально-жгутовой начин.
Курганный могильник Кумиссай 1 (инв. №2491-1)

216

343. Двухслойный налп из коротких лент по кольцу. Уркач 1 к. 25 п. 2 сосуд 3 (инв. №13805)

344. Следы органического раствора между спаями. Жанабаз к. 1 сосуд 3, засыпь (инв. № 13491)

сырье не подвергалось специальной долговременной обработке, а могло только очищаться от очень грубых примесей, которые мешали процессу лепки. Однако в некоторых случаях исходное пластичное сырье даже не очищалась от очень грубых примесей, например, от крупных включений гематита и раковины целого речного моллюска (размер включений до 1 см) (курганный могильник Имангазы-Карасу курган 1 погребение 5 ярус 2 сосуд 2 - №13575 АИКМ) (рис. 111; 341).

На этой ступени гончарного производства производилась также подготовка искусственных примесей. Черепки сосудов и горные породы (песчаник, гранито-гнейсы) дробили, в результате чего получались шамот и дресва. Кость и горные породы перед дроблением предварительно обжигали.

В исследованной керамике крупность шамота, кости и дресвы колеблется от 0,2 мм до 5 мм, встречаются единичные включения размерами до 1 см. Вероятно, в процессе подготовки минеральные примеси калибровали «на глаз», без использования специальных приспособлений, отделяя пыль и наиболее крупные включения. На дресву дробили чаще всего песчаник. Наиболее широко была представлена традиция составления формовочных масс по рецепту исходное пластичное сырье+шамот+органические добавки.

Тальк, как примесь, появившаяся с конца V в. до н.э., в основном дробился на твердой плоской поверхности, так как частицы минерала, зафиксированные в формовочных массах имеют уплощенную форму.

Навоз использовался во влажном состоянии. Для керамики VI-V вв. до н.э. характерно использование в основном конского навоза.

Рецепты изготовления органических растворов пока остаются неизвестными. В исследованной керамике в составе формовочных масс они читаются в виде: 1) белесого и желтоватого налета в щелевидных пустотах размерами до 5 мм; 2) рыхлого вещества ржавого цвета в пустотах аморфной и щелевидной формы размерами 1-4 мм 3) рыхлого черного вещества и коричневого налета в пустотах размерами до 8 мм с единичными остатками измельченной растительности длиной до 5 мм; 4) черного маслянистого налета в аморфных пустотах размерами 0,5-3 мм и единичных остатков игольчатых частиц растительности длиной 0,9-5

мм. Все они не реагировали на соляную кислоту, а при вторичном обжиге образцов в муфельной печи сердцевина у 10% черепков вне зависимости от выявленных видов растворов, оставалась темной даже под воздействием температуры 850° С.

В ряде случаев при наличии измельченных остатков растительности в сочетании с пустотами, органический раствор можно интерпретировать как выжимку, так называемый «наземный сок». Эту примесь готовили путем выжимания жидкой составляющей навоза под прессом или через материал (Васильева, Салугина, 1997, с.16).

Ступень 4 – составление формовочной массы.

В VI-V вв. до н. э. зафиксировано использование одной группы простых рецептов – ИПС+органические добавки, трех групп сложных – ИПС+шамот+органические добавки; ИПС+дресва+органические добавки; ИПС+песок+органические добавки.

В раннесарматское время количество рецептов выросло. По сочетанию искусственно введенных компонентов все они разделяются на простые, сложные, составные и сложносоставные.

Простые рецепты: 1) ИПС+органические добавки; 2) ИПС+шамот.

Сложные рецепты: 1) ИПС+шамот+органические добавки; 2) ИПС+тальк+органические добавки; 3) ИПС+кость+навоз.

Составные рецепты: 1) ИПС+шамот+дресва гранито-гнейсовая или песчаниковая+органические добавки; 2) ИПС+шамот+тальк+органические добавки; 3) ИПС+кость+шамот+навоз.

Сложносоставные рецепты: 1) ИПС + кость + шамот + тальк + органические добавки.

Для изготовления ритуального сосуда из одиночного кургана Кураша I (V-начало IV вв. до н.э.) был использован составной рецепт ИПС+песок+шерсть+органический раствор (рис. 126).

В I-III вв. н. э. зафиксировано в основном использования рецепта ИПС+шамот+органические добавки.

Таким образом, как показали результаты исследования, наиболее широко во все периоды сарматской истории была представлена традиция составления формовочных масс по рецепту исходное пластичное сырье+шамот+органические добавки.

217

345. Формообразование с помощью выдавливания пальцами. Атпа 1 к. 9 (инв. №11905)

218

346. Отпечаток ткани от формы-емкости. Уркач 1 к. 15 п. 2 сосуд 2 (инв. № 13726)

Шамот являлся самой распространенной примесью, его концентрация варьировала от 1:2 (1 часть примеси на 2 части глины) до единичной с размерами включений от 0,5 мм до 1 см. В основном шамот не просеивался и встречаются довольно крупные включения (до 1 см). Гранито-гнейсы, песчаник предварительно обжигались и лишь потом дробились.

Концентрация шамота в савроматское время была более высокой (1:2/3), но в дальнейшем стала ниже (от 1:5).

Дресва вводилась в концентрации 1:3 и 1:4/5, песок – 1:2/4. Кость – в концентрации от 1:2 до 1:6 (редко единичная). Песок – в концентрации 1:3/5

По составу шамота прослежено (в шамоте зафиксирована эта примесь), что традиция добавления в качестве примесей шамота была устойчивой, то есть передавались из поколения в поколение.

Корреляция исходного пластичного сырья и искусственно введенных примесей показала, что дресва и песок вводились только в «жирные» глины. Носители традиции изготовления керамики по рецепту глина+навоз использовали в качестве исходного пластичного сырья в основном ожелезненные «тощие» глины. Гончары, делающие посуду из илистой глины и ила, добавляли к ним только шамот и органические добавки, причем на шамот дробили свою посуду, изготовленную из аналогичного сырья.

Созидательная стадия.

Керамика сарматскими гончарами, как уже отмечалось, изготавливалась вручную. Использование гончарного круга зафиксировано в нескольких случаях на позднем этапе существования сарматской культуры (I в. до н.э.-III вв. н.э.) и то, лишь в качестве поворотного столика для заглаживания и формообразования.

Ступень 5 – конструирование начина сосуда.

В VI-V вв. до н. э. достоверно зафиксированы две программы конструирования начинов: донно-емкостная и донная. Не исключено использование в некоторых случаях емкостной программы конструирования начина, но о существовании ее можно судить только по наличию косвенных признаков (вогнутое дно с внешней стороны, следы примазывания), так как данные сосуды не были доступны для технологического изучения конструирования.

В IV-I вв. до н. э. встречены донно-емкостная, емкостно-донная, донная и смешанная

(донная+донно-емкостная) программы конструирования начинов.

В I-II вв. н. э. использовалась донно-емкостная программа конструирования.

Начины во все хронологические периоды в основном были составные. Способы конструирования: спирально-жгутовой (рис. 342) или лоскутный. В некоторых случаях читается двухслойность в наложении строительных элементов в конструировании начинов.

Монолитные начинны как правило характерны для донной программы конструирования или для двухслойных начиннов.

Во все хронологические периоды господствовала донно-емкостная программа конструирования начина.

Ступень 6 – конструирование полого тела производилось зональным лоскутным, спирально-жгутовым, ленточным кольцевым налепами. В качестве строительных элементов зафиксировано использование: лоскутов-лепешечек, коротких лент (высотой 3-4 см, длиной до 7-10 см), лент, жгутов или коротких жгутов (размерами 1 x 3-5 см).

В VI-V вв. до н. э. преобладало конструирование лоскутным и ленточным налепами. В IV-I вв. до н. э. картина распространения способов конструирования весьма пестрая и зафиксировано использование разных приемов изготовления.

Круглодонная раннесарматская керамика изготавливалась в основном лоскутным зональным наложением или спирально-жгутовым наложением. Верхняя часть венчика делалась или из целого жгута или отдельных лоскутов. При исследовании зафиксирована прерывистость в изготовлении полого тела перед моментом наращивания верхней части плеча и горла сосуда.

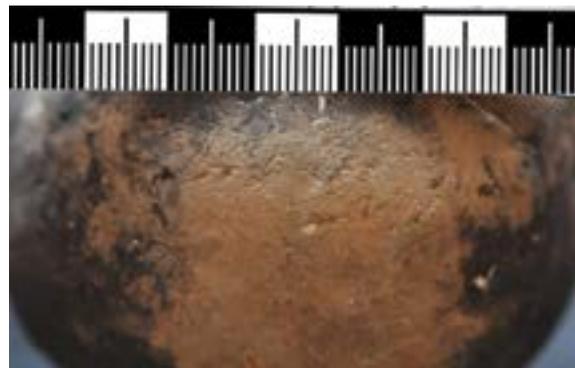
При изготовлении крупных сосудов наблюдается зональность в наращивании, что, видимо, связано с необходимостью мастера останавливать свою работу на определенных этапах и давать емкости немного подсохнуть, чтобы избежать ее деформации в процессе лепки.

У сосудов с «гофрированным» горлом верхняя часть сосуда (венчик с горлом) изготавливались отдельно и лишь потом присоединялись к тулову (рис. 198, 200).

Особенностью исследованной посуды Западного Казахстана является широкое распространение двухслойного наложения, при этом в качестве

219

347. Отпечатки волос от формы-емкости.
Уркач 1 к. 22 (инв. № 13752)

348. Обточка дна и придонной части сосуда ножом

349. Срез кромки дна ножом.
Восточно-Курайлинский 1 к. 10 п. 1 (инв. №11990)

350. Срез кромки дна ножом.
Восточно-Курайлинский 1 к. 20 п. 5 (инв. №14265)

351. Профилировка дна пальцем по кругу.
Сегизсай 2 к. 2 п.3

строительных элементов выступают лоскуты-лепешечки 3х3 см, ленты или короткие ленты длиной до 10 см и 3-4 см. Микроскопический анализ показал сильное наложение лент друг на друга. Система в наложении лент выглядит следующим образом: по кольцу к первой нижней ленте снаружи примазывается вторая, а третья накладывается снаружи на вторую в стык в стык с первой, четвертая лента, образующая венчик, накладывается изнутри в стык со второй (рис. 343).

В некоторых случаях наблюдалось дополнительное смазывание какими-то органическими растворами строительных элементов (лоскутов), что фиксировалось в виде черного или сизого налета между спаями и на внешней поверхности лоскутов на расслоившихся участках (рис. 344). Там,

где использовалась «жирная» глина и, возможно, уже слегка подсушенные заранее подготовленные лоскутки, сохранились даже вмятины от пальцев гончара.

Встречаются сосуды, у которых использовалась смешанная программа наложения строительных элементов. Например, нижняя часть сосуда была выполнена двухслойным лоскутным налепом, а верхняя спирально-жгутовым (курганский могильник Тортоба курган 6 погребение 1) (рис. 236).

Ступень 7 – придание сосуду формы

Гончарами использовались четыре приема формообразования: 1) выдавливание пальцами, 2) при помощи форм-моделей, 3) путем скульптурной лепки на плоскости, 4) выбивание колотушкой.

Выдавливание пальцами как прием формообразования использовался при изготовлении всех сосудов. На некоторых сосудах были отчетливо видны следы от вдавливания пальцев гончара (рис. 345).

Первоначальная форма сосудам придавалась уже в процессе конструирования способом скульптурной лепки на плоскости или с помощью форм-моделей.

Такой прием формообразования как выбивание колотушкой использовался не часто, а если и использовался, то сила нанесения ударов этим инструментом были небольшие, так как большинство сосудов имеют толстые стенки и в их изломе видна несильная деформация течения формовочной массы. Выбивание колотушкой появляется с IV в. до н.э. и встречается на протяжении IV в. до н.э. – III в. н.э., но не является господствующим видом формообразования. В то же время со II в. до н.э. процент такой посуды значительно вырастает по сравнению с предшествующим периодом.

Изготовление с помощью форм-моделей производилось путем наложения строительных элементов (лоскуты, короткие жгуты) на уже готовую емкость (форма-основа) или внутри нее (форма-емкость), при этом для того, чтобы формовочная масса не прилипла к форме, использовалась смоченная прокладка, в качестве которой чаще всего выступала ткань.

Однако из-за тщательной обработки поверхностей следы от форм-моделей, как правило, на большинстве поверхностей сосудов не сохраняются.

Статичные отпечатки прокладки из ткани зафиксированы лишь на одном сосуде с внешней стороны (курганский могильник Уркач курган 15 погребение 2 сосуд 2 – №13726 АОИМ) (рис. 244; 346). Этот факт достаточно достоверно свидетельствует об использовании формы-емкости при изготовлении данного сосуда.

Некоторые сосуды в нижней части внешней поверхности имеют статичные отпечатки волос, что также, возможно, связано с использованием форм-емкостей (рис. 249; 347).

Можно достаточно уверенно констатировать использование при конструировании сосудов также кожаных форм-моделей или прокладок, от которых сохранились вмятины и характерная складчатость на поверхностях керамики.

В ряде случаев прослежена взаимосвязь формы дна сосуда и способа его конструирования. Так, например, «выделенное» дно савроматских сосудов было результатом использования программы конструирования донного начина, который представлял собой толстую круглую лепешку, на которую наращивались строительные элементы полого тела, в результате чего образовывался своеобразный уступчик («выделенное» дно) (рис. 16, 21, 44 и т.д.).

В то же время встречается традиция целенаправленного выделения дна следующими способами: 1) выравнивание придонной части сосуда обточкой твердым предметом (ножом) (рис. 348); 2) срез кромки дна твердым предметом (видимо, ножом) (рис. 349; 350); 3) профилировкой еще неподсохшей поверхности протаскиванием пальца гончара по кругу (рис. 198; 351); 4) профилировка в ходе конструирования еще неподсохшей поверхности путем выдавливания несколькими пальцами по кругу, перпендикулярно поверхности. Для савроматского времени (VI-V вв. до н.э.) был наиболее характерен последний вариант, тогда как для последующих периодов – три первых варианта.

Изготовление круглодонной или плоскодонной формы керамики зависело от традиции гончара. С распространением с IV в. до н.э. посуды с уплощенной формой днища, такую форму дна большинству сосудов придавали уже после завершения процесса конструирования путем выбивания или постукиванием нижней части сосуда о твердую поверхность. В некоторых случаях уплощение дна

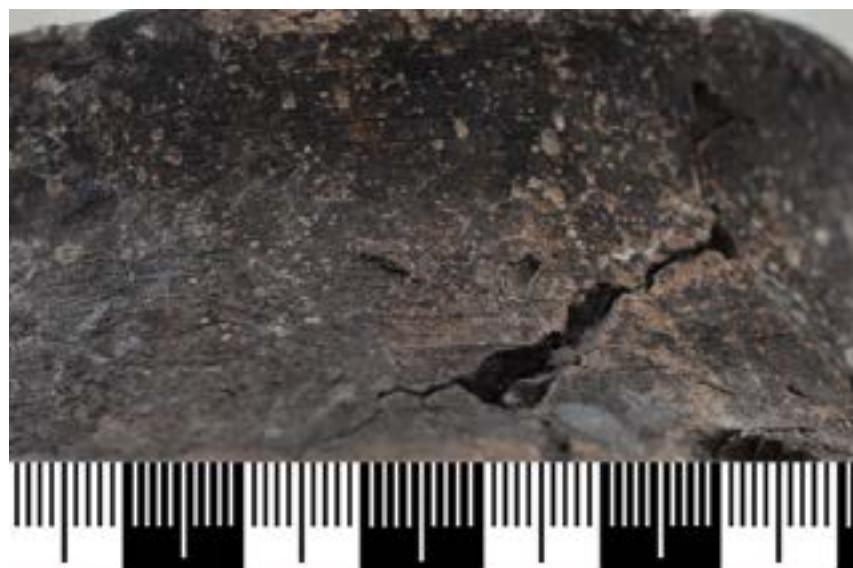

352. Срез венчика под углом ножом. Жаман-Каргала 1 к. 18 п. 2 (инв. №11517)

353. Заглаживание грубой тканью. Восточно-Курайлинский 1 к. 10 п. 1 (инв. №11990)

354. Заглаживание грубой тканью. Имангазы-Карасу к. 1 п. 5 ярус 2, сосуд 1 (инв. №13574)

222

223

получалось в результате оседания еще сырого сосуда под собственной тяжестью, что характерно для плоскодонных сосудов с шаровидной и грушевидной формой тулова.

Венчики в основном профилировались пальцами, в 20% случаев часть венчиков выравнивалась ножом по горизонтали или под углом в 45 градусов (рис. 96; 352).

Ступень 8 – механическая обработка поверхностей

Гончары использовали при обработке поверхности простое ручное заглаживание. В качестве инструмента для заглаживания выступали в основном пальцы гончара, а также ткань (рис. 353, 354), резе кожа или овчина, твердый предмет (рис. 355-356). На большинстве внешних поверхностей сосудов следы от заглаживания не читались, видимо, обработка производилась каким-то мягким материалом, от которого не остается четких следов или следы были утрачены в результате бытового использования.

Внутренняя поверхность обрабатывалась, главным образом, только заглаживанием пальцами.

Заглаживание поверхности кожей появляется с IV в. до н.э.

Примечательно, что в двух случаях зафиксировано обстругивание нижней части сосуда ножом, что читается в виде плоских вертикально срезаемых площадок (рис. 355).

Лощение как способ обработки поверхности появляется и распространяется с IV в. до н.э. Лощение производилось твердым предметом (галькой?) как по слегка подсушенной поверхности, так и по сухой смоченной.

В двух случаях зафиксировано окрашивание внешней поверхности красной краской (охрой) (курганный могильник Танаберген 2 курган 3 погребение 2 – инв. №13904 АОИМК; курганный могильник Целинный I курган 93 – инв. №11962 АОИМК) (рис. 357; 358).

В Западном Казахстане по сравнению с Южным Приуральем значительно чаще встречены следы химико-термического способа обработки поверхностей сосудов – обваривания, что фиксируется в виде сизых пленок с внешней и внутренней стороны сосудов или отдельных подтеков и пятен (рис. 359-361). Наибольший интерес представляет кувшин из Онайбулака (рис. 359). По плечу и горлу со-

суда зафиксированы сложные округлые отпечатки, образующие своеобразные узоры, похожие на папиллярные отпечатки. Подробнее данный способ обработки поверхности будет рассмотрен далее (см. Часть 4).

Закрепительная стадия.

Ступень 9-10 – придание прочности сосуду и устранение влагопроницаемости его стенок.

Все исследованные сосуды испытали кратковременное воздействие температур каления (от 650°-700°С и выше), о чем свидетельствуют трехслойный излом черепка с толщиной краевых осветленных прослоек 1-3 мм и наличие черной сердцевины.

Поверхности всех сосудов имели пятнистую окраску, а также различную степень прокаленности стенок, что позволяет предположить их обжиг в кострищах.

Некоторые сосуды имели оранжевую окраску поверхности, что свидетельствует об использовании при обжиге сухого навоза.

Часто на поверхности сарматских сосудов фиксируются «выколы» («отскоки»), образовавшиеся в результате обжига при недостаточной просушке изделия или наличия естественной примеси оолитового известняка («дутика» как его называют гончары) (рис. 362).

Видимо, частая смена источников сырья, в связи с перекочевками, приводила к незнанию свойств добытой глины и вынуждала использовать гончаров внешне похожую глину, к которой они привыкли. Ярким примером результата такой «ошибки» является сосуд из погребения 1 кургана 1 могильника Сапибулак, вся поверхность которого сплошь покрыта «отскоками», а в глине фиксируется оолитовый известняк (рис. 156-157; 363).

Ступень 11 – конструирование скульптурных и служебных частей емкостей.

Конструирование скульптурных и служебных частей у сосудов изучалось по наблюдениям за внешними следами крепления и за изломами, а также экспериментальным путем.

Ручки сосудов формовались вручную из жгута и прикреплялись к поверхности двумя способами: 1) путем простого примазывания снаружи, часто с использованием дополнительных порций формочной массы; 2) путем вставки концов ручки в отверстия, проделанные в стенках сосуда, и раз-

355. Обработка поверхности твердым предметом (ножом?).
Восточно-Курайлинский 1 к. 20 п. 3 сосуд 1 (инв. №14254)

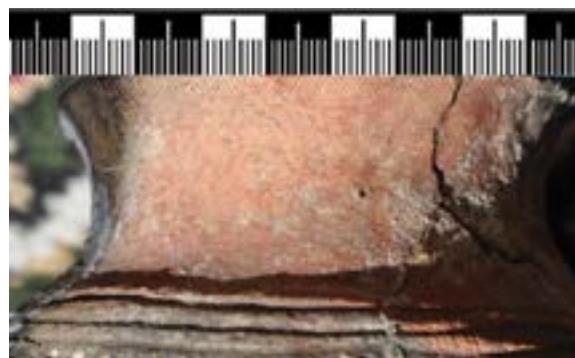

359. Пятнистое обваривание. Онайбулак к. 3 п. 1

224

356. Обработка поверхности твердым предметом.
Имангазы-Карасу к. 1 п. 5 ярус 2 сосуд 1 (инв. №13574)

357. Окрашивание внешней поверхности красной охрой.
Танаберген 2 к. 3 п. 2 (инв. №13904)

358. Окрашивание внешней поверхности красной охрой.
Целинный I к. 93 (инв. №11962)

225

мазывания их изнутри, при этом для дополнительного укрепления осуществлялось промазывание ручки дополнительными порциями формовочной массы снаружи сосуда.

Носики-сливы по краям венчиков формовались пальцами гончара (рис. 364). У керамики II в. до н.э. – рубежа I в. до н.э.-I в. н.э. они имеют сложную фигурную форму (рис. 365).

Более сложные приемы зафиксированы при изготовлении трубчатых носиков-сливов на плече сосудов VI-IV вв. до н.э. (рис. 366).

Носик мог формироваться: во-первых, отдельно и затем примазывался снаружи с использованием дополнительных порций формовочной массы; во-вторых, также отдельно, но вставлялся снаружи в проделанное заранее в стенке плеча отверстие и примазывался изнутри; в-третьих, происходил отгиб стенки плеча на который наращивалась кольцевая лента носика.

Ступень 12 – орнаментация поверхностей.

Орнаментация сосудов производилась чаще всего после заглаживания, так как орнамент перекрывает следы обработки внешней поверхности. По технике нанесения орнаментации на внешнюю поверхность сосудов были выделены следующие

способы: 1) накальвание; 2) прочерчивание; 3) вдавление; 4) «защипывание»; 5) вдавление-протаскивание; 6) скульптурные орнаменты в виде сосцевидных налепов («шишечек»). Поверхность одного сосуда могла украшаться сразу несколькими способами. Выявлены следующие сочетания: 1) прочерчивание+вдавление; 2) прочерчивание+«защипывание»; 3) прочерчивание+вдавление+накальвание; 4) прочерчивание+налепливание.

В VI-V вв. до н.э. преобладают графические орнаменты, нанесенные в основном способом прочерчивания или вдавления. В качестве инструментов орнаментации использовались твердые предметы (палочки, кости и т.д.).

Часто (особенно в VI-V вв. до н.э.) в качестве орнаментов служили собственные пальцы гончара. Орнамент в таких случаях представлял собой вдавления либо одного пальца с ногтем гончара (рис. 367), либо пары пальцев (указательный и большой) с «защипом» дополнительной порции глины (рис. 368-371).

В основном выделяются неглубокие вдавления ногтя, но на савроматских сосудах встречаются и довольно глубокие вдавления до половины верхней фаланги пальца (рис. 372).

226

360. Пятнистое обваривание. Целинный 1 к. 41 сосуд 4 (инв. №14409)

361. Пятнистое обваривание. Атпа 1 к. 4 сосуд 1 (инв. №11900)

Поверхность одного сосуда была украшена вдавлениями палочкой такими глубокими, что образовались внутренние «жемчужины» (Бесоба, к. 10) (рис. 33).

Любопытным представляется наблюдение за размерами «защипов». Так, например, по плечу сосуда из кургана 4 могильника Танаберген 2 (инв. №12020 АОИМК) зафиксированы самые маленькие «защипы» с шириной отпечатавшейся ногтевой пластины 6-7 мм при общей высоте «защипа» 8 мм и ширине 11-12 мм (рис. 373-374). Не исключено, что данный сосуд был изготовлен ребенком или подростком, не имеющим достаточных навыков по изготовлению посуды, на что также косвенно указывают большая асимметричность, небольшие размеры сосуда, неустойчивость дна и недоведенный до конца орнамент (орнамент зафиксирован лишь на половине сосуда).

Интересны украшения в виде протаскивания подушечки пальца по тулову сосуда в результате чего создавался рельефный орнамент в виде волнистых или прямых линий (рис. 375-378). Данный орнамент ранее не встречался в Южном Приуралье (Краева, 2008; 2011а с.51-60).

Зафиксировано несколько способов изготовления орнаментов в виде «шишечек» (сосцевидных налепов) на плече или по середине тулова сосудов (рис. 379-380): 1) выдавливание наружной «шишечки» изнутри пальцем гончара; 2) наклепывание отдельной порции глины в виде «шишечки». Интересно, что на круглодонном сосуде из погребения 1 кургана 3 могильника Уркач 1 (инв. №13709 АОИМК) шишечки имели стандартные одинаковые размеры и на их поверхности зафиксированы сетчатые «ячеистые» отпечатки, возможно, от ткани, которые не перекрываются следами примазывания, а вдавление от пальца видны только на кончике, причем следы примазывания фиксируются только на расстоянии от 7 мм вокруг каждой «шишечки» (рис. 379).

Выделено ряд особенностей орнаментации для так называемой «тальковой» керамики из Зауралья, которая распространяется в северных комплексах Западного Казахстана, как и в Южном Приуралье, с конца V в. до н.э.: 1) нанесение орнамента с помощью специально изготовленных штампов; 2) предварительная разметка перед нанесением орнамента; 3) существование своеобразной ступенчатости орнамента, образованной

срезом ножа по кругу; 4) наличие горизонтальных каннелюр, образованных путем протаскивания пальца по кругу. Впоследствии данные приемы орнаментации, за исключением штампования, видимо, были переняты местными гончарами и получили широкое распространение в раннесарматское время.

С IV в. до н.э. происходит увеличение разнообразия техник нанесения орнаментации, на большинстве орнаментированной посуды зафиксировано одновременное использование нескольких способов нанесения орнамента. Встречаются графические, скульптурные и графическо-скульптурные орнаменты. В украшении посуды начинает преобладать скульптурный вид декора в виде каннелюр, валиков, выделения венчиков от плеча путем глубокого заглаживания (рис. 385).

Степень выделения каннелюр была различной. Некоторые из них четко оформлены и носят явно декоративный характер, другие, наоборот, едва заметны. Скорее всего, происхождение традиции создания таких каннелюр как разновидности декора связано с особенностями конструирования сосудов, когда венчик с шейкой могли лепиться отдельно и только затем прикрепляться к плечу, а образованный на месте стыка шов подправлялся по кругу пальцем гончара (рис.382). Впоследствии такая традиция широко распространилась как прием декорирования и была не связана с процессом конструирования. Наносились каннелюры путем одновременного вдавления и протаскивания пальца гончара по сырой поверхности сосуда (вдавление-протаскивание) (рис. 383).

Валики оформлялись двумя способами: 1) путем выдавливания, благодаря нанесению двух и более каннелюр, в дальнейшем в таком случае они подправлялись и профилировались пальцами (рис. 383); 2) путем наложения дополнительных порций глины, которые потом также подправлялись и профилировались (рис. 384).

Графическо-скульптурные орнаменты совмещали техники графической и скульптурной орнаментации.

Особенностью орнаментации керамики Западного Казахстана является присутствие изображений прочерченных елочек во все хронологические периоды (рис. 72; 112; 306).

На ряде сосудов встречены случайные отпечатки ногтевых пластин, сделанные в ходе ее из-

227

228

362. «Выкол» поверхности сосуда с включением известняка. Талдысай 1 к. 2 п. 3

363. Испорченная «выколами» поверхность сосуда. Сапбулак к. 1 п. 1

229

364. Носик-слив по краю венчика. Восточно-Курайлинский 1 к. 10 п. 1 (инв. №11990)

365. Носик-слив по краю венчика. Целинный 1 к. 54 (инв. №12100)

366. Трубчатый носик-слив. Сапбулак к. 6 п. 3

368. Орнамент пальцами («защипы»). Танаберген 2 к. 3 п. 1 скелет 1

230

367. Орнаментация вдавливанием ногтя гончара. Танаберген 2 к. 3 п. 1 скелет 2

231

369. Орнамент пальцами («защипы»). Болгарка-2 п. 2 (инв. №10184)

готовления и не связанные с орнаментацией (рис. 386-389). Обычно такие отпечатки возникают при наличии некоротких ногтей у гончара.

Таким образом, по изученному материалу выявлена информация по всем 12 ступеням, что говорит о существовании с VI вв. до н.э. по III в. н.э. сложной структуры гончарной технологии⁴.

Гончарное производство ранних кочевников Западного Казахстана сходно с гончарным производством всего Южного Приуралья. Для него характерны следующие черты:

1) Распространение разных представлений об исходном пластичном сырье (ИПС). Использование в качестве ИПС в основном глин, хотя некоторые группы населения использовали илы, добыча которых производилась рядом с водоемами или в них.

2) Неоднородность традиций отбора глин. Использование при изготовлении керамики глин разной степени запесоченности и ожелезненности. Преобладание традиции использования ожелезненных глин. Существование навыков использования глиняных концентратов из смесей ожелезненных и нежелезненных глин, а также смесей глины и ила. Добыча сырья из многочисленных источников и отсутствие жесткой привязанности к одному и тому же глинищу.

3) Использование различных рецептов формовочных масс. Применение в качестве искусственных добавок шамота, талька, дресвы гранито-гнейсовой или песчанниковой, песка и органических добавок. Преобладание традиции составления формовочной массы по рецепту глина+шамот+органические добавки.

4) Конструирование начинов по основным двум программам: донной и донно-емкостной, с преобладанием последней. Распространение лоскутного налета как основного приема конструирования. Существование составных начинов, изготовленных лоскутным или спирально-жгутовым налетом, и монолитных. Изготовление полого тела с помощью лоскутов, лент, жгутов.

5) Формообразование посуды выдавливанием пальцами, выбиванием колотушкой, с помощью форм-моделей и путем скульптурной лепки на

плоскости. Преобладание традиции изготовления посуды скульптурной лепкой на плоскости. Выбивание колотушкой как вспомогательный прием формообразования.

6) Обработка поверхности посуды в основном простым заглаживанием при помощи пальцев гончара, ткани, кожи различной степени выделки, твердым предметом. Преобладание заглаживания пальцами гончара.

7) Термическая обработка посуды в основном посредством кратковременного воздействия температур каления в кострищах или примитивных очажных устройствах.

8) Графические орнаменты наносились обычно в техниках прочерчивания, вдавления, штампования, накалывания-вдавления. Скульптурные орнаменты – в техниках вдавления-протаскивания, выдавливания и налепливания.

9) Появление круглодонных сосудов и рост разнообразия форм керамики, особенно в раннесарматское время.

10) Наличие общих форм керамики и в том числе достаточно редких (сосуды в форме вымени) (рис. 126).

К особенностям гончарного производства ранних кочевников Западного Казахстана, следует отметить:

1) Наличие некоторых особых нестандартных форм посуды (курильницы или, так называемые, «сосуды-перевертыши» (рис. 133), сдвоенные сосуды) (рис. 259).

2) Малая доля керамики с примесью кости.

3) Наличие обстругивания нижней части керамики в качестве приема обработки поверхности и формообразования;

4) Орнаментация в виде прочерченных изображений деревьев (ель).

5) Значительное распространение скульптурного орнамента в виде сосцевидных налепов («шишечек») и защипов.

6) Присутствие рельефного скульптурного орнамента в результате техники вдавления-протаскивания подушечкой пальца.

7) Наличие значительного количества посуды со случайными отпечатками ногтевых пластин, сделанных в ходе ее изготовления;

8) Существование особого двухслойного налета из коротких или длинных лент при изготовлении

370. Орнамент пальцами («защипы»). Атпа 2 к. 3 сосуд 1 (инв. №11939)

371. Орнамент пальцами («защипы»). Сапибулак к. 6 п. 4 сосуд 1

372. Орнамент пальцами (вдавления подушечки пальца с ногтем). Сапибулак к. 6 п. 4 сосуд 1

⁴ В зависимости от наличия определенного количества ступеней А.А. Бобринским выделяются простейшие (10 ступеней), простые (11 ступеней), сложные (12 ступеней) структуры гончарной технологии (Бобринский, 1999, с. 11) (см. Часть 1).

234

373. Сосуд, изготовленный ребенком. Танабергэн 2 к. 4 (инв. №12020)

374. Сосуд, изготовленный ребенком. «Защип». Танабергэн 2 к. 4 (инв. №12020)

полого тела.

9) Распространение такого приема обработки поверхности как пятнистое обваривание.

Сравнительная характеристика гончарных производств сарматских племен Южного Приуралья и Западного Казахстана показала значительное присутствие лепной посуды в захоронениях. Результаты анализа форм, орнаментов и технологии изготовления керамики свидетельствуют о наличии собственного гончарного производства (Краева, 2008, с. 10-12; 2009, с. 193-211; 2010в, с. 162-170; 2011в, с. 350-352; 2015б, с. 229-242; 2016а, с. 97-106). Это гончарство имело свои особенности, свя-

занные с характером хозяйствования.

В частности, кочевники не были жестко привязаны к одному и тому же глинищу, как оседлые племена, о чем свидетельствует многообразие качественного состава исходного пластичного сырья (ИПС) из которого изготавливалась посуда (глины, илы, илистая глина из разных источников добычи). В основном исходное пластичное сырье не подвергалось специальной обработке (отмучиванию), что значительно сокращало время подготовки массы для лепки. В некоторых случаях глина даже не очищалась от очень грубых примесей.

Как показал технологический анализ керамики,

375. Орнамент подушечками пальцев. Автодром к. 2 п. 1

235

проведенный по методике А.А. Бобринского (Бобринский 1978; 1999), для сарматского гончарства наряду с общими чертами трудовых навыков характерно разнообразие в технологии изготовления посуды на всех ступенях гончарного производства (Краева, 2011а, с. 51-60).

Так, например, на ступени составления формовочных масс зафиксировано значительное увеличение количества рецептов от савроматского к раннесарматскому времени. В качестве искусственных примесей служили: различные органические добавки, шамот, песок, тальковая и гранито-гнейсовая дресва, шерсть, но преобладала продукция гончаров, изготавливающих свою посуду по рецепту ожелезненная глина с добавлением шамота и органических добавок. Близкие по форме сосуды могли быть изготовлены из разных рецептов формовочных масс.

Факты наличия разнообразия технологических приемов свидетельствуют о большей «открытости» кочевых обществ для контактов, на что могли повлиять подвижный образ жизни, частые миграции и межплеменные браки.

В самобытности гончарства также нашла отражение скотоводческая деятельность сарматов, которая проявилась в активном применении в гончарном производстве таких продуктов жизнедеятельности животных как навоз, шерсть, кость, кожа, овчина.

Навоз, шерсть и кость животных использовались в качестве одного из компонентов формовочной массы.

Влажный навоз, наряду с другими органическими добавками (выжимка, органические растворы, неясная органика), использовался при составлении большинства рецептов формовочных масс.

Гончары активно применяли сухой навоз при обжиге, что придавало керамике оранжевую окраску поверхности (Васильева, Салугина, 1999, с. 245). Видимо, доступность этого вида топлива при занятии скотоводством в условиях безлесной степи обусловили его широкое использование.

Кость вводилась в формовочную массу сосудов в основном из Южного Приуралья (как уже отмечалось, для исследуемой керамики Западного Казахстана эта примесь не столь характерна). Предварительно кость обжигали и дробили. Как показали экспериментальные работы, именно,

обожженная или кальцинированная кость дробится легче, тогда как сырая практически не поддается такой обработке.

Кожей или овчиной часто производилось заглаживание поверхностей сосудов.

Наряду с существованием у сарматов лощения и простого заглаживания различными материалами (кожа, овчина, ткань, пальцы, твердый предмет), на изученном материале зафиксирован прием окрашивания. В целом, окрашивание не характерно для сарматского гончарства и, видимо, является заимствованным приемом обработки поверхности, подражающим ангобированию круговой азиатской посуды. Вероятно, появление использования глиняных концентратов (смесь ожелезненного и нежелезненного исходного пластичного сырья), зафиксированное при изготовлении сарматской керамики, также связано с влиянием среднеазиатской традиции, где она имела устойчивые корни (Сайко 1964, с. 118-119).

Существовала у сарматов и посуда особенных форм, отражающая их хозяйственную деятельность и религиозные представления. В погребениях присутствуют керамические «курильницы», а также встречены сосуды в виде вымени животных и скульптурные орнаменты из сосцевидных налепов-«шишечек» на керамике.

Именно в формовочных массах некоторых «курильниц» и сосудов, имитирующих козье и кобылье вымя (КМ Филипповка к. 7, КМ Акоба II к. 1 п. 3, ОК Кураша I) (Краева 2009, с. 198; Моргунова, Краева, 2012, с.187-188) была зафиксирована примесь шерсти. Видимо, она имела культовое значение и подчеркивала связь животных с этими ритуальными сосудами.

Как известно в составе стад ранних кочевников преобладали мелкий рогатый скот и лошади. Эти животные были основными источниками молока, мяса, шерсти и средствами передвижения (Акбулатов, 1999, с. 21; Археология СССР, 1989, с. 204). Это были священные животные, которые приносились в жертву при совершении погребального обряда. В захоронениях ранних кочевников в савроматское время погребенных сопровождали черепа, целые или обезглавленные туши этих животных, а в раннесарматское время обряд помещения в могилу лопатки и ноги овцы стал обязательным и широко распространенным (Мошкова, 1963, с. 24). Об особом отношении к козе, как к культовому

236

376. Орнамент подушечками пальцев. Шпаки. Туалетный сосудик (инв. №11180)

237

377. Орнамент подушечками пальцев (поверхность намочена водой для выделения орнамента). Уркач 1 к. 25 п. 2 сосуд 1 (инв. №13798)

238

378. Орнамент подушечками пальцев (поверхность намочена водой для выделения орнамента).
Уркач 1 к. 25 п. 2 сосуд 1 (инв. №13798)

379. Скульптурный орнамент (сосцевидные налпы-«шишечки»). Уркач 1 к. 3 п. 1 (инв. №13709)

239

380. Скульптурный орнамент (сосцевидные налпы-«шишечки»). Целинный 1 к. 20 инв. №14377

381. Скульптурный орнамент (каннелюры, образующие «гофру»). Сегицсай 2 к. 2 п. 3

240

382. Желобок по стыку горла и плеча. Сеизсай 2 к. 2 п. 5.

383. Орнаментация. Акжар 1 к. 1

384. Скульптурный орнамент в виде небольшого валика. Целинный 1 к. 29 п. 3 (инв. № 12052)

385. «Выделенный» венчик. Шаншар к. 17 п. 1 сосуд 1 (инв. №13110)

241

386. Случайные отпечатки ногтей по внутренней части венчика.
Бесоба к. 10 (инв. №2288)

388. Случайные отпечатки ногтей на внешней стороне дна сосуда

242

387. Случайные отпечатки ногтей на внешней стороне дна сосуда. У
ркач 1 к. 25 п. 2 сосуд 3 (инв. №13805)

243

389. Случайные отпечатки ногтей на внутренней стороне дна сосуда

животному, говорит захоронение козы по человеческому обряду, раскопанное в Южном Приуралье в могильнике Шумаево 2 (курган 9 погребение 7) (Моргунова, Гольева, Краева и др., 2003, с. 138).

В связи с этим, наличие форм сосудов, найденных в Южном Приуралье и Западном Казахстане, повторяющих очертания вымени животных, не случайно.

Сосуды в форме вымени особенно характерны для скотоводческих народов (алтайцы, киргизы, башкиры, арауканы). Условно их можно разделить на две группы: 1) сосуды, изготовленные непосредственно из вымени животных (Зиберт, 1953, с. 93-97, рис. 1-3, 5-6; Руденко, 1955, с. 141-143) (рис. 390, 11-12; 396, 1-2); 2) сосуды, имитирующие вымя животных, изготовленные из камня, дерева и керамики (Краева, 2006а, с. 197-201; 2011, с. 70; 2016в, с. 176-180) (рис. 390, 9-10, 13-14; 396, 3-13).

Именно ко второй группе относится сосуд из одиночного кургана Кураша 1, найденный в Актюбинской области (рис. 126). Этот необычный сосуд имел воронковидную форму тулова и слегка прикрытое устье. Верхний срез венчика горизонтальный, по внутренней части края венчика по кругу фиксируется наплыв формовочной массы, образовавшийся в результате деформации при изготовлении «курильницы», когда сосуд стоял вверх ножками. Сосуд имел две цилиндрические устойчивые ножки со сквозными отверстиями.

По внешней поверхности тулова сосуда небрежно прочерчены группы из вертикальных «елочек», состоящих из V-образных линий. Снизу орнамент ограничен прочерченными горизонтальными парными линиями на каждой ножке.

Общая высота сосуда 13,8-14 см, высота ножек 2-2,5 см, внешний диаметр ножек в нижней части 3,2 см, диаметр отверстия в нижней части 2 см, диаметр отверстия изнутри чаши 1,7 см, диаметр устья 11,2 см, максимальный диаметр тулова расположен на расстоянии 2,5 см от края устья и равен 11,8 см, толщина стенок емкости 1 см, толщина стенок ножек 0,6-0,8 см.

Сосуд был изготовлен из ожелезненной «жирной» глины. В глине присутствуют следующие естественные примеси: единичные включения гематита красного цвета размерами до 3 мм (концентрация – 1-2 шт. на 1 кв. см), отдельные остатки растительности в виде стеблей и корешков растений длиной до 2 см. В составе формовочной мас-

сы фиксируются искусственные примеси: крупного кварцевого прозрачного окатанного и полуокатанного песка (размеры частиц 0,3-2 мм, концентрация 1:3/4), шерсти животных (?) и неясной органики (органический раствор?), которая читается в виде пустот аморфной формы размерами 1-8 мм и редких измельченных остатков растительности.

Внешняя поверхность сосуда в основном светло-коричневого цвета с редкими серыми пятнами. Внутренняя поверхность емкости сосуда и ножек покрыта толстым слоем нагара (толщина до 2 мм), частично пятна въевшегося нагара фиксируются и по срезу венчика. Судя по неоднородному цвету внешней поверхности сосуда и трехцветному излому, сосуд обжигался в примитивном устройстве типа кострища или очага.

Заглаживание внешней и внутренней поверхностей производилось овчиной, о чем свидетельствуют следы скольжения, образованные от заглаживания данным материалом, а также динамичные отпечатки от выпавших волосков (Бисембаев, 2015; Краева, 2016г, с.176-180).

Более подробная характеристика сосудов подобного типа будет дана далее (см. Часть 4).

В погребениях Южного Приуралья и Западного Казахстана встречается круговая импортная посуда из Средней Азии и Кавказа (Мошкова 1963, с. 30; Мещеряков, Яблонский 2007, с. 361-362), а также лепные формы-подражания ей, выполненные сарматскими гончарами (рис. 206). Последние изготовлены с помощью местных технологических приемов. Однако, стремление к воссозданию формы и внешних особенностей импортной керамики сразу обращают на себя внимание.

Следует отметить, что сосуды-подражания никогда в точности не воспроизводят оригинал в силу различий в технологии изготовления и привычки гончара делать посуду определенной формы. Привычные формы, по словам многих гончаров, они могут делать «с закрытыми глазами», так как руки уже хорошо усвоили, как и в какой последовательности следует вести работу. Изготовление же новых моделей формы всегда вызывает трудности, так как требует необходимость внесения изменений в сложившуюся систему распределения физических усилий (Бобринский 1991, с. 16).

Корреляция данных технологического анализа с формами и орнаментацией сосудов показала ряд закономерностей.

Способы изготовления посуды разных форм зависели от существующих технологических традиций в гончарстве.

Более архаичные навыки были зафиксированы в основном при изготовлении курильниц (преобладание рецептов из ожелезненной «тощей» глины, ила или илистой глины с добавлением органических добавок и шамота; отсутствие выбивания; заглаживание пальцами). Только в формовочных массах курильниц в виде вымени была зафиксирована примесь шерсти, которая, видимо, имела культовое назначение и подчеркивала, как уже отмечалось, связь животных с этими сосудами.

Технологический анализ горшков, кувшинов, чаш не выявил каких-либо особенностей, присутствующих только этим категориям посуды.

Плоскодонные и круглодонные группы керамики имели свои способы изготовления. Традиции изготовления плоскодонной керамики были менее однородны и претерпели значительные изменения под влиянием традиций изготовления круглодонных форм, начиная с IV в. до н.э. Это проявилось в смешении традиций, как в морфологии, так и в технологии. Прежде всего, следует отметить появление сосудов с различной степенью уплощенности днищ. Выделяется группа керамики, которая изначально изготавливалась с округлым дном, а потом его специально уплощали, что указывает на стремление гончаров, привыкших изготавливать круглодонные формы, подражать образцам плоскодонной посуды. Кроме того, началось активное использование форм-моделей и смешанных рецептов (глина+тальк+шамот+органические добавки), возникли смешанные способы конструирования начинов (донный монолитный+донно-емкостный лоскутный).

Взаимосвязь форм сосудов и технологии прослеживается только для грушевидных видов тулова, изготовление которых осуществлялось лоскутным налепом.

Профиль формы тулова (шаровидный и т.д.) зависел от очертаний форм-моделей и от схемы наложения «строительных элементов» при конструировании (например, лента снаружи или изнутри). Резко отогнутая шейка получалась у сосудов, когда их верхняя часть изготавливалась отдельно и только потом присоединялась к остальной части сосуда, либо когда лента или жгут присоединялись к верхней части плеча сосуда изнутри. Последний способ больше характерен для сосудов с грушевидной и шаровидной формами тулова.

Возникновение нанесения орнаментации штампами изначально связано с появлением круглодонной посуды с грушевидной формой тулова и существовало только в IV в. до н.э. Пролацивание как прием декорирования появилось в III в. до н.э., но широкое распространение получило во II-I вв. до н.э. и особенно характерно для орнаментов в виде «полотенец».

Подводя итог следует отметить, что результаты изучения технологии изготовления керамики свидетельствуют о наличии собственного гончарного производства у ранних кочевников, которое обладало своими особенностями, связанными с характером скотоводческого хозяйства. Наблюдается преемственность в гончарных традициях разных хронологических периодов. Способы изготовления керамики и орнаментация зависели от существующих гончарных традиций, которых придерживался каждый гончар из поколения в поколение, и они передавались по родственным линиям. Большим заблуждением является представление, что один и тот же гончар мог сегодня изготавливать керамику по одному рецепту определенным способом, а завтра – по-другому. Изменение этих традиций наступало в основном под влиянием внешних факторов и связано с историческими процессами.

**IV. БЫТОВОЕ И САКРАЛЬНОЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
КЕРАМИКИ У САРМАТОВ
ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ И
ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА**

Керамическая посуда у многих народов активно эксплуатировалась в быту, а также всегда использовалась в похоронной церемонии и других религиозных обрядах.

Керамика ранних кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана с VI в. до н.э. до IV в. н.э. является самой массовой категорией погребального инвентаря.

В одно погребение сарматы помещали от одного до четырех сосудов, но обычно ставился только один сосуд. Количество сосудов не зависело от числа погребенных.

Керамика помещалась в погребения всех слоев кочевого населения. Однако в погребения знати, как правило, ставили более дорогую, в основном привозную посуду: деревянные чаши, окованные пластинами из драгоценных металлов, золотые и серебряные сосуды, керамику, изготовленную на гончарном круге (Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, с. 239-240; Сокровища сарматских вождей, 2008, с. 25, 29, 90, рис. 1, 5, 15).

Керамические сосуды ставили не в каждое захоронение, жесткой взаимосвязи с полом погребенного и помещением посуды в могилу не прослеживается. Корреляция размещения посуды с формой могильной ямы также не дала результатов.

Посуда сопровождала не только человеческие захоронения, но и погребения животных. Так в могильнике Шумаево II лепной сосуд был помещен в погребение козы (к. 9 п. 7), похороненной по человеческому обряду (Моргунова, Гольева, Краева..., 2003, с. 138, рис. 81, 1-2) (рис. 390, 1).

Известны местонахождения керамики в насыпи кургана, на деревянном перекрытии могилы, а также в засыпи рва или могильной ямы, что связано с ритуальным кормлением духов и тризной. Наибольший процент составляет посуда, поставленная в погребения в качестве приношения усопшему, в чем проявлялась любовь и забота о близких, в частности, об их жизни после смерти (Сентенс, 2005, с. 204).

Наиболее часто встречается помещение целых сосудов, реже фрагментов или разбитых в ходе погребальной церемонии горшков. Примечательно, что в некоторых захоронениях большие толстостенные фрагменты зауральской керамики со значительной концентрацией талька (1:1 и 1:2) находились рядом со стрелами. Фрагменты керамики «мылились» на ощупь и имели старые завальцованные изломы (Шумаево I) (Моргунова, Гольева, Краева..., 2003, с. 54, рис. 34, 5). Возможно, по-

мещение таких фрагментов именно в погребения воинов-лучников неслучайно. Учитывая свойства талька, они служили в качестве инструмента, предотвращающего потливость рук и уменьшающего силу трения тетивы.

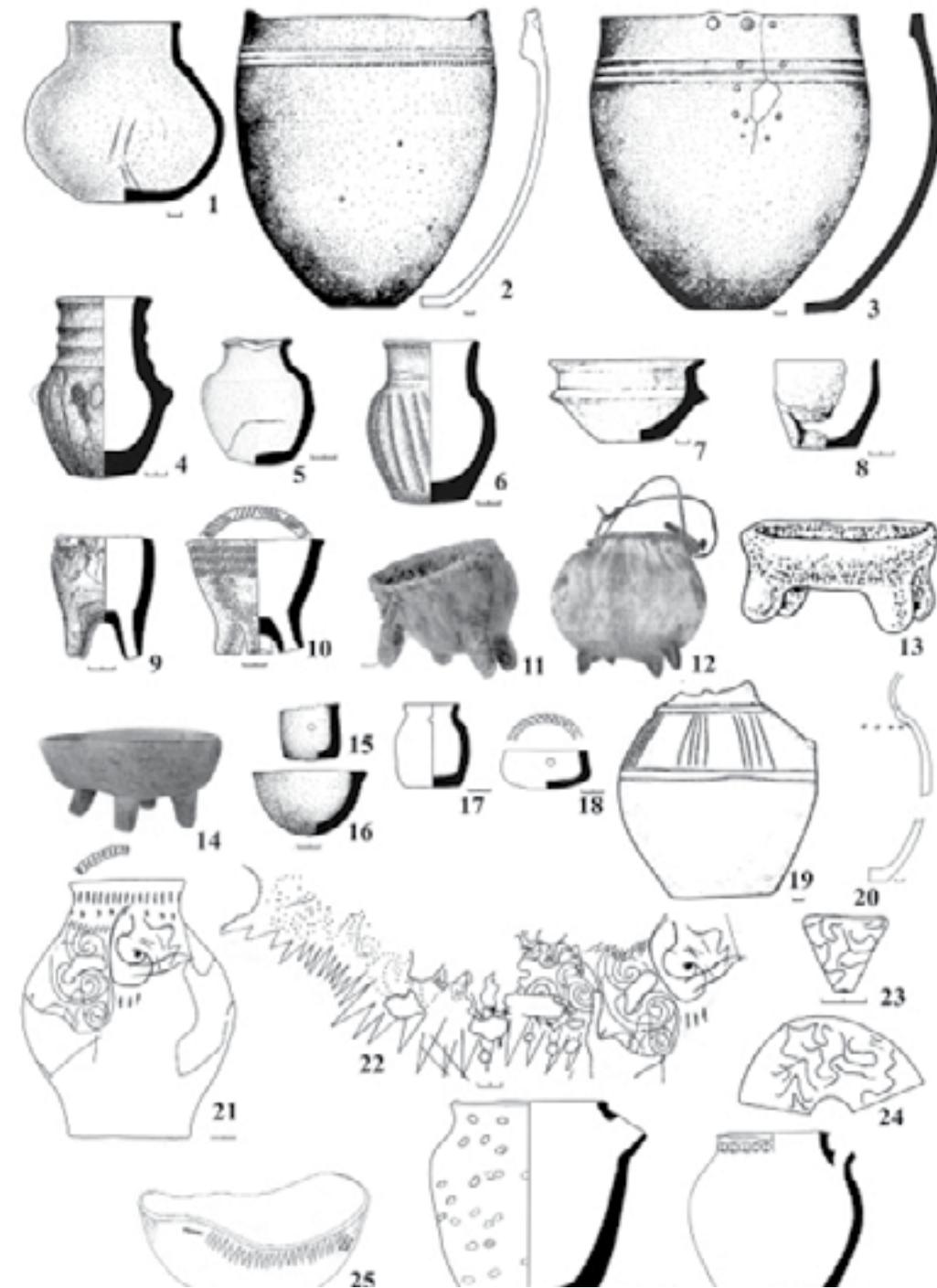
Наблюдается определенный стандарт в местоположении керамики в погребении. Посуду ставили: 1) за головой; 2) в ногах; 3) у таза; 4) у руки. Чаще всего размещали керамику в ногах или за головой покойного. По мнению В.А. Демкина и Я.Г. Рыскова местоположение керамики могло быть связано с содержимым сосудов. Полученные исследователями данные по материалам левобережного Илека показывают, что в 80 % сарматских погребений прослеживается закономерность: сосуды с водой расположены у головы, с кашей или бульоном – в ногах, а в погребениях, где имеется лишь один сосуд с водой, как правило, отмечается присутствие костей животных (Демкин, Рысков, 1994, с. 78-79). К сожалению, исследование в данном направлении в настоящий момент не получило продолжения.

Как и при использовании в жизни, сосуды устанавливались в погребение на дно. Необычное исключение составляют два сосуда котловидной формы высотой 29,6 и 34,3 см из могильника Шумаево I (к. 4 п. 1), которые были обнаружены в заповненности могилы в перевернутом состоянии плотно прижатыми друг к другу (Моргунова, Гольева, Краева..., 2003, с. 30) (рис. 390, 2-3). Оба сосуда имели многочисленные отверстия для ремонта, а внутри находился пузырчатый черный слой нагара толщиной 3-6 мм, который покрывал все стенки и дно.

В могилы помещали посуду, изготовленную как специально для погребальной церемонии, так и использованную в быту (Краева, 2015, с. 90-99).

Исследование технологии изготовления данной керамики позволило затронуть проблему роли керамики в погребальном обряде ранних кочевников на качественно ином уровне (Краева, 2008; 2011а, с. 51-60).

БЫТОВАЯ ПОСУДА. Следует отметить, что четкие критерии бытового использования керамики до сих пор не выделены. Отчасти к косвенным признакам бытового использования посуды можно отнести: 1) наличие нагара на внутренних и внешних стенках сосудов; 2) жировые пятна и следы подтеков от убежавшей жидкой пищи; 3) следы ремонта; 4) старые сколы керамики с завальцованными краями (отбитые ручки, края сосудов и т.д.); 5) следы

390. Керамика ранних кочевников Южного Приуралья: 1 – Шумаево 2 к. 9 п. 7; 2-3 – Шумаево 1 к. 4 п. 1; 4 – Шумаево 2 к. 9 п. 4 с. 1; 5 – Прохоровка 1 к. 4 п. 2 с. 2; 6 – Покровка 2 к. 8 п. 10 с. 2; 7 – Бердянка к. 5 п. 3; 8 – Линева ОК п. 3; 9 – Акоба 2 к. 1 п. 3; 10 – Филипповка к. 7; 15-16 – Шумаево 1 к. 3 п. 2 с. 3, 2; 17 – Мечет-Сай к. 9 п. 1; 18 – Чкаловский к. 4 п. 9; 19 – Благодиславенка ОК п. 4; 20 – Прохоровка 1 к. «б» п. 6; 21-22 – Пятилетка к. 4 п. 1 (сосуд); 23-24 – Пятилетка к. 4 п. 1 (пряслице); 25 – Изобильное 1 к. 2 ров; 26 – Липовка к. 9 п. 3; 27 – Барышников к. 1 п. 2. Сосуды из вымени животных и их имитации: 11-12 – сосуды индейцев арауканов из коровьего вымени; 13 – савроматский каменный жертвенник (Гирьял к. 2); 14 – деревянный сосуд индейцев арауканов.

потертости, бытовая полировка; 6) цветовые изменения поверхностей сосуда и слоев излома черепка. Однако исследователям надо быть предельно осторожными с однозначной интерпретацией этих признаков. Остановимся на некоторых их них.

Наличие нагара на стенках сосудов. С проблемой нагара на посуде хотя бы раз в жизни сталкивается даже самая аккуратная современная хозяйка. Нагар различной толщины (0,2-6 мм) встречается и на древней сарматской керамике. Обычно он наиболее интенсивно покрывает внутреннюю часть сосудов: по плечу, реже по венчику и придонной части, в то время как на дне отсутствует или присутствует крайне редко. С внешней стороны нагар чаще встречается по венчику и плечу.

Следы нагаров и копоти имеет значительная часть сарматской керамики, но не всегда они могут быть связаны с варкой пищи. В ряде случаев, как показывают экспериментальные работы, такие следы образуются при обжиге посуды. Для того чтобы говорить о пищевом происхождении нагаров необходимо специальное их изучение и наблюдения за характером расположения на поверхностях сосудов.

Особой толщиной нагаров выделялись сосуды из могильников Шумаево II (к. 9 п. 4 с. 1) (рис. 390, 4), Прохоровка I (к. 4 п. 2 с. 2) (рис. 390, 5), Покровка II (к. 8 п. 10 с. 2) (рис. 390, 6) (Моргунова, Гольева, Краева..., 2003, с. 129, рис. 83, 2; Краева, 2010б, рис. 91, 3; Курганы левобережного Илека, 1995, с. 38-39, рис. 61, 2). Сосуды из данных захоронений имели небольшие размеры (13,5 см; 10,7 см; 9,5 см), внутренние их поверхности были покрыты толстым слоем нагара толщиной 3-4 мм, а внутрь помещены камни, «талковые молоточки» или фрагменты керамики. В шумаевском сосуде, по определению А.А. Гольевой, сжигались веточки и травы, но не конопля, а приготовление или хранение в нем какой-либо пищи исключено. Сосуд также мог быть приспособлен для освещения при погребальной церемонии (Моргунова, Гольева, Краева..., 2003, с. 218). Видимо, все эти сосуды использовались в каких-то сходных ритуальных церемониях, что по функциональному назначению сближает их с курильницами, хотя по форме они ничем не отличаются от обычных горшков. На наш взгляд, описание такой керамики должно производиться по алгоритму описания обычного сосуда, и только при достаточно веской аргументации высказываться мнение об использовании его в ка-

честве курильницы, чтобы не вносить путаницу в терминологию.

Интересное использование керамики в обрядовой церемонии, связанной с огнем, зафиксировано в могильнике Бердянка V (к. 5 п. 3). В катакомбе на столике, сложенном из угля и гумуса, вместе с обожженными камнями и мелом находился небольшой сосудик со следами маслянистого вещества на внешней и внутренней поверхностях. Рядом с ним лежала перевернутая вверх дном миска (рис. 390, 7) со следами в виде темно-коричневых «звездочек» на внутренней и частично на внешней поверхностях (Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 129; Краева, 2000, с. 122-123, 128-129) (фото 390, 1).

Жировые пятна и следы подтеков от убежавшей жидкой пищи. Регулярное использование посуды при варке жирной пищи приводит к образованию на ней разного рода пятен. Исследование поверхностей древних сарматских сосудов позволило выделить различные варианты пятен не связанных с обжигом: 1) черные и коричневые «звездочки» размерами 0,3-1 см (рис. 391, 1); 2) черные и коричневые пятнышки округлой и аморфной формы с четкими контурами размерами от мельчайших до 0,8 см (рис. 392, 1); 3) коричневые и черные округлые пятна с размытыми краями размерами 0,1-0,8 см (рис. 392, 2); 4) коричневые полностью размытые аморфные пятна размерами 0,3-1,3 см (фото 392, 3).

Без проведения специального химического анализа сложно говорить о составе пятен. Однако обращая внимание на расположение, маслянистость, цвет и форму пятен можно высказать предположения о причинах их возникновения. Проведенные экспериментальные работы свидетельствуют, что следы в виде «звездочек» могли образоваться в результате целенаправленного разбрызгивания жидкого вещества (рис. 391, 1). В некоторых случаях пятна можно связать с пятнистым обвариванием (Бобринский, 1978, с. 238-239) (рис. 392, 4-5). Уникальный сосуд по форме пятен, образовавшихся в результате пятнистого обваривания, найден в могильнике Онайбулак I. По плечу и горлу сосуда зафиксированы сложные округлые отпечатки, образующие своеобразные узоры, похожие на папиллярные оттиски (рис. 359; 392, 4). Характер происхождения таких отпечатков будет проверен в дальнейшем в результате проведения экспериментальных работ.

391. 1 – внутренняя поверхность миски (Бердянка к. 5 п. 3); 2 – внешняя поверхность (Акоба 2 к. 1 п. 3); 3 – внешняя поверхности курильницы (Шумаево 1 к. 3 п. 2 с. 3); 4 – эксперимент с репликой сосуда; 5-6 – внешняя поверхность и замазка трещины (Целинный 1 к. 32). 1-3 – ОГПУ; 5-6 – АОИМК

250

251

392. Пятна на внутренней и внешней поверхности сосудов: 1 – внутренняя часть венчика сосуда из АОИМК; 2 – внешняя часть венчика (Облавка 1 к. 1 п. 11); 3 – внутренняя поверхность дна сосуда (Облавка 1 к. 1 п. 8 яма 2); 4-5 – следы пятнистого обваривания: (4- Онайбулак к.3 п. 1; 5 – Аксай 3 к. 5 п. 1); - 6 – отверстия для ремонта и нагар на внешней поверхности сосуда (урочище Узункуль). 1 – АОИМК; 2, 4, 6 – ЗКОИМК; 3, 5 – ЗКОЦИА

Не исключено, что жирные коричневые пятна были оставлены маслами для косметических процедур, которые хранились в сосудах (рис. 392, 3). Неслучайно их наличие чаще фиксируется на поверхностях небольших сосудиков высотой до 10 см.

Следы подтеков от убежавшей жидкой пищи при варке обычно фиксируются на внешних поверхностях сарматских сосудов от края венчика (рис. 391, 5). Наряду с ними внутри и снаружи таких сосудов присутствует нагар.

Иногда следы в виде «искусственных» подтеков, аморфных разводов и пятен встречаются по тулову и венчику сосудов, но связаны они с целенаправленным процессом разбрызгивания какой-то красящей жидкости сразу после обжига керамики (рис. 392, 4-5). Отличаются они от «бытовых» следов более светлым тоном и отсутствием слоя сажи на самих подтеках, местом распределения на внешней поверхности сосуда (не всегда идут от края венчика, обычно расположены по плечу, тулову, донной части), а также формой (вертикальные подтеки сочетаются с разводами разной конфигурации). Подтверждением непещерного происхождения является отсутствие нагара внутри таких сосудов. Примеры покрытые посуды пятнами с подтеками, носящими характер оберега, известны по этнографическим источникам в Средней Азии и Сибири. Так, по сообщению Е.М. Пещеревой, узбекские гончары захватывали горстями разведенную в воде железистую глину, бросали ее на сосуды и брали их запачканными руками, оставляя на керамике следы пальцев. Глина при этом растекалась по стенкам, давая длинные подтеки (Пещерева, 1959, с. 79-81).

Следы ремонта. В исследованной выборке керамики 15 % сосудов имели следы ремонта. Традиция ремонта посуды имеет давние корни. Она широко известна на территории Южного Приуралья и других регионов у различных народов в эпоху неолита, энеолита, бронзы (Гутков, 2000, с. 179).

Следы ремонта на керамической посуде ранних кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана представлены в виде просверленных сквозных отверстий, располагающихся обычно парами по краям трещин. Количество отверстий варьирует от 2-х до 22-х (рис. 120; 152). Сосуд с наибольшим количеством отверстий (22) для ремонта был исследован в могильнике Шумаево I (к. 4 п. 1 с. 1)

(рис. 390, 3). Отверстия на отремонтированной посуде имеют, как правило, круглую форму. Высверливание их производилось твердым предметом в основном с внешней стороны сосуда обычными круговыми движениями, о чем свидетельствуют концентрические полосы и штрихи на внутренних поверхностях отверстий. Наличие специальных скоб, скрепляющих эти отверстия, как в позднем бронзовом веке, очень редкое явление. Примером может служить ремонт сосуда из могильника Прохоровка I (к. «Б» п. 1), у которого верхняя часть венчика была прикреплена с помощью бронзовой проволоки, продетой через просверленные сквозные отверстия (Яблонский, Мещеряков, 2008, с. 185, рис. 9, 6).

Видимо, обычно отверстия для ремонта соединялись шнурами из органических материалов растительного или животного происхождения (кожа, ткань и т.д.), которые не сохраняются. Корни такой традиции видятся в широком использовании кочевниками сшитой кожаной посуды.

Единичный случай использования замазки трещины при ремонте в верхней части позднесарматского сосуда зафиксирован нами в Западном Казахстане (могильник Целинный к. 32) (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 106-108, рис. 35, 21). Твердое черное вещество, которое с трудом царапалось металлической иглой, заполняло вертикальные трещины шириной до 2 мм, длиной до 5-6 см, которые шли от края венчика сосуда (рис. 391, 6).

После ремонта сосуды продолжали использоваться в быту до помещения в погребение, в некоторых из них даже фиксируется слой нагара, перекрывающий отверстия для ремонта (рис. 392, 6).

Старые сколы керамики с завальцованными краями, следы потертости и бытовая полировка.

Иногда в погребения помещали керамику с отбитыми краями венчиков и утраченными функциональными частями сосудов (ручки, носики). Примером такого наиболее активного бытового использования служит кувшин из погребения 4 одиночного кургана у с. Благодяновка (Краева, Мещеряков, Моргунова, 2000, с. 188) (рис. 390, 19). В результате исследования было выявлено несколько признаков его хозяйственного использования, прежде чем он попал в могилу. Ручка и венчик кувшина были отбиты в древности и поверхности сколов завальцованы (затерты), в средней части тулова и по горлу располагались сквозные отверстия для

252

253

393. Миниатюрные сосудики с боковыми отверстиями: 1 – Шумаево 1 к. 3 п. 2 с. 1; 2 – Шумаево 1 к. 3 п. 2 с. 2; 3 – Рыбий Сакрыл 2 к. 4; 4 – Кос-Оба к. 7 п. 1; 5 – Толдысай 1 к. 2 п. 4; 6 – Чкаловский к. 4 п. 9; 7 – Жарсуат 2 к. 1; 8 – Жарсуат 1 к. 2 п. 2; 9 – Мечет-Сай к. 9 п. 1; 10 – Лебедевка 6 к. 9 п. 2; 11 – Ногай-Чижень 1 к. 2.

254

ремонта. Нижняя часть сосуда имела блестящую поверхность в результате полировки мягким материалом после обжига в ходе бытового использования. По этнографическим данным известно, что женщины-гуцулки Карпат наводили на свою глиняную посуду «глянец» после варки пищи мягким материалом типа замши или ветошью, в результате чего она становилась блестящей⁴.

Кроме того, как показал проведенный эксперимент по выявлению низкотемпературного обжига, благославенский сосуд был обожжен при температурах ниже 450°C (Бобринский, 1989, с. 20-23). После помещения образца в воду из его формовочной массы можно было скатать жгутик, следовательно, сосуд мог использоваться только для хранения сыпучих продуктов, а не для жидкости.

Известны случаи, когда вышедшему из употребления сосуду давали «вторую жизнь», что позволяло его заново использовать в быту. Так, в заполнении рва кургана 2 могильника Изобильное I была найдена чаша (рис. 390, 25), сделанная из продольной половинки тулова сосуда со значительной примесью талька в формовочной массе

(концентрация 1:2)⁵. Края половинки были выровнены и тщательно затерты (Турецкий, 1993, с. 3-4; Богданов, 2004, с. 64, рис. 38, 7).

Цветовые изменения поверхностей сосуда и слоев излома черепка. Поверхности некоторых сарматских сосудов имели более толстый осветленный слой с внешней стороны, в отдельных случаях наблюдалась пятислойность изломов черепка. Данные признаки, возможно, свидетельствуют о так называемом «бытовом» обжиге, то есть случае обожженности поверхности сосудов в результате их использования в быту (Медведев, Цетлин, 2013, с. 100, 104). Иногда сажистый налет фиксировался в пустотах излома черепка, а также

⁵ Ранее исследователи относили чашу к бронзовому веку. Впервые обратила внимание на сомнительное отнесение чаши к ямной культуре Н.П. Салугина. Курган 2 могильника Изобильное I содержал 5 впускных сарматских захоронений, основные центральные ямы были пустыми и ориентированы по линии С-Ю и СЗ-ЮВ, следы охры или другие свидетельства отнесения кургана к ямной культуре отсутствовали. Орнамент, форма и состав формовочной массы сосуда, из которого была сделана «чаша», склоняют к предположению, что этот сосуд относится к раннему железному веку. Появление керамики подобного типа в Южном Приуралье связано с мигрантами из Зауралья.

⁴ Устное сообщение д.и.н. А. А. Бобринского.

между спаями «строительных элементов», более густо концентрируясь ближе к внутренней стенке сосуда, что, по-видимому, связано с проникновением в поры керамики приготавливаемой жидкой пищи. Однако для более убедительной аргументации требуется методическая разработка вопроса и проведение серии экспериментов, направленных на выявление причин появления таких цветовых изменений и связь выявленных признаков с бытовым использованием (Цетлин, 2010, с. 236).

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПОСУДА. В ряде случаев посуду специально изготавливали для погребальной церемонии. Так сосуд из могильника Прохоровка I (к. «б» п. 6) (рис. 390, 20) не имел нагара, был сформован крайне небрежно из плохо промешанной формовочной массы глина+шамот+навоз, имел грубые естественные железистые включения в исходном пластичном сырье (размерами до 1 см) и слабое соединение между строительными элементами. Он был подвергнут кратковременному воздействию температур менее 450°C, о чем свидетельствует проверка на низкотемпературный обжиг: фрагмент при пребывании в воде в течение 1 минуты превратился в глинистую массу из которой можно было скатать жгутик (Краева, 2010б, с. 245).

Косвенные признаки, указывающие на специальное изготовление керамических предметов для религиозной церемонии, были зафиксированы в захоронении рубежа VI-V вв. до н.э. у с. Пятилетка (Краева, Богданов, 2000, с. 168-171). В погребении «женщины-жрицы» наряду с другими предметами культа были найдены сосуд и коническое пряслице (рис. 390, 21-23). Эти керамические вещи имели схожую орнаментацию из пиктограмм и знаков (рис. 390, 22, 24), а также были изготовлены из аналогичного исходного пластичного сырья и общего состава формовочной массы (глина+шамот+органический раствор), нагар внутри сосуда отсутствовал.

Таким образом, к признакам специального изготовления сарматской керамики для обряда погребения следует отнести: 1) использование неочищенного исходного пластичного сырья с грубыми естественным примесями; 2) некачественный промес формовочной массы, проявляющийся в неравномерном распределении частиц искусственно введенных примесей; 3) небрежность в изготовлении формы; 4) кратковременное воздействие температур ниже 450°C при обжиге; 5) отсутствие нагара на стенках сосуда; 6) отсутствие следов ремонта.

Следует отметить, что каждый из перечисленных признаков в отдельности не является веским аргументом в пользу доказательства о неиспользовании сосуда в быту перед помещением в могилу. Необходимо учитывать сочетание признаков для того, чтобы сделать более аргументированным данное предположение.

Наличие или отсутствие признаков бытового использования не зависело от типа сосуда. Выделить «кухонную» и «столовую» посуду среди сарматской керамики, помещенной в погребения, представляется затруднительным. Более четко связать функциональное назначение сосуда с формой можно с определенными типами курильниц (рис. 390, 15-18; рис. 391, 3), кувшинами с высоким горлом и ручкой, сосудами со сливом по краю, горшками с трубчатым носиком-сливом. Если курильницы использовались для сжигания трав или других каких-то веществ, то назначение остальных перечисленных типов сосудов связано с хранением и розливом жидкости.

Проведенные экспериментальные работы по моделированию сосуда с трубчатым носиком-сливом на плече (рис. 390, 26-27) показали, что жидкость не выливается из носика, если не достигает его уровня, то есть в том случае, когда сосуд наполнен на 2/3. Наполнить сосуд полностью без выливания было возможно при условии значительного увеличения длины носика или плотном затыкании его пробкой. В последнем случае при вынимании пробки из носика, жидкость начинала выливаться из сосуда и стекать по стенкам.

Предположение, что отверстие трубчатого носика-слива могло служить для крепления длинной деревянной ручки не выдерживает критики. Действительно, используя такую ручку, плотно вставленную в отверстие, сосуд можно было перемещать при приготовлении пищи на костре, но в керамике этого типа, как правило, нагар отсутствует, а их громоздкость препятствует свободному манипулированию. В погребениях такие сосуды находят без пробок, следы дерева внутри трубчатых носиков также ни разу не встречены. Скорее всего, сосуды данного типа служили именно для хранения и розлива жидкости.

Таким образом, керамика у ранних кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана имела многофункциональное назначение. Она активно использовалась как в хозяйстве, так и в религиозных церемониях. В могилы могли помещать спе-

255

циально подготовленные для обряда погребения сосуда, а также уже использованную в быту посуду, в том числе реставрированную. Выделение признаков бытового использования керамики относится к методическому вопросу, нуждающемуся в дальнейшей дополнительной разработке.

КУРИЛЬНИЦЫ

Классификация сарматских курильниц впервые была осуществлена Мариной Глебовной Мошковой в рамках исследования памятников пророрской культуры (Мошкова, 1963, с. 29-30). В 1973 году Константином Федоровичем Смирновым была опубликована специальная работа, посвященная курильницам «Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии». В ней он изложил свои взгляды на назначение, типологию, происхождение и хронологию данной группы керамики. Курильницы и туалетные сосудики рассматривались в единой классификации, а функциональное назначение этих сосудиков в пределах одного типа определялось условно по их общему сходству между собой. Сосудики, имеющие следы действия огня, относились автором к курильницам, в которых воскуривались ароматические вещества богам и предкам. Помещение красящих веществ рядом или внутри отдельных курильниц служило основанием отнесения их к туалетным сосудикам для хранения косметических средств (Смирнов, 1973, с. 166-179).

К сожалению, как показывают проведенные исследования, визуальная интерпретация нагара не всегда может быть корректной, а также не все курильницы имеют следы нагара и копоти внутри. Необходимо более детальное изучение этой группы керамики с привлечением результатов экспериментальных работ и анализа нагаров (Краева, 2015, с. 92-93).

В рамках проекта по изучению сарматской керамики технологическому анализу были подвергнуты курильницы из Западного Казахстана и Оренбуржья, хранящиеся в музеях, научных центрах и учебных заведениях Актыбинска, Уральска, Оренбурга.

В связи с различной степенью сохранности керамики и невозможностью нарушения целостности предметов из-за хранения в музейных условиях, как уже отмечалось ранее, получить информацию удалось не по всем стадиям гончарного производства.

Ниже будут рассмотрены следующие виды «курильниц»: 1) миниатюрные сосудики с боковыми

отверстиями; 2) чашевидные сосудики на рюмкообразных поддонах (тип VIII по К.Ф. Смирнову); 3) сосуда в виде вымени животных с сосцевидными ножками со сквозными отверстиями (табл. 2).

1. *Миниатюрные сосудики с боковыми отверстиями* (рис. 393; табл. 2). В литературе небольшие по размерам сосудики с боковыми отверстиями высотой до 7 см обычно однозначно интерпретируются как «курильницы» вне зависимости от формы, даже если в них нет нагара. Интерпретация назначения миниатюрных сосудиков с одним боковым отверстием обычно не вызывает сомнения у археологов, и они относятся к курильницам, даже если в них нет следов нагара.

В исследованной нами выборке сосудики представлены разными типами, выделенными К.Ф. Смирновым (типы I, III, IV, V, VII, IX, X, XII) и типами неизвестными ранее. Как правило, они имеют цилиндрическую и трапециевидную форму, реже кувшиновидную или чашевидную (Смирнов, 1973, рис. 1-3) (рис. 393, 1, 3-6, 9-10). Толщина стенок варьирует от 4 мм до 1 см. Одно отверстие диаметром 4-7 мм находится сбоку, обычно в верхней части «курильницы» (0,4-1,5 см от края венчика), реже в средней или нижней половине. В проанализированной выборке большинство сосудиков не орнаментированы. Представленные орнаменты в виде насечек или отдельных символов располагались по тулову сосудов или срезу венчиков. У «курильницы» неизвестного ранее типа из кургана 1 могильника Жарсуат II диагональные насечки нанесены по граням стенок и срезу венчика (ЗКО-ИКМ, инв. №4444/34) (рис. 393, 7-8).

Все сосудики с боковыми отверстиями были изготовлены из глин разной степени запесоченности. Установлено использование «жирных» глин со значительным содержанием естественного песка и «тощих» глин с малой концентрацией естественного песка.

Сосудики были изготовлены по одному рецепту формовочной массы глина+шамот+органические добавки. Данный рецепт характерен для местных традиций в гончарстве и доминирует на протяжении всего существования сарматской культуры, начиная с VI в. до н.э. (Краева, 2008).

В качестве органических добавок при составлении рецепта использовался в основном навоз, а также органический раствор (выжимка?). В некоторых случаях определить вид органики не удалось.

Примечательно, что концентрация шамота во всех проанализированных формовочных массах

Таблица - 2. Количество исследованных «курильниц»

типы	Количество	Местонахождение и инвентарный номер
Миниатюрные сосудики с боковым отверстием	13	<i>Актыбинский областной историко-краеведческий музей (АОИКМ):</i> Целинный I к. 10 (№14362). <i>Актыбинский государственный педагогический институт (АГПУ):</i> Толдысай I к. 2 п. 4 (б/н); неизвестный экземпляр (б/н). <i>Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ЗКОИКМ):</i> Кос-Оба к. 7 п. 1(№47044в); Рыбий Сакрыл II к. 4 (№4447/11); Ульгули к. 1 п. 2 (№8758/2); Лебедевка VI к. 8 (№4453/9); Лебедевка VI к. 9 п. 2 (№10893в); Лебедевка VI к. 33 (№4453/34); Ногай Чижень I к. 2 (№7433/4); Жарсуат I к. 2 п. 2 (№4444/14); Жарсуат II к. 1 (№4444/34). <i>Западно-Казахстанский государственный университет:</i> неизвестный экземпляр (б/н). <i>Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ):</i> Шумаево I к. 3 п. 2. <i>Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей:</i> Мечет-Сай к. 9 п. 1; Чкаловский к. 4 п. 9.
Чашевидные сосудики на рюмкообразных поддонах	6	<i>Актыбинский областной историко-краеведческий музей (АОИКМ):</i> Лебедевка II к. 6 (б/н); Сегизсай II к. 1 п. 8 (б/н). <i>Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ЗКОИКМ):</i> Кушум I к. 2 п. 2 (№35555/28); Облавка к. 1 п. 17 (№25484в); Лебедевка V к. 9 п. 5 (№4747в). <i>Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии (ЗКОЦИА):</i> Майтубек I к. 3
Сосуды в виде вымени животных	5	<i>Актыбинский областной историко-краеведческий музей (АОИКМ):</i> Кураша I к. 1 п. 1. <i>Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН (ИИЯЛ):</i> Филипповка к. 7 <i>Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ):</i> Акоба II к. 1 п. 3. <i>Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей:</i> Филипповка к. 29 п. 6. <i>Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета:</i> Яковлевка II одиночный курган п. 7 .

была значительной 1:3/4 (на 3 или 4 части глины – 1 часть примеси). Преобладала крупная размерность шамота, в среднем 0,1-0,5 см, некоторые частицы имели размеры до 0,7-1 см. В частицах шамота также фиксировался шамот, что говорит об устойчивой традиции использования данного рецепта.

В связи с возможностью изучения только небольших фрагментов керамики, трудно сказать

использовалась ли шерсть животных, зафиксированная в некоторых образцах, в качестве самостоятельной искусственной примеси или связана своим происхождением с навозом (Шевнина, 2015, с. 155-163). Лишь в одном случае целый пучок от выгоревшей шерсти был зафиксирован на поверхности сосуда (Рыбий Сакрыл II курган 4, ЗКОИКМ, инв. №4447/11) (рис. 393, 3).

394. Экспериментальная и археологическая керамика: 1 – экспериментальный сосуд №1; 2 – экспериментальный сосуд №2; 3-4 – экспериментальный сосуд №3; 5-6 – сосуд №1 из Шумаево 1 к. 3 п. 2; 7-8 – сосуд из погребения на Мангышлаке (курганый могильник Тымкаракат).

258

Сосудики лепились вручную без использования гончарного круга.

Способы конструирования удалось установить у двух «курильниц» (Кос-Оба к. 7 п. 1 – ЗКОИКМ, инв. №47044в; Лебедевка VI к. 9 п. 2 – ЗКОИКМ инв. №10893в) (рис. 393, 4, 10). Конструирование обоих сосудиков начиналось со дна, в качестве начала использовалась монолитная лепешка (донный начин), на которую навивался жгут по-спирали. Внутри, по дну, зафиксирован дополнительный второй слой лоскутов. Примечательно, что у некоторых других «курильниц», конструирование которых не изучалось в виду целостности экземпляров, был зафиксирован аналогичный дополнительный внутренний слой лоскутов, отслоившийся в результате использования.

Это довольно архаичный признак конструирования, который ведет свое происхождение от традиции использования двухслойного лоскутного налета, фиксируемого с VI-V вв. до н.э. (Краева, 2010в, с. 166).

Формообразование сосудиков осуществлялось в ходе лепки и по ее завершению путем выдавливания пальцами, что фиксируется по вдавлениям от подушечек пальцев и деформации формовочной массы в изломе некоторых «курильниц».

Особую роль гончары придавали оформлению края венчика. Чаще он срезался по горизонтально твердым предметом (ножом?) и дополнительно профилировался по кругу между указательным и большим пальцем. Зафиксированы также другие способы оформления края венчика: закругление и заострение пальцами гончара.

У «курильницы» из могильника Жарсуат I (к. 2 п. 2 – ЗКОИКМ, инв. №4444/14) верх венчика с одной стороны был закруглен, а с другой срезан ножом без дополнительной профилировки пальцами, видимо, для выравнивания высоты сосуда (рис. 393, 8).

Боковое отверстие проделывалось округлой в сечении палочкой с внешней стороны, что фиксируется по наплыву формовочной массы и деформации стенки с внутренней стороны.

Обработка поверхности осуществлялась путем заглаживания, в основном пальцами гончара.

Орнаментация наносилась в техниках прочерчивания, вдавления. В качестве орнаментов служили заостренные палочки или ногтевые пластины гончара.

В одном случае отпечатки ногтей зафиксированы внутри по дну сосудика, но связаны они с его

конструированием. Наличие таких бессистемных ногтевых вдавлений нередкое явление среди сарматской керамики. Непроизвольное возникновение отпечатка при конструировании сосуда неизбежно при значительной длине ногтей гончара.

Обжиг сосудиков осуществлялся при температурах каления (от 650°C и выше) в кострище или примитивном очажном устройстве, о чем говорят пятнистый окрас поверхности и цвет излома. Зафиксирован двух- или трехслойный излом, при котором краевые слои имеют светлый окрас с одной или двух сторон, а середина остается черной или прослеживается плавный переход светлого оттенка в черный. Последнее обычно свидетельствует об остывании сосуда в кострище и нахождении его в зоне плавного падения температур (Бобринский, 1999, с. 95). В некоторых случаях черепок прокаливался насквозь из-за небольшой толщины сосудика и тогда имел однотонный коричневый излом при отсутствии признаков остаточной пластичности.

В проанализированной нами выборке сосудов с боковым отверстием удалось зафиксировать следующие следы бытового или сакрального использования.

1) Нагар (точнее было бы назвать, пригар) – фиксируется в виде тонкого слоя черного или коричневого цвета толщиной 0,2-0,7 мм, в основном сплошного, состоящего иногда из отдельных чешуек, легко отсоединяющихся от поверхности. Расположен, как правило, с внутренней стороны, ниже уровня отверстия. У одной «курильницы» (Лебедевка VI к. 9 п. 2 – ЗКОИКМ инв. №10893в) плотный слой нагара толщиной 0,3 мм зафиксирован с внешней стороны, в основном по дну. Интересно, что остатки глянцевого черного вещества читались в порах керамики, близких к внешней поверхности, как от просочившейся жидкости.

2) Несплошной налет бурого цвета с внутренней стороны, толщину которого измерить сложно (менее 0,1 мм), сочетаемый с пятнами аморфной формы аналогичного цвета с обеих сторон. Как и первый вид фиксируется ниже уровня отверстия.

3) Наличие закопченности черного цвета с внутренней стороны, которая имеет наибольшую насыщенность не доходя отверстия, слабея по интенсивности ближе к нему или достигает отверстия и фиксируется внутри него.

4) Нагар и закопченность внутри отсутствуют, но фиксируются отдельные маслянистые пятнышки аморфной формы черного или коричневого цвета от мельчайших до 5 мм. Больше их количество обычно присутствует снаружи.

259

395. Чашевидные сосудики на рюмкообразных поддонах («сосуды-перевертыши»): 1 – Облавка 1 к. 1 п. 17; 2 – Кушум 1 к. 2 п. 2; 3 – Лебедевка 2 к. 6; 4 – «поддон» сосуда из Лебедевки 2 (курган 6)

В ряде случаев какие-либо следы бытового или сакрального использования на поверхностях сосудиков с боковыми отверстиями отсутствуют. Однако, у всех исследованных подобных образцов истинный цвет поверхности и следы на них скрыты солями. В результате нахождения в грунте при определенных условиях соли изменяют настоящий цвет поверхностей и могут приниматься за естественный равномерный окрас (коричневый, светло-коричневый). Исключить наличие воздействия солей и восстановить истинный цвет поверхности помогает нанесение соляной кислоты, которая удаляет солевую корку.

Кроме небольших размеров и наличия определенных типов форм, отличных от обычных сосудов, данный вид «курильниц» объединяет наличие одного бокового отверстия, предположения о назначении которого были высказаны еще К.Ф. Смирновым. По мнению Константина Федоровича боковые отверстия использовались для вставки туда приспособления для извлечения сосудика из стопки и переноса в горячем виде, либо через отверстие попадал внутрь воздух или распространялось благоухание при закрытии сосуда сверху (Смирнов, 1973, с. 167).

Если первое предположение, судя по наличию следов, перечисленных выше, так или иначе связано с процессом горения, кажется довольно логичным и отверстие могло служить для помещения в него ручки-палочки, то распространение дыма через столь небольшое и единичное отверстие при закрытом сверху сосуде представляется довольно спорным. Фиксируемое обычно отверстие слишком мало, чтобы способствовать достаточному

притоку воздуха при закрытом сверху сосуде без дополнительного внешнего воздействия.

В качестве рабочей гипотезы, нами было выдвинуто предположение об использовании некоторых сосудиков с одним боковым отверстием в качестве светильников, в которых наливалось жидкое горючее вещество (жир и др.) (Краева, 2016б, с. 117).

В условиях Экспериментальной керамической экспедиции, летом 2016 г., в Самарской области были поставлены 3 эксперимента с репликами сосудиков с одним боковым отверстием. Перед проведением эксперимента были предварительно слеплены 3 одинаковых сосудика высотой 5-5,5 см с боковым отверстием диаметром 0,5 см, расположенном, как и в археологических образцах, в верхней части сосуда на расстоянии 0,8 см от края венчика. Обжигались сосудики в окислительной атмосфере горна для приобретения равномерного однотонного красного окраса поверхности для исключения смешения следов от обжига со следами вторичного использования.

Эксперимент №1 – использование сосудиков в качестве «курильниц». В сосудике №1 сжигалась сухая трава: 1) без углей; 2) на горячих углях, предварительно, помещенных на дно сосудика. Как показали результаты проведенного эксперимента, внутренний объем сосудиков с одним боковым отверстием оказался очень мал, доступ кислорода, необходимого для горения, в нижнюю часть отсутствовал, в связи с чем подожженная сухая трава тут же гасла и, даже с помещением ее на горячие угли, горела недолго (1-2 минуты) и то, только при условии постоянного раздувания углей снаружи

или подачи воздуха с помощью полой трубочки, вставленной внутрь бокового отверстия. Для переноса предмета использовалась палочка, вставленная в отверстие (рис. 394, 1).

Эксперимент №2 – использование сосудиков в качестве светильников. Проведенный эксперимент с использованием данных сосудиков в качестве светильников дал положительный результат. Фитиль, сплетенный из пеньковой веревки, помещался одним концом в расплавленный бараний жир, налитый внутрь сосудика. Другой конец фитиля продевался наружу на 1 см через боковое отверстие, располагающееся обычно, как и в археологических образцах, в верхней части сосудика. Предварительно весь фитиль смачивался бараньим жиром. Далее наружный конец фитиля поджигался. Процесс горения проходил хорошо, пламя было ровным (рис. 394, 2). Постоянный процесс горения не давал застыть жиру, и он равномерно пропитывал фитиль. Таким образом в результате процесса горения в большей степени уменьшалось количество жира, а длина фитиля сокращалась не сильно. За 1,5 часа сгорело только 0,5 см фитиля. Жира, налитого в сосудик №2 до половины, хватило на процесс непрерывного горения на 3,5 часа. Первоначально пламя давало небольшую копоть с внешней стороны, особенно интенсивную над отверстием, но копоть полностью отсутствовала во внутренней части сосудика. Интересно, что на археологических образцах мы также часто не встречаем копоть изнутри, тогда как внешние поверхности сосудиков у отверстия бывают часто отслоившимися, возможно, под частым воздействием огня или в порах снаружи и внутри присутствуют остатки какого-то маслянистого вещества черного, коричневого цвета (рис. 394, 5-6).

Во время процесса горения сосудик сильно не нагревался и его легко можно было переносить в руках.

В аналогичном эксперименте с репликой другого сосудика с боковым отверстием (сосуд №3), огонь был погашен принудительно. После того как жир застыл, поджечь конец фитиля вновь удалось с большим трудом, жир внутри не плавился и фитиль быстро гас, стремительно сгорая. В результате помещения сосудика на горячую поверхность, когда жир расплавился, фитиль удалось поджечь как в эксперименте с сосудом №2. Вполне вероятно, что такой горячей поверхностью для растапливания жира в маленьком сосудике, мог служить другой сосуд (рис. 394, 3-4). Неслучайно сосуди-

ки с боковым отверстием обычно находят в паре (парные курильницы) (рис. 393, 1-2).

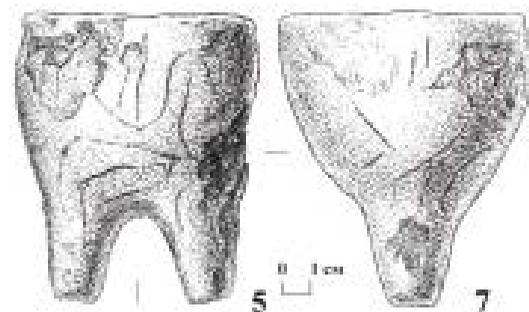
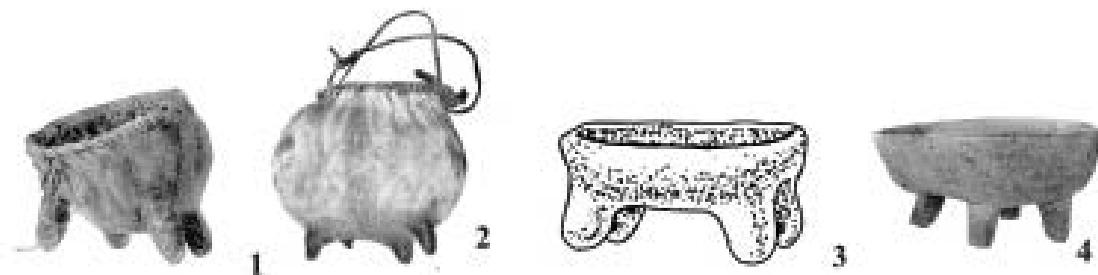
На наш взгляд, следует выделять из группы парные курильницы позднесарматского времени, где маленькие сосудики имеют иную форму и по два сквозных отверстия, расположенные друг напротив друга (рис. 393, 11). Они отличаются от сосудиков в виде стопок с одним боковым отверстием более открытым устьем, что могло способствовать притоку кислорода и процессу горения. Видимо, такие сосудики могли служить в качестве «курильниц», которые подвешивались, переносились и приводились в движение для раскуривания за веревочку, продетую в парные отверстия, по типу кадил на цепочках.

Проведенные эксперименты показали возможность использования сосудиков с одним боковым отверстием в качестве светильников и поставили под сомнение их использование в качестве «курильниц». Однако, они не поставили точку в данном вопросе, и чтобы делать однозначные выводы необходимо тщательное наблюдение за поверхностью сосудов, а также дальнейшее проведение экспериментов с выделением признаков сакрального или бытового использования данных предметов.

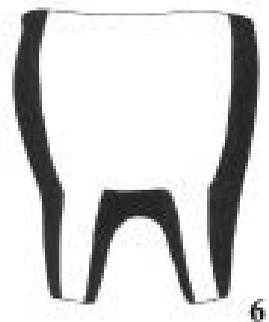
Мы не исключаем возможность сжигания какого-то вещества внутри сосудиков при наличии достоверных следов на внутренней поверхности и при условии постоянного доступа кислорода. Не исключено также использование вещества, горение которого не требует дополнительного притока кислорода (ароматические смолы, нефтесодержащие продукты, жиры). Данную гипотезу подтверждает содержание маленького сосудика без бокового отверстия из захоронения на Мангышлаке⁶. Следы копоти и нагара в нем отсутствовали, но в результате создавшихся особых условий пребывания в могиле в сухом климате, в сосуде сохранилось содержимое в виде съезжившейся черной глянцевой корки, образовавшейся от сгорания какого-то маслянистого вещества. Эта корка легко отходила от стенок сосуда, не оставляя следов на поверхности (рис. 394, 7-8). К сожалению, анализ вещества пока не проводился, и мы можем только предположить, что при наличии нефти в прикаспийском регионе, откуда происходит «курильница», она вполне могла использоваться для горения.

Уже после публикации статьи по сосудикам с одним боковым отверстием, мы смогли ознакомиться с работой А.Е. Астафьевой, в которой она выражает глубокую признательность А.Е. Астафьеву за возможность исследовать неопубликованный материал.

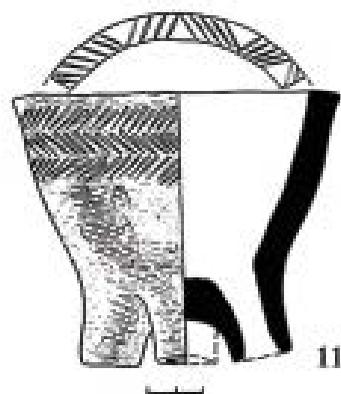

262

263

396. Сосуды из вымени животных и их имитации: 1-2 – сосуды индейцев арауканов из коровьего вымени; 3 – савроматский каменный жертвенник (Гирьял к. 2); 4 – деревянный сосуд индейцев арауканов; 5-7 – Акоба 2 к. 1 п. 3; 8-10 – Филипповка к. 29 п.6; 11 – Филипповка к. 7; 12-13 – Яковлевка 2.

миться с работами Е. Смагулова⁷, в которых автор высказал предположение о возможности заправки маслом некоторых типов средневековых курильниц Сырдарьи эпохи раннего средневековья и ввел термин масляная курильница (Смагулов, 2011, с. 35-42; Смагулов, 2012, с. 237-251). По форме средневековые курильницы не похожи на сарматские, но объединяет их отсутствие следов воздействия огня, а гипотеза об использовании жидких горючих веществ в таких емкостях выглядит весьма убедительно и в настоящий момент подтверждается экспериментальными работами (Краева, 2016г, с. 48-55)

II. Чашевидные сосудики на рюмкообразных поддонах (тип VIII по К.Ф. Смирнову) – «сосуды-перевертыши» (рис. 395; табл. 1).

Данные «курильницы» имеют общую высоту до 14 см и состоят из двух частей: 1) чаши с прямым или слабо отогнутым венчиком, срезанным по горизонтали; 2) поддона, который похож на трапециевидный сосуд с прямым венчиком, срезанным по горизонтали.

«Курильницы» этого типа изготавливались из «жирных» глин. Зафиксировано 2 рецепта формовочной массы: 1) шамот+навоз; 2) шамот+тальк+навоз.

Преобладала крупная фракция шамота с размерами частиц до 1 см. Размеры частиц талька варьировали до 3 мм. В рецептах шамот+навоз концентрация шамота 1:3. В рецептах, где присутствовал тальк, концентрация шамота 1:4/5, талька 1:6/7 и меньше.

Сосуды изготавливались вручную без использования гончарного круга. Конструирование осуществлялось лоскутным налепом. Прослежено только конструирование первой части сосуда (чаши). Она создавалась лоскутным двухслойным налепом (Лебедевка V к. 9 п. 5 – ЗКОИКМ инв. №4747в; Майтубек I к. 3 – ЗКОЦИА). Присоединение второй части сосуда (поддона) происходило после переворачивания чаши и установки ее на венчик, что приводило к образованию закраины с внутренней стороны венчика. Видимо, в некоторых случаях вторая часть сосуда лепилась отдельно во избежание сильной деформации первой и лишь потом присоединялась к ней. Фиксируются дополнительные порции формовочной массы (жгутик?), используемые для соединения частей.

⁷ Благодарим Е. Смагулова за положительный отзыв на наше исследование и возможность ознакомиться с его работами.

Формообразование осуществлялось путем выдвливания пальцами без выбивания. Край венчиков у первых половинок сосудов как правило прямой, срезанный твердым предметом (ножом?), реже слегка отогнут и заострен. Край «поддонов» прямой также срезан твердым предметом (ножом?) по горизонтали. Дополнительная профилировка осуществлялась большим и указательным пальцами как и у сосудов с боковыми отверстиями.

Обработка поверхности производилась путем заглаживания пальцами гончара, тканью или кожей с остатками волосяного покрова (фиксируется по следам скольжения и выпавшим волоскам). В одном случае (Облавка к. 1 п.17 – ЗКОИКМ инв. №25484в), внешняя поверхность первой половинки сосуда (чаши) была залощена (рис. 395, 1).

Орнамент наносился на чаше по срезу венчика или по верхней части ее тулова в техниках вдавливания и прочерчивания.

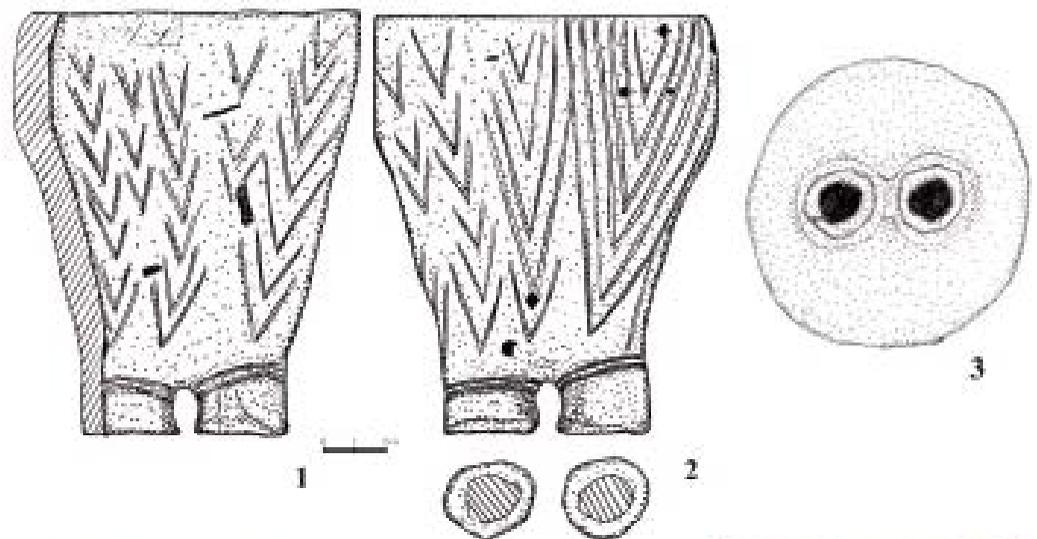
Обжиг производился в кострищах или примитивных очажных устройствах. Поверхности сосудов однотонно коричневые или пятнистые. Изломы сосудов трехслойные с тонкими краевыми осветленными слоями и черной сердцевинкой.

Исследования внутренней и внешней поверхности сосудов показали, что исползовались обе половинки сосудов (чаша и поддон) и в них, возможно, содержалось разное по составу вещество и совершались разные действия.

В первых половинках сосудов (чашах) с внутренней стороны следы от содержания либо отсутствовали, либо фиксировался сплошной бурый налет, который часто имел четкую границу или нагар (пригар) толщиной до 0,5 мм в виде чешуек.

Во вторых половинках сосудов (поддонах) с внутренней стороны фиксировалась копоть черного цвета наиболее насыщенная на определенную высоту как в некоторых курильницах с боковым отверстием.

Необычные следы прослежены на чаше сосуда из могильника Кушум I (к. 2 п. 2 – ЗКОИКМ, инв. №35555/28) (рис. 395, 2). Внутри чаши был зафиксирован сплошной бурый налет с четкой границей в 1 см от края, словно от долго стоящей жидкости, от которой отходили множество точек как от всплесков в результате кипения. По краю венчика на внешней поверхности чаши фиксировались потеки длиной до 1 см бурого цвета от жидкости, переливающейся через край. Во второй половине сосуда (поддоне) на внутренней поверхности был

397. Сосуд из одиночного кургана Кураша 1 и результаты экспериментов: 1-7 – Кураша 1; 8-9 – экспериментальный образец (реплика)

зафиксирован бурый налет с четкой границей в 0,8 см от края венчика, а также маслянистые черные пятнышки размытых очертаний размерами до 3 мм. На внешней поверхности всего кушумского сосуда также встречались пятнышки бурого и черного цвета, что связано с содержанием емкостей и манипуляциями, которые производились с ними, а не с технологическим приемом пятнистого обваривания (Краева, 2015, с. 93).

Исходя из проведенного анализа следует, что в каких-то церемониях были задействованы обе емкости «курильницы»: и чаша, и поддон. Чаша использовалась в качестве емкости для жидкости. Внутри поддона, при перевернутом состоянии сосуда, производилось сжигание сухого вещества, вероятно, трав (рис. 395, 3-4). Неслучайно, поддоны, если представить их как самостоятельные сосуды, похожи на трапециевидные «курильницы» IV типа по классификации К.Ф. Смирнова.

III. Сосуды в виде вымени животных с сосцевидными ножками со сквозными отверстиями (рис. 390, 9-10; 396-397, табл. 1). Сарматские сосуды такого типа стали известны лишь в последнее время (Краева, 2006а, с. 197-201; 2006б, с. 98-102; 2015, с. 92; Моргунова, Краева, 2012, с. 197; Пшеничнюк, 2012, с. 74, рис. 96, 28; Краева, 2016в, с. 176-180). На настоящий момент известно 5 сарматских сосудов подобного типа: курганный могильник Акоба II курган 1 погребение 3 (рис. 390, 9; 396, 5-7); курганный могильник Филипповка курган 7, курган 29 погребение 6 (Оренбургская область) (рис. 390, 10; 396, 9-10, 11); одиночный курган Яковлевка II погребение 7 (республика Башкортостан) (рис. 396, 12-23); курганный могильник Кураша I курган 1 погребение 1 (республика Казахстан, Актыбинская область) (рис. 397, 1-7, 9). Все они происходят из комплексов IV в. до н.э.

Сосуды из Акобы II, Филипповки (курган 29) и Кураши I имели по две ножки, а сосуды из Яковлевки II и Филипповки (курган 7)⁸ по четыре. Подобная форма керамики отражает доленое строение вымени таких млекопитающих как коза, лошадь и корова. Сосуды в форме вымени особенно характерны для скотоводческих народов. Они изготавливались как непосредственно из вымени животных,

8 К сожалению, в публикацию материала Филипповского курганного могильника закралась досадная ошибка о наличии у сосуда из кургана 7 трех ножек (Пшеничнюк, 2012, с. 74), на самом деле ножек было четыре, что показывает осмотр предмета и правильно отражено в полевом отчете (Пшеничнюк, 1988, с. 17).

так и имитировали вымя из других материалов (камень, дерево и керамика) (Зиберт, 1953, с. 93-97; Краева, 2006а, с. 197-201) (рис. 396, 1-4).

Технологический анализ данного типа керамики показал⁹, что они изготавливались в основном из ожелезненных глин разной степени запесоченности. Исключение составляет сосуд из Филипповки (курган 7), который был сделан из смеси слабозапесоченного ила и неожелезненной сильнозапесоченной глины (рис. 396, 11).

Зафиксировано 2 рецепта формовочной массы: шамот+навоз+шерсть животных (Филипповка; Акоба II) и песок+навоз+шерсть животных (Кураша I). Следует отметить, что визуальное исследование сосуда из Филипповки (курган 29) дает впечатление о наличии в составе формовочной массы талька, однако микроскопическое изучение показало, что такое мнение складывается из-за значительной концентрации талька в частицах шамота, что нередко наблюдается в керамике IV в. до н.э. и вводит в заблуждение исследователей (Краева, 2010а, с. 63). В формовочных массах зафиксирован крупный шамот с размерами частиц до 1 см, но в небольшой концентрации от 1:5/6 до единичной. В рецепте с песком, концентрация песка 1:3/4. Во всех рецептах концентрация навоза была значительной и присутствовала небольшая примесь шерсти.

Сосуды лепились вручную без гончарного круга с помощью налепной технологии с использованием приемов выдавливания пальцами при формовании. Вероятно, ножки конструировались отдельно и затем соединялись с емкостью. Обработка поверхностей производилась заглаживанием пальцами и овчиной. Поверхность сосуда из Филипповки (курган 7) была обмазана неожелезненной глиной, имитирующей ангоб.

Вся керамика этого типа за исключением сосуда из Филипповки (курган 29) была орнаментирована абстрактными значками, линиями, вертикальными или горизонтальными елочками, выполненными в технике вдавливания и прочерчивания.

Обжиг производился в кострищах или примитивных очажных устройствах, о чем говорит дву- или трехслойные изломы и пятнистая окраска поверхности. Не исключено использование сухого навоза при обжиге керамики, что придавало красноватый оттенок поверхностям некоторых сосудов.

Видимо, примесь шерсти и значительная кон-

9 Исследованы все кроме сосуда из одиночного кургана Яковлевка II

центрация навоза при составлении формовочных масс, заглаживание поверхностей овчиной, обжиг с использованием сухого навоза были неслучайными и имели культовое назначение, подчеркивая связь животных с сосудами в форме вымени.

На внутренней и частично внешней поверхности исследуемых сосудов этого типа, за исключением сосуда из кургана Яковлевка II, читались следы в виде нагара или аморфных черных и коричневых пятен. Однако наиболее интенсивный слой нагара толщиной до 2 мм, покрывающий всю внутреннюю поверхность, был зафиксирован в сосудике из кургана Кураша I (Краева, 2016в, с. 176-180).

Изучение следов на сосудах под микроскопом позволили выдвинуть гипотезу об использовании данных предметов для воскуривания ароматических трав в перевернутом состоянии. Укрепилось это мнение после анализа сосуда именно с территории Западного Казахстана из могильника Кураша I (раскопки Актюбинского краеведческого музея 2015 г.).

Летом 2015 г. на базе Экспериментальной керамической экспедиции была проведена серия экспериментов с репликами сосуда в форме вымени из Кураша I. Были испробованы способы размещения источника огня снаружи, поджиг травы внутри сосуда без углей, постановка сосуда с травой ножками вверх на горячие угли.

Наиболее вероятным способом использования сосуда с ножками оказался вариант помещения высушенной травы внутрь сосуда и установка его на горячие угли ножками вверх (рис. 397, 8). При таких условиях дым непрерывно выходил из отверстий ножек сосуда и дал аналогичные следы нагара, как и на археологическом образце (рис. 397, 7, 9).

Интересную информацию дают этнографические источники. Так, на современных рынках Мангистау можно встретить женщин, окуривающих товар для лучшей продажи сжиганием гармалы в ковшиках¹⁰. По данным исследователей известно, что кочевникам было знакомо курение конопли, при котором они использовали целый комплекс оборудования (Очир-Горяева, 2004, с. 173). По сообщению И. Идеса и А. Бранда для курения приобские остяки пользуются каменным сосудом, куда они втыкают специально сделанный для этого чубук (Идес И., Бранд, 1967, с. 103). В Азербайджане

известен процесс курения с помощью полых палочек, вставленных в наполненный дымом от пахучих трав мешок.

Видимо, сосуды с ножками со сквозными отверстиями использовались для воскуривания или курения трав в ходе ритуальных церемоний. Могли они также служить и в качестве приспособлений для отпугивания насекомых дымом. Таким образом, мы имеем дело с еще одним типом «курильниц», не известным ранее по классификации К.Ф. Смирнова (Смирнов, 1973, с. 166-179).

В заключении следует отметить, что именно комплексное изучение керамики позволяет делать предположения о функциональном назначении «курильниц» более аргументированными. Вероятно, сосудики с одним боковым отверстием могли использоваться в качестве: 1) светильника с фитилем; 2) светильника, когда горючее вещество сжигалось внутри; 3) курильницы при условии возможности сжигания вещества без доступа кислорода или с постоянным притоком кислорода извне. Отверстие могло служить для протаскивания фитиля или крепления ручки-палочки. Так как у большей части сосудиков отверстие располагалось в верхней части, оно не могло использоваться для доступа кислорода, а также в качестве источника для вдывания, либо выдувания воздуха или дыма. В «курильницах» VIII типа (сосуды-перевертыши) чаша и поддон использовались как самостоятельные емкости, в которых производились действия с разными веществами (жидкое или сухое). Сосуды в форме вымени служили «курильницами» и как показали серии экспериментов работали в перевернутом состоянии «ножками» вверх. Технологический анализ позволил выделить наличие архаичных навыков в изготовлении некоторых типов «курильниц» (лоскутный двухслойный налп, рецепты с шамотом и навозом, отсутствие выбивания при формообразовании, заглаживание пальцами), а также установил взаимосвязь применения технологических приемов с формой сосудов в виде вымени.

Дальнейшее выделение признаков использования «курильниц» относится к методическому вопросу и нуждается в дальнейшей разработке, которая будет продолжена.

¹⁰ Выражаю глубокую признательность А.Е. Астафьеву за предоставленную информацию

**V. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ
И ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ
В VI-VI ВВ. ДО Н.Э.
(по результатам
технико-технологического
анализа керамики)**

270

Полученные результаты комплексного изучения керамики могут быть привлечены для решения вопросов историко-культурного характера. В основе этой возможности лежат общие закономерности функционирования гончарных производств и способности разных навыков труда реагировать с различной скоростью на возникновение и ход процессов смешения (Бобринский, 1978, с. 242-244). Субстратные навыки труда (способы формообразования, конструирования полого тела, начина) сохраняются неизменными в течение жизни 5-6 поколений гончаров. В условиях доремесленного производства особенности этих субстратных традиций отражали культурную специфику соответствующих групп древнего населения. Именно поэтому, изучая субстратные навыки, можно получить информацию о предыстории и истории сложения культурных традиций в гончарстве изучаемого населения. Приспособительные навыки труда (приемы отбора, добычи и подготовки исходного пластичного сырья, составления рецептов формовочных масс, обработки поверхностей) изменяются достаточно быстро, в течение жизни одного поколения гончаров, поэтому их изучение позволяет получить информацию об истории населения на момент совершения захоронений. Однородность и устойчивость трудовых навыков в гончарстве возможны только в случае стабильности общества и относительной замкнутости носителей технологических знаний по отношению к окружающему культурному миру. Устойчивость систем гончарных технологий регламентируется объективно действующими в любом гончарном производстве факторами: 1) изготовлением традиционных форм посуды; 2) наличием стабильной среды потребителей; 3) наличием традиционных технических средств изготовления посуды; 4) доступностью сырья. Эта устойчивость обеспечивается эмпирическим характером навыков труда и действующим механизмом передачи их от поколения к поколению по родственным каналам (Бобринский, 1999, с. 48, 52). Процессы, дестабилизировавшие общество, прежде всего перемещения и смешение различных в культурном отношении групп древнего населения, приводили к нарушению естественного функционирования гончарного производства, что отражалось в свою очередь в

изменении различных элементов гончарной технологии и соответственно – керамики как продукции гончарного производства. Смещение носителей культурных традиций в доремесленном гончарстве отражает и смешение групп древнего населения в целом (Бобринский, 1978, с. 242).

В результате проведенного исследования керамики было установлено, что на территории Западного Казахстана (Актюбинская область) протекали сходные исторические процессы с Южным Приуральем (Краева, 2008; Краева, 2015б, с. 229-242).

Население Южного Приуралья и Западного Казахстана уже на раннем савроматском этапе (VI-V вв. до н.э.) не было однородным по своему составу. Различия в представлениях об исходном пластичном сырье указывают, что изначально в формировании указанного населения приняли участие как минимум две культурные группы.

В условно *первую* группу населения входили носители традиции изготовления керамики из глины. Эта группа была преобладающей и наиболее пестрой по своему составу, о чем свидетельствуют разные традиции в отборе глины и составлении формовочных масс.

Доминантными в этой группе были гончары, изготавливающие керамику из ожелезненной «тощей» глины, которую смешивали во влажном состоянии с искусственными добавками в виде шамота и органических добавок. В сложении этого состава принимали участие носители разных традиций в изготовлении формовочных масс. На это, в частности, указывают факты наличия рецептов с разными видами органических добавок (навоз, органический раствор, выжимка, органика), а также существование смешанного сложного рецепта: ожелезненная «тощая» глина+шамот+навоз, который, видимо, появился в результате контактов между носителями традиции составления простого рецепта ожелезненная «тощая» глина+навоз и носителями традиции использования только шамота в качестве искусственной примеси.

Внутри первой группы были зафиксированы иные традиции составления формовочных масс, представленные в незначительном количестве: 1) глина+органические добавки; 2) глина+песок+органика; 3) глина+дресва+органика.

Формы посуды, изготовленные из перечисленных формовочных масс, ничем не отличаются от савроматских. Эти факты свидетельствуют об участии в сложении населения в VI-V вв. до н.э. носителей этих традиций составления рецептов формовочных масс и существовании определенных общих стандартов в формах посуды, характерных для всей археологической культуры.

Гончары первой группы изготавливали орнаментированную и неорнаментированную керамику плоскостонных форм в основном способом скульптурной лепки. Разнообразие субстратных навыков, заключающееся в существовании двух программ конструирования начинов (донно-емкостной и донной) и в наличии разных способов конструирования донно-емкостных начинов (монолитный из комка глины и составной лоскутный), указывает на неоднородность изучаемого населения в прошлом. Однако общие способы конструирования полых тел лоскутным налепом или лентами свидетельствуют о процессе сращивания различных культурных традиций, что отражает глубоко зашедшие процессы смешения разных групп населения (Бобринский, 1978, с. 170).

Вторая группа населения существовала в одно время с первой группой и использовала для изготовления керамики илы и илистые глины, добыча которых была приурочена к водоемам. Гончары этой группы изготавливали аналогичную посуду плоскостонных форм, в основном неорнаментированную. В формовочные массы вводился шамот и органический раствор. Конструирование донно-емкостного начина и полого тела осуществлялось лоскутным налепом способами скульптурной лепки на плоскости и с помощью форм-моделей.

На настоящем уровне исследования мы не можем указать истоки этой группы. Однако следует отметить, что навыки использования в качестве исходного пластичного сырья илов и илистых глины фиксируются в Урало-Поволжском регионе, начиная с эпохи неолита и существуют весь бронзовый век (Васильева, 2007, с. 38; Гутков, 1995, с. 135-146; Салугина, 1999, с. 22-23).

Один из компонентов в формировании савроматской культуры, видимо, своим происхождением был связан со Средней Азией.

На это указывают использование в некоторых случаях для изготовления савроматской керамики неожелезненной глины или глиняных концентратов (смеси ожелезненной и неожелезненной глины) – устойчивой традиции, характерной для среднеазиатского региона (Сайко, 1982, с. 73).

Данное предположение согласуется с гипотезой К.Ф. Смирнова, который связывал происхождение некоторых типов керамики, в том числе, сосудов с трубчатыми носиками-сливами с сакской традицией (Смирнов, 1964а, с. 118-119).

Совмещая полученные данные технологии (использование глиняных концентратов, неожелезненных глины, идентичных рецептов формовочных масс с добавлением шамота, навоза) и морфологии, можно предположить, что эта группа посуды действительно может быть связана своим происхождением со Средней Азией, а, следовательно, в формировании культуры кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана в VI-V вв. до н.э. приняли участие выходцы с этой территории.

Подтверждают эту гипотезу и данные погребального обряда. Так, захоронение воина из курганного могильника Акоба 2 (погребение 2) из Оренбургской области, в насыпи над которым были найдены фрагменты сосуда с трубчатым носиком-сливом, сопровождало центральное дромосное коллективное погребение, совершенное на древнем горизонте, что, по мнению исследователей, характерно для саков Семиречья (Кадырбаев, 1984, с. 91-93; Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144-145; Моргунова, Краева, 2012, с. 160-162).

В сложении состава населения в VI-V вв. до н.э. приняла активное участие группа населения, которая изготавливала свою керамику по рецепту *глина+шамот+органические добавки*. Судя по массовости и широкому распространению этого рецепта во всех могильниках, это была основная группа, которая стала ядром формирования савроматской культуры. Следует отметить, что данная группа в прошлом и в момент переселения также не была однородной, на что указывает существование внутри нее разных способов изготовления начинов, а также зафиксированные различные традиции в отборе и добыче сырья.

271

В результате изучения лепной керамической посуды ранних кочевников VI-I вв. до н.э. было установлено, что субстратные и приспособительные навыки савроматских и раннесарматских гончаров близки между собой, а их гончарные производства имели сложную структуру. Преемственность прослеживается также в формах сосудов и в их орнаментации. Данные факты позволяют говорить о том, что корни происхождения раннесарматского гончарства кроются в савроматском гончарстве, что свидетельствует о генетической связи населения савроматской и раннесарматской культур Южного Приуралья и Западного Казахстана. Этот вывод подтверждается археологическими, а также антропологическими исследованиями (Смирнов, 1964а, с. 286-290; Мошкова, 1974, с. 28, 48; Пшеничнюк, 1983, с. 128; Балабанова, 2000, с. 123; Краева, 2011г, с. 350-352).

Вместе с тем существенные отличия, которые были зафиксированы в раннесарматском гончарстве, свидетельствуют об изменениях, наступивших в среде изучаемого населения в IV-III вв. до н.э. Именно в этот период контакты становятся более разнообразными, что проявляется в увеличении ассортимента форм и многообразии технологических традиций.

Уже на рубеже V-IV вв. до н.э. фиксируется появление лепной посуды, отличной от «савроматской». Это сосуды с грушевидным туловом, округлым дном, с резко отогнутым венчиком и сложным орнаментом. Технология их изготовления также отличается от более ранней посуды. Они изготовлены из формовочной массы глина+талек+органика или из тальковой глины с добавлением органических добавок, конструирование сосудов произведено лоскутным налепом с помощью формы-модели или спирально-жгутовым способом, а орнамент нанесен штампом (Краева, 2015б, с. 237, рис. 8).

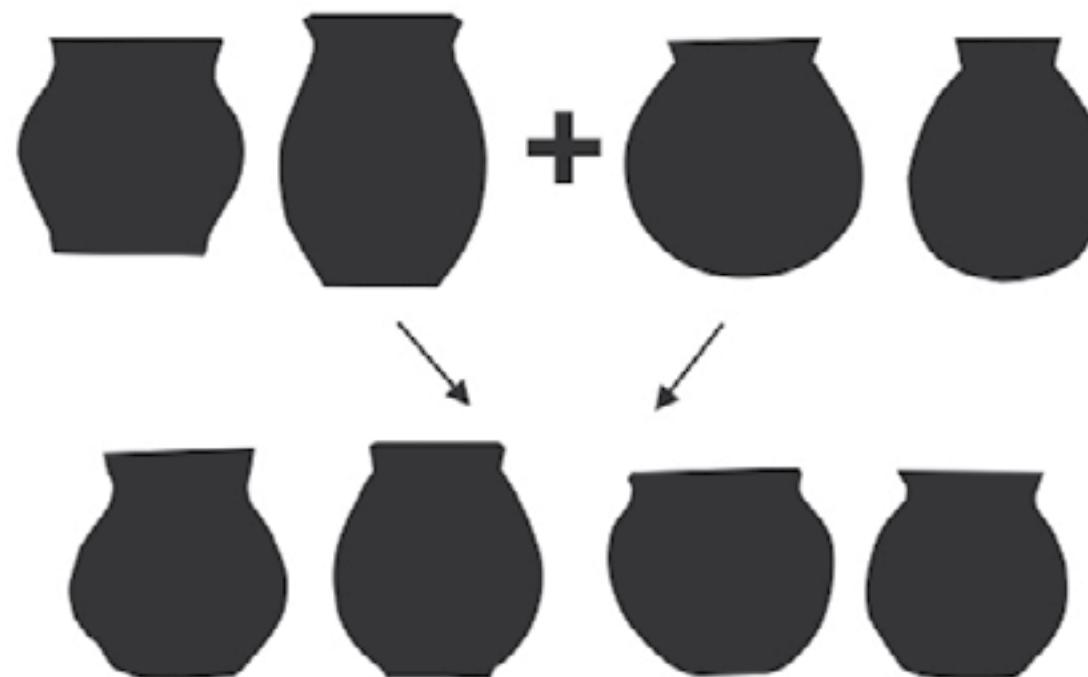
Доля такой посуды в сарматском керамическом комплексе была небольшой (8 %). Причины появления и исчезновения «тальковой» керамики в Южном Приуралье неоднократно излагались исследователями. По разнице взглядов можно выделить две точки зрения на эту проблему (Краева, 2007, с. 260-262; 2010а, с. 58-65).

«Миграционная». Появление «тальковой» керамики у сармат в IV в. до н.э. связано с полуоседлыми и оседлыми племенами зауральской лесостепи, в частности, с миграцией племен гороховской культуры, которые принесли свои традиции и навыки в технологию гончарного производства и повлияли на окончательное оформление керамического комплекса прохоровской культуры. Исчезновение «тальковой» керамики связано с возобладанием традиций более многочисленной местной группы населения (Мошкова, 1974, с. 22; Таиров, 1998, с. 93).

«Контактная». Появление «тальковой» керамики связано не с миграцией лесостепного населения, а просто с ростом контактов сарматов с этим населением в IV в. до н.э., и исчезновение такой керамики в III в. до н.э. с прекращением прежних контактов и переориентацией интересов nomadov на запад и юг (Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 8; Могильников, 1999, с. 133-134; Савельев, 1999, с. 139-140).

Проведенный технологический анализ показал, что появление такой посуды и дальнейшие изменения в технологии изготовления сарматской керамики связано с массовым приходом в степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже V-IV вв. до н.э. носителей традиций составления формовочных масс глина+талек+органика из лесостепного Зауралья. Именно в этом регионе имеются залежи талька и была широко распространена традиция его использования среди населения, начиная с бронзового века (Мошкова 1974, с. 6, 22; Гутков, 1995, с. 141).

Попадание в среду ранних кочевников рассмотренной выше круглодонной посуды, изготовленной по рецепту, глина+талек+органика, нельзя объяснить исключительно брачной формой контактов или влиянием «моды», так как это противоречит закономерностям развития гончарного производства. Именно, приход носителей традиций составления формовочных масс глина+талек+органика оказал значительное влияние на сложение технологических традиций в раннесарматском гончарстве.

398. Схема трансформации форм керамики в IV в. до н.э.

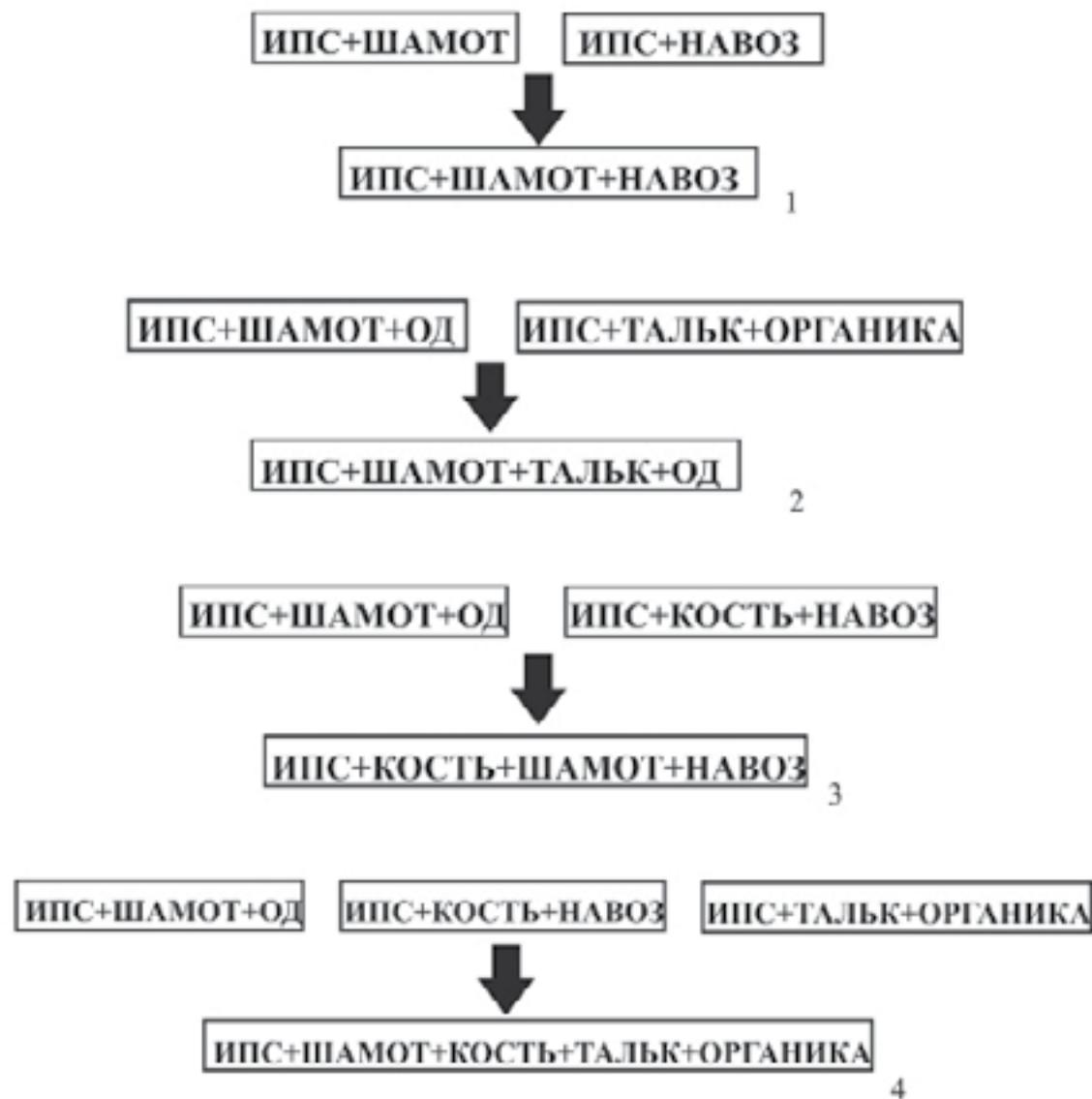
В результате смешения пришлых групп с местным населением произошло: 1) широкое распространение круглодонной посуды, а также плоскодонной посуды «переходного типа» с плавным переходом стенок в неустойчивое дно (рис. 398); 2) изменение в орнаментации (уменьшение доли орнаментов в виде пиктограмм; усложнение композиций; приоритет за украшением плечевых зон); 3) появление новых способов орнаментации (традиция выделения венчика; распространение скульптурных орнаментов – каннелюры, валики, шишечки и др.); 4) массовое появление смешанных рецептов формовочных масс глина+шамот+талек+органические добавки; 5) сложение общих навыков в конструировании полых тел при сохранении разных программ конструирования начинов; 6) появление новых поколений гончаров, которые еще придерживались старых программ конструирования начинов (емкостно-донный и донно-емкостный спирально-жгутовой), а

полые тела сосудов уже начали делать лоскутным налепом по спирали; 7) массовое использование при изготовлении посуды форм-моделей (Краева 2008; 2009, с. 200; 2010а, с. 62-63).

Вероятно, одной из первых групп населения, которая раньше всех вошла в контакт с лесостепными племенами из Зауралья, была Орско-Кумакская группа (Мошкова, 1962, с. 204-241; Мошкова, 1972, с. 27-48; Краева, 2015б, с. 229-242). Именно в этой группе зафиксировано наибольшее количество плоскодонной и круглодонной керамики с резко отогнутой шейкой и грушевидным туловом, а также рецептов с примесью талька (глина+талек+органика; глина+талек+шамот+органика).

Появление керамики, изготовленной из формовочной массы, глина+талек+органика, было связано не просто с поступлением импортной посуды, а происходил постепенный процесс смешения носителей разных гончарных традиций, о чем свидетельствует возникновение смешанных рецептов формовочных масс:

399. Схемы образования сложных рецептов формовочных масс в результате смешения традиций

глина+шамот+тальк+органические добавки (рис. 399). В эти рецепты первоначально (под влиянием контактов) тальк или шамот добавляли в небольшой «символической» концентрации носители разных традиций. Анализ шамота показал, что сначала на него дробились в основном сосуды, изготовленные из формовочной массы: глина+тальк+органика с большой концентрацией талька. Возможно, они были привезены переселенцами или изготовлены из привезенного первоначально сырья (имеется в виду тальк). Не случайно количество сосудов с большой концентрацией талька незначительно, так как в основном они, видимо, после выхода из обращения, пошли на изготовление шамота. Этот факт указывает на преемственность со старыми традициями.

Смешение традиций, как уже отмечалось, фиксируется и в приемах конструирования посуды. Таким образом, наблюдается явный процесс зарождения новых гончарных традиций «смешанного» населения.

Следует отметить, что при визуальном определении примесей у исследователей часто складывается впечатление, что посуда в IV в. до н.э. имеет значительную примесь талька. Это ощущение возникает в результате того, что при составлении рецептов формовочных масс на изготовление шамота шли черепки от сосудов со значительной примесью талька (концентрация 1:2), и происхождение большей части частиц талька связано с шамотом, когда при дроблении частицы талька выпадают из него.

Микроскопическое изучение керамики показало, что, на самом деле, присутствие значительной примеси талька фиксируется в основном в формовочной массе посуды первой половины IV в. до н.э., а также в единичных случаях во II-I вв. до н.э. в Южном Приуралье, когда происходил процесс инфильтрации пришлого населения.

В течение IV-III вв. до н.э. доля концентрации шамота в рецептах глина+тальк+шамот+органические добавки возросла, а талька уменьшилась. В то же время продолжали существовать сосуды, где концентрация талька более значительная, чем шамота.

Результаты технологического анализа керамики второй половины IV-III вв. до н.э. показали, что рецептов (глина+шамот+органические добавки; глина+тальк+шамот+органические добавки), в которых шамот изготовлен из посуды со значительной концентрацией талька, гораздо больше, чем самой посуды, изготовленной по рецепту глина+тальк+органика. Эти факты свидетельствуют о процессах культурной интеграции, то есть о проникновении более или менее массовых инкультурных явлений и возникновении на этой основе устойчивой культурной неоднородности населения. Надежными критериями данного процесса по Ю.Б. Цетлину являются: наличие на памятниках от 10 до 50 % посуды со смешанными приспособительными традициями и частично или полностью смешанными субстратными традициями в технологии, а также смешанными культурными традициями в формах и орнаментах глиняной посуды (Цетлин 1998, с. 59-60). Все эти признаки фиксируются в изученном материале.

Со второй половины или с конца IV в. до н.э. в Южном Приуралье появился и существовал весь III в. до н.э. новый компонент искусственно введенных примесей – дробленая обожженная кость. Однако в Западном Казахстане такая традиция не получила широкого распространения, хотя отдельные экземпляры и встречены в могильниках, например, Западно-Казахстанской области. Носители данной традиции, видимо, участвовали в сложении раннесарматской культуры Южного Приуралья, однако откуда они пришли пока неизвестно. Попав в сарматскую среду, их традиция в изготовлении керамики (глина+кость+навоз) смешалась с местной (глина+шамот+органические добавки). В результате этих контактов позднее возник, а какое-то время, возможно, и сосуществовал смешанный рецепт глина+кость+шамот+органические добавки (органика, навоз), в котором концентрация кости (1:3) значительно преобладала над концентрацией шамота (1:4/5) (рис. 399-400).

Период с конца (второй половины?) IV в. до н.э. по III в. до н.э. характеризуется большим разнообразием в технологии изготовления посуды, что отражает наличие интенсивных процессов смешения различных групп населения в это время.

400. *Керамика ранних кочевников с примесью кости из Южного Приуралья (глина+кость+навоз; глина+кость+шамот+навоз): 1 – Шумаево 2 к. 9 п. 4 с. 2; 2 – Покровка 2 к. 8 п. 5 с. 1; 3 – Мечет-Сай к. 6 п. 4 с. 2; 4 – Шумаево 2 к. 9 п. 14 с. 1; 5 – Благодявка ОК п. 6; 6 – Краснохолм 2 к. 1 п. 3 с. 1; 7 – Чкаловский к. 1 п. 3 с. 1*

Во II-I вв. до н.э. произошло возобладание местных традиций, существующих еще с VI в. до н.э., в составлении формовочных масс (глина+шамот+органические добавки) и в изготовлении плоскодонных форм керамики. Это явилось логическим завершением развития предыдущей формы культурных контактов и свидетельствует об этнокультурной ассимиляции пришлого населения, когда контактирующие группы населения постепенно в ходе их смешения приобретают в гончарных традициях черты преобладающей группы населения (Цетлин 1998, с. 60).

Однако, несмотря на кажущееся внешнее единство, в это время продолжали сосуществовать группы населения, изготавливавшие свою керамику по другим рецептам, которая не отличалась по типам от остальной посуды.

Во II-I вв. до н.э. наряду с наиболее распространенным рецептом ИПС+шамот+органические добавки, пока только в Южном Приуралье, зафиксировано существование рецептов более харак-

терных для IV-III вв. до н.э.: г л и н а + т а л ь к + ш а м о т + о р г а н и к а ; г л и н а + к о с т ь + ш а м о т + н а в о з .

Наличие значительной примеси талька (1:2/3), выявленное в формовочных массах сосудов II-I вв. до н.э., свидетельствует о том, что ни о каком «исчезновении» традиции добавления талька, по крайней мере, на территории Южного Приуралья в это время говорить нельзя.

Вся посуда II-I вв. до н.э., изготовленная из формовочной массы с добавлением талька, была плоскодонной и характеризуется рядом общих технологических особенностей, отличающихся от посуды IV-III вв. до н.э.: 1) гораздо более сильной степенью ожелезненности глины; 2) характерными естественными примесями в глине минералов в виде непрозрачных включений белого цвета или прозрачных друз (Краева 2010а, с. 64).

На основании этих фактов можно предположить, что в это время существовала группа гончаров, у которых была распространена тради-

ция составления формовочных масс по рецепту глина+тальк+органика. Вполне вероятно, что эта группа была связана с Зауральем, где продолжала бытовать тальковая керамика, а характерные примеси в виде обломков горных пород указывают на происхождение глин из горных или предгорных районов.

Посуда II-I вв. до н.э., изготовленная из формовочной массы глина+кость+шамот+навоз, также отличается рядом особенностей от керамики IV-III вв. до н.э., изготовленной из такого рецепта: 1) в качестве исходного пластичного сырья использовалась наряду с ожелезненной «жирной» и неожелезненная «тощая» глина; 2) внешняя поверхность сосудов иногда выкрашивалась красной краской и затем лошилась. Вся эта посуда представлена плоскодонными формами и украшена орнаментами, характерными для сарматской посуды II-I вв. до н.э. (рис. 400, 6-7).

Существование традиции использования примеси кости в Южном Приуралье в период II-I вв. до н.э. может быть объяснено наличием групп населения, продолжающих изготавливать керамику по рецептам глина+кость+шамот+навоз. Однако под влиянием традиций иных групп населения, чья керамика еще не найдена, произошли изменения в представлениях об ИПС и в обработке поверхности. Возможно также, что мы имеем дело с импортом или, в это время произошел приток второй волны переселенцев – носителей традиции примеси кости, которые пришли с уже измененными традициями в обработке поверхности и в представлениях об исходном пластичном сырье.

Таким образом, судя по данным изучения технологии керамики, в культурогенезе ранних кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана принимали участие несколько групп населения из разных регионов. В VI-V вв. до н.э. в сложении кочевых племен участвовало несколько групп населения из разных регионов, в том числе с территории Средней Азии. На протяжении IV-III вв. до н.э. можно выделить несколько волн миграций, под влиянием которых происходили изменения в формах посуды и технологии ее изготовления. В конце V в. до н.э. в среде кочевников Южного

Приуралья из Зауралья произошла инфильтрация инокультурного населения, которое несло с собой собственные традиции в изготовлении круглодонных форм керамики, нехарактерные ранее для местного населения (использование примеси талька, форм-моделей и т.д.). На протяжении второй половины IV в. до н.э. и в III в. до н.э. происходил процесс интеграции местного населения с первой волной «мигрантов», что проявилось в возникновении смешанных технологических навыков в изготовлении посуды и в появлении массы переходных форм керамики. Со второй половины или с конца IV в. до н.э. на территории Южного Приуралья фиксируется приход новой группы населения, несущей традиции изготовления керамики по рецепту глина+кость+навоз, которая также участвовала в сложении раннесарматской культуры. Это проявилось в появлении смешанных рецептов формовочных масс кость+шамот+навоз. Однако эта группа населения, видимо, не попала на территорию Западного Казахстана, что проявилось в незначительном количестве распространения этой примеси.

Во II-I вв. до н.э. наблюдается процесс ассимиляции пришлых групп населения и произошло возобладание местных традиций в изготовлении керамики, то есть наступил процесс относительной культурной однородности общества. Наряду с этим, например, в Южном Приуралье фиксируются группы населения, для которых характерна посуда, по морфологическим особенностям идентичная сарматской, но отличающаяся по технологии изготовления. В частности, в составе ее формовочной массы фиксируется тальк или кость в большой концентрации, что характерно для рецептов первой половины IV в. до н.э. Этот факт может быть объяснен либо существованием групп гончаров в среде сарматов, которые продолжали составлять формовочные массы «по старым рецептам», либо произошла инфильтрация новых групп населения.

Вполне вероятно, что волн миграций инокультурного населения на территорию Южного Приуралья и Западного Казахстана в раннем железном веке могло быть больше, но они не отразились на изменениях в гончарстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значительная роль керамики в составе погребального инвентаря, распространенность определенных форм и орнаментов, а также наличие общих технологических традиций в изготовлении посуды позволяют говорить о существовании собственного гончарного производства у сарматских племен Западного Казахстана.

В связи со спецификой кочевого образа жизни скотоводов гончарство обладало рядом особенностей, которые проявляются в частой смене источников добычи сырья, широком использовании продуктов жизнедеятельности домашних животных в гончарном производстве и в наличии значительного разнообразия трудовых навыков, связанных с большей «открытостью» кочевых обществ к контактам.

Лепная погребальная керамика на сегодняшний день остается наиболее полным источником информации о гончарном производстве ранних кочевников. Благодаря комплексному подходу к анализу керамики, который включает в себя изучение технологии, форм и орнаментации стало возможным проведение всестороннего исследования гончарства этого населения и данная работа лишь начало в публикации результатов исследования.

Выделенная при изучении керамики технологическая информация показала наличие разнообразия в навыках ее изготовления на каждой ступени гончарного производства, что объясняется множественностью ее производителей и изменениями

гончарных традиций с течением времени из-за активных процессов смешения, происходивших в среде ранних кочевников.

Сравнительный анализ технологии изготовления керамики из погребальных памятников Актюбинской области Западного Казахстана и Южного Приуралья с российской стороны выявил наличие как общих черт, так и особенностей. Общие черты являются преобладающими на протяжении всего раннего железного века и говорят о существовании одних археологических культур на данной территории.

В целом, характеризуя гончарство ранних кочевников, следует отметить, что оно находилось на доремесленном уровне развития и имело сложную структуру, которая предусматривает наличие 12 технологических ступеней.

Исследование керамики позволило проследить развитие гончарного производства.

В период VI-V вв. до н.э., который по классической хронологии соотносится с савроматской культурой, у кочевников преобладала плоскодонная посуда. Изготавливаемая в этот период керамика отличалась массивностью и простотой орнаментации, при которой, как правило, тиражировался один элемент орнамента. Особенностью савроматской орнаментации являлось существование орнаментов в виде пиктограмм. В то же время единичные находки сосудов с подобными орнаментами

ми в Южном Приуралье встречаются и в III-II вв. до н.э., но они не так разнообразны.

Савроматские гончары в качестве пластичного сырья использовали в основном глины разной степени ожелезненности и запесоченности. Преобладала традиция применения ожелезненных «тощих» глин, хотя зафиксировано также использование илов, илистой глины и глиняных концентратов. К исходному пластичному сырью добавляли шамот, песок, дресву и органические добавки. Выявлено использование четырех групп рецептов. Наиболее широко был распространен рецепт исходное пластичное сырье+шамот+органические добавки. Конструирование производилось в основном лоскутным налепом и лентами. Начины изготавливались по донно-емкостной и донной программам. Формообразование производилось в основном в процессе скульптурной лепки на плоскости, использовались также формы-модели. Преобладало заглаживание поверхностей пальцами и тканью. Орнаментация наносилась приемами прочерчивания, вдавливания, накалывания, «защипывания». Посуду обжигали в кострищах или примитивных очажных устройствах с использованием смешанного топлива при кратковременном воздействии температур каления.

С IV в. до н.э. произошли коренные изменения в керамическом производстве, которые прослеживаются как в морфологии, так и в технологии. Выросло число типов керамики, появились новые категории посуды: кувшины, блюда, чаши. Увеличилась доля орнаментированной посуды за счет распространения скульптурных орнаментов и усложнения орнаментации. Традиция нанесения знаков-символов на сосуды постепенно затухает, что, вероятно, связано с ростом разнообразия стандартных орнаментов и влиянием орнаментальных традиций, для которых не характерны украшения в виде пиктограмм. Массовой стала традиция изготовления круглодонных форм керамики, нехарактерная для предыдущего периода. Изменилось и оформление

придонной части плоскодонных сосудов, которая теперь не имела резкого угла при переходе от дна к стенке, что было связано с широким распространением форм-моделей при конструировании керамики и с целенаправленным превращением круглодонных сосудов в плоскодонные с помощью приемов выбивания. Раннесарматские гончары, как и савроматские, использовали в качестве пластичного сырья глины разной степени запесоченности и ожелезненности, но преобладающей стала традиция изготовления керамики из ожелезненных «жирных» глин. Некоторые гончары продолжали изготавливать свою посуду из ила, илистой глины и глиняных концентратов. В результате смешения традиций появились сосуды, изготовленные из смеси ила и глины. В раннесарматское время значительно возросло число рецептов формовочных масс.

Преобладающим способом лепки остался лоскутный налеп и донно-емкостная программа конструирования начинов. Увеличилось разнообразие видов «строительных элементов» (лоскуты-лепешки, жгуты, короткие жгуты, ленты, короткие ленты). Распространились приемы формообразования с помощью форм-моделей и сильного выбивания. Появились новые техники орнаментации (пролащивание; вдавливание-протаскивание; вдавливание-накалывание; штампование). В качестве предметов заглаживания стала чаще всего использоваться кожа разной степени выделки, широко распространился такой прием обработки поверхности как лощение. Посуду по-прежнему обжигали в основном в кострищах или примитивных очажных устройствах при кратковременном воздействии температур каления, но появился такой прием химико-термической обработки поверхности как обваривание, в качестве топлива активно начал использоваться сухой навоз.

Сравнительный анализ гончарных производств савроматского и раннесарматского периодов показал, что наряду с их существенными различиями,

278

279

существует между ними и определенное сходство, что связано с преемственностью в развитии гончарства.

В период I в. до н.э.—III в. н.э. наблюдается большая однородность в гончарных традициях. Господствующим рецептом формовочной массы становится глина+шамот+органические добавки. В конструировании преобладает спирально-жгутовой налеп и донно-емкостная программа изготовления начина, значительно вырос процент посуды с плоским дном и выбиванием стенок колотушкой. Распространяются формы-подражания кавказскому импорту. Фиксируется использование гончарного круга или поворотного столика при формообразовании и заглаживании. В то же время наблюдается преемственность в формах и орнаментации с предыдущим хронологическим периодом.

Реконструкция историко-культурных процессов по данным изучения технологии керамики показала, что кочевое общество не было стабильным в своем развитии и на протяжении истории своего существования неоднократно претерпевало изменения, связанные с периодическим включением новых инкультурных групп населения.

Население VI-V вв. до н.э. Южного Приуралья и Западного Казахстана нельзя назвать однородным по своему составу. В его сложении участвовало несколько групп населения. Один из компонентов, видимо, своим происхождением был связан со Средней Азией.

С IV в. до н.э. произошли значительные изменения в составе общества, связанные с инфильтрацией каких-то пришлых групп населения, которые принесли с собой новые формы керамики и свои традиции ее изготовления, что повлияло на развитие местного гончарства. Одним из вероятных регионов, откуда могли придти эти группы, можно назвать Зауралье, где была сильна традиция использования талька в качестве искусственной примеси. В ходе контактов местного населения с этими «пришельцами» возникло смешение традиций в изготовлении керамики.

По результатам технологического анализа можно выделить несколько волн инфильтраций в разные периоды существования раннесарматской культуры, причем это необязательно было одно и то же население из одного региона.

В настоящее время можно достаточно уверенно говорить, судя по керамике, что первая волна инфильтрации приходится на конец V-начало IV в. до н.э. и связана с носителями традиции использования талька при составлении рецептов формовочных масс, вторая волна – на вторую половину (возможно, конец) IV в. до н.э. и связана с носителями традиции использования кости, но наиболее массовой она была в Южное Приуралье и не захватила север Западного Казахстана. Безусловно, таких волн инфильтрации инкультурного населения могло быть намного больше, но они не отразились на изменениях в гончарстве.

Конец IV-III вв. до н.э. можно назвать своеобразным «смутным временем», когда происходят активные процессы перемещения и смешения населения, что проявилось в существовании наибольшего количества как смешанных, так и несмешанных навыков в гончарстве этого периода.

В дальнейшем в II-I вв. до н.э. имел место период относительной стабильности, что по времени совпадает с завершением формирования раннесарматской культуры. По изученным материалам наблюдается ассимиляция пришлых групп населения и возобладание доминантных гончарных традиций местного населения, претерпевшие некоторые изменения за это время.

В итоге можно констатировать, что полученные результаты анализа керамики позволили получить новые важные данные о гончарстве ранних кочевников. Выявлена преемственность культурных традиций населения разных хронологических периодов, а также выделены инновации и признаки появления новых групп населения, которые позволяют конкретизировать представления об этнокультурной истории Западного Казахстана.

ТҮЙІН

Қыш-құмыра өндірісінің пайда болуы отырықшы халықпен тығыз байланысты. Шынында да, отырықшылық қыш құмыра өндірісімен айналысу үшін қолайлырақ, себебі ол үшін су мен шикізаттың болуы, керамиканы кептіру және күйдіру үшін жеткілікті уақыт бір жерде тұру; қолайлы климаттық жағдай сияқты т.б. бірқатар факторлар маңызды болып табылады (Arnold 1985, 119 б).

Дегенмен, әлемде керамика жасайтын отырықшы емес қоғамдар да бар. Д.П. Мёрдоктың «Этнографиялық Атласында» аталған қыш құмыра жасаумен айналысатын 882 қоғамның 103-і отырықшы емес, оның ішінде 15-і көшпелі болып табылады. Д.Е. Арнольдтың пікірінше, көшпелілер көшу кезінде климаты ұзақ уақыт тұруға қолайлы және керамика жасау үшін қажетті ресурстары бар жерлерге қоныстанып отырды (Arnold 1985, p. 120). Осы бағыттағы эксперименттік жұмыстар құмыра өндірісінің барлық кезеңі мүсіндеуден күйдіруге дейін қолайлы климаттық жағдайда 7 күннен 14 күнге дейінгі уақытты алатынын көрсетті.

Археологиялық деректер де көшпелілерде қыш құмыра өндірісінің болғандығын растайды (Мошкова, 1963; 1974; Смирнов, 1964; 1975; Краева, 2008; Краева, 2011 а, 51-60 б).

Батыс Қазақстанның сармат керамикасы жерлеуге арналған заттардың ең үлкен категорияларының бірі болып табылады.

Бір қабірге ерте көшпелілер бірден төрт ыдысқа дейін сыйғызған, бірақ көбінесе бір ғана ыдыс қойылған. Ыдыстардың саны жерленгендердің санына байланысты емес.

Керамика көшпелі халықтың барлық топтарының қабірлерінде кездеседі. Алайда, сармат қоғамындағы элиталардың бай қабірлерінде, әдетте, қымбат, негізінен ағаш тостағандар, қымбат

металдардан жасалған пластинамен қапталған алтын және күміс ыдыстар, көзеші ұршығында жасалған керамика сияқты шеттен әкелінген ыдыстар қойылды (Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, 239-240 б; Соқровица сарматских вождей..., 2008, 25, 29, 90 б, 1, 5, 15 сур.).

Керамикалық ыдыстар барлық жерлеу орындарында қойылмаған, көбінесе әйелдер мен балалардың қабірлеріне қойылды, бірақ жерленген адамның жынысымен өзара қатаң байланыс байқалмайды. Ыдысты қою мен қабір шұңқырының пішіні арасында қандай да бір байланыс табылмады.

Керамиканың орналасқан жерлері обаның үйіндісі, қабірдің ағаш жабыны, сондай-ақ ғұрыптық ас берумен байланысты шұңқыр үймелері мен қабір шұңқырлары болды. Ең көп пайызын қабірге қайтыс болған адамға сый ретінде қойылған ыдыстар құрайды, бұдан жақын туыстарына деген сүйіспеншілік мен қамқорлық байқалады, сондай-ақ олардың қайтыс болғаннан кейінгі өмірі көрініс тапқан (Краева, 2015а, 90-99 б; Сентенс, 2005, 204 б).

Қыш құмыраларды көму рәсімінде ең жиі кездесетін бүтін ыдыстар болып табылады, ал фрагменттер немесе сынған құмыра қалдықтары сирек кездеседі.

Қабірге керамиканы қоюдың белгілі бір стандарттары бар. Ыдыс бастың жанына, аяқтарына, жамбас сүйегіне, қолына қойылды. Көбінесе керамиканы қайтыс болған адамның аяқтарына немесе басының жанына қойды (Краева, 2016а).

Қазіргі уақытта қабірден табылған керамикалар ерте көшпелілердің қыш құмыра өндірісі туралы ақпараттың жалғыз сенімді дереккөзі болып табылады және оңтүстік Орал маңында технологиялық зерттеулер жүргізілген (Краева, 2008; 2010;

2011), ал Батыс Қазақстан аумағы әлі күнге дейін толық зерттелмеген. Сонымен қатар, Ақтөбе, Батыс Қазақстан, Атырау, Маңғыстау облыстары аумағында қызықты әрі бай ғылыми деректер берген жүздеген археологиялық ескерткіштер зерттелді (Китов, Мамедов, 2014, 9-45 б).

2013-2017 жылдар аралығында автор Батыс Қазақстанның ерте темір дәуірінің керамикасына кең ауқымды зерттеу жүргізді.

Зерттеу кешені мыналарды қамтыды: 1) керамиканы техникалық және технологиялық зерттеу; 2) бүтін ыдыстар мен жасалған керамика фрагменттерін суретке түсіру; 3) ыдыстарды жасаумен байланысты белгілерге макро фототүсірім жасау (ою-өрнектер, беттерді өңдеу және құрылымын жасау әдістері, бастапқы иілімді шикізаттың ерекшеліктері, қалыптық қоспа және т.б.) 4) керамиканың метрлік өлшемдері 5) тұрақты зертханалық жағдайда ары қарай зерттеу үшін керамиканың үлгілерін іріктеп, таңдап алу.

Зерттеу А.А. Бобринский әзірлеген ежелгі қыш құмыра жасау өндірісін зерттеуге бағытталған тарихи-мәдени тәсіл шеңберінде жүргізілді (Бобринский, 1978; 1999). Қазіргі кезде Ресейде осындай тәсілмен жұмыс істейтін ғылыми мектеп құрылды. Тарихи-мәдени тәсіл жүйелі айқындау, есепке алу және нақты еңбек дағдыларын зерттеуді көздейді, оның көмегімен керамика жасалады. Әдістеме трасология, бинокулярлық микроскопия және физикалық модельдеуге негізделген.

Зерттеудің мақсаты Батыс Қазақстанның сармат тайпаларының қыш құмыра өндірісіндегі мәдени дәстүрлерді қалпына келтіру болды. Зерттеу нысаны ретінде белгілі бір еңбек дағдыларында қыштан құмыра жасаушының қолданысынан көрінетін ыдыстардағы технологиялық белгілер алынды.

Мақсатқа жету үшін келесі міндеттер қойылды: 1) ерте көшпелілердің мүсіндеп жасалған

керамикалық ыдыстарын жасау технологиясы туралы бастапқы мәліметтерді айқындау; 2) қыш құмыра өндірісінің барлық сатысы бойынша еңбек дағдысы мен мәдени дәстүрлерді қалпына келтіру; 3) Батыс Қазақстан ерте көшпелілерінің қыш құмыра өндірісінің мәдени дәстүрлерін айқындау; 4) Керамиканы талдау барысында алынған барлық деректерді қорыту негізінде Батыс Қазақстанның ерте темір дәуіріндегі тарихи-мәдени процестерді қайта қалпына келтіру.

Техникалық және технологиялық ақпараттарды тарихи ақпаратқа ауыстыру А.А. Бобринский анықтаған қыш-құмыра өндірісінің даму заңдылықтарына негізделді (1978; 1999).

Анықталған технологиялық ақпаратты нақтылау үшін Орынбор мемлекеттік педагогикалық университеті (Орынбор қ.) мен Волга аймағы (Самара қ.) тарих және археология институтының археологиялық зертханаларында сақталған өлшемді археологиялық үлгілерге салыстыру жұмыстары жүргізілді.

Сармат керамикасын жасау процесімен байланысты кейбір жұмыс тәсілдерін түсіну үшін физикалық модельдеу түріндегі ғылыми тәжірибе қолданылды.

Технологиялық талдау үшін таңдап алынған керамика үлгілері олардың сақталуына қарай әртүрлі ақпараттық мүмкіндіктерге ие, сондықтан толық ақпарат құмыра жасау технологиясының барлық сатылары бойынша алынбады. Ыдыстардың көпшілігі тұтас пішінді немесе гипстелген болып табылады, сондықтан құрылымын жасау, кейде бетін өңдеу әдістерін зерттеу мүмкіндігі шектеулі. Өкінішке орай, алынған көптеген материалдардың жасалу кешені бойынша нақты ерекшеліктері жоқ, сондықтан олар ғылыми айналымға енбеді.

Зерттеу нәтижесінде Ақтөбе, Батыс Қазақстан, Атырау, Маңғыстау облыстарының ж.с.д.VI ғ. – ж.с.

282

283

III ғ. жататын сармат ескерткіштерінен 1000-нан астам керамикалық ыдыстар зерттелді. Негізінен керамика жерлеу кешендерінен, сондай-ақ ғибадатханалар мен уақытша тұрақтардан табылды.

Керамикалық материалдардың көптігі мен алуан түрлілігіне байланысты бұл кітапта 1970 жылдан 2016 жылға дейін қазылған Ақтөбе облысы аумағындағы 41 қабірден табылған 225 ыдыстың жасалу технологиясын зерттеу нәтижелері баяндалады. Ғұрыптық ыдыстар туралы тарауды жазу үшін Батыс Қазақстан облысының 11 қорымынан табылған 14 бөлмеге хош иісті түтін шығаратын ыдысқа талдау жүргізілді. Керамика Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейінің, Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университетінің, Батыс Қазақстан облыстық тарихи-өлкетану музейінің және «Батыс Қазақстан облыстық тарих және археология орталығы» МКҚК қорларында сақтаулы.

Салыстыру үшін Ресей жағындағы Оңтүстік Орал маңының ерте темір дәуірінің материалдарын зерттеу кезінде автор тапқан технологиялық талдау деректері пайдаланылды.

Зерттеу нәтижесінде қыш құмыра дәстүрлері қалпына келтірілді және Батыс Қазақстандағы ерте көшпелілердің қыш құмыра өндірісінің ерекшеліктері қарастырылды; қыш құмыра дәстүрінің жергілікті географиялық ерекшеліктері анықталды; керамиканы зерттеу барысында алынған барлық мәліметтерді жинақтау негізінде ерте темір дәуіріндегі аймақтың тарихи-мәдени процестері қайта қалпына келтірілді; Батыс Қазақстанның ерте көшпелілерінің ыдысты тұрмыстық және әдет-ғұрыптық мақсатта пайдалану белгілері анықталды, ерекше назар әртүрлі хош иісті түтін шығаратын ыдыстардың жасалу технологиясына және оларды пайдалану жолдарына аударылды.

Сармат тайпаларының қыш құмыра өндірісі дамудың қолөнерге дейінгі деңгейінде болды

және 12 технологиялық сатының болуын назарда ұстайтын күрделі құрылымға ие болды.

Көшпелі өмір салты сармат қыш құмыра өндірісінің ерекшелігіне айтарлықтай әсер етті. Қыштан құмыра жасаушыларда бір ғана саз шығатын жерге деген қатаң тәуелділік болған жоқ, себебі шикізат өндіру көздерінің бірнеше түрі болған. Бастапқы иілімді шикізат қалыпқа келмей тұрып арнайы өңдеуге ұшырамаған, тіпті кейде өте қатты қоспалардан тазаланбаған. Жалпы қыш құмыра дәстүрі жағдайында, құмыра өндірісінің барлық сатыларында ыдыс жасаудың түрлі әдістері болды. Құмыра өндірісінде көң, жүн, сүйек, тері, қой терісі сияқты мал шаруашылығы өнімдері белсенді қолданылды. Ыдыстардың арасында хош иісті түтін шығаратын арнайы ыдыс сияқты керамиканың ерекше түрлері, желін және құты тәрізді ыдыстар, сондай-ақ отырықшы орталықтардың жекелеген технологиялық әдістері мен кейбір пішіндеріне ұқсатып жасалған түрлері де кездеседі (Орта Азия, Кавказ) (Краева 2011в, 116-120 б; 2016а. 97-106 б).

Керамиканы жан-жақты зерттеу хош иісті түтін шығаратын ыдыстардың кейбір түрлерінің атқаратын міндеттері туралы дәлелді болжамдар жасауға мүмкіндік берді. Бір бүйірінде тесігі бар ыдыстар келесідей мақсаттарда қолданылған болуы мүмкін: 1) пілтелі шам; 2) ішінде зат жағылатын шам; 3) затты өртеу кезінде оттегі өтпейтін немесе оттегі сырттан тұрақты кіріп тұратын ыдыстар. Тесік пілтені қозғауға немесе тұтқа-таяқшаны бекітуге қызмет етуі мүмкін. Ыдыстардың көпшілігінде тесік жоғарғы бөлігінде орналасқандықтан, оны оттегі өткізгіш ретінде, сондай-ақ ауаны немесе түтінді үрлеу үшін қолдана алмады. VIII үлгісіндегі (аударылған ыдыстар) ыдыстарда тостаған мен тұғырық дербес ыдыс ретінде қолданылды, олар әртүрлі заттарға (сұйық немесе құрғақ) пайдаланылды. Желін тәрізді ыдыстар хош иісті түтін шығаратын ыдыс (күлсалғыш) ретінде қызмет етті және тәжірибелер көрсеткендей олар аяқтары

жоғары қарап, аударылған күйінде қолданылды. Технологиялық талдау хош иісті түтін шығаратын арнайы ыдыстардың жекелеген түрлерінің жасалуында көне дағдылардың болғандығын анықтауға мүмкіндік берді (құрамалы екі бөлікті етіп жасау, шамот және көңмен жасау, пішінін келтіру кезінде тек саусақпен тегістеу), сондай-ақ технологиялық әдістерді қолдану арқылы желін тәрізді ыдыс түрлерімен өзара байланыс орнатты (Краева, 2016а, 97-106 б; 2016б, 113-121 б; 2016в, 176-180 б; 2016г, 48-55 б).

Қабірлерге жерлеу рәсімі үшін арнайы жасалған ыдыстар да, күнделікті өмірде қолданылған ыдыстар да қойылған (Краева, 2015а, 90-99 б).

Автор зерттеу және тәжірибелік жұмыстар негізінде керамикалық ыдыстардың тұрмыстық және ғұрыптық мақсатта пайдаланылу белгілерін анықтады.

Жерлеу рәсіміне арналған сармат керамикасының арнайы жасалу белгілеріне тазаланбаған бастапқы иілімді шикізатты қатты табиғи қоспалармен бірге қолдану; жасанды жолмен жасалған қоспа бөлшектерінің әрқелкі таралуынан пайда болған сапасыз қоспа; пішінін жасаудағы немқұрайлылық; күйдіру кезінде 450° С-тан төмен температурада қысқа мерзімді әсер ету; ыдыс қабырғасында күйенің болмауы және жамау іздерінің болмауы жатқызылады.

Аталған белгілердің әрқайсысы жеке-жеке қабірге қойғанға дейін күнделікті тұрмыста ыдыстың қолданылмағандығына орынды дәлел бола алмайтынын атап өткен жөн. Бұл болжамды барынша сенімді ету үшін белгілердің бір-біріне сай келуін ескеру қажет.

Ыдыстарды тұрмыстық пайдаланудың жанама белгілеріне ыдыстың ішкі және сыртқы қабырғаларында күйенің болуы; майлы дақтар мен аққан сұйықтық іздері; жөндеуден қалған іздер; ішке қарай айналдырылған ернеуі бар керамиканың ескі кетіктері (сынған құлағы, ыдыстың ернеуі т.б.);

сызат іздері, тұрмыстық тазалау; ыдыстың беткі қабаттарының түсінің өзгеруі және сынықтар жатады. Алайда, зерттеушілер осы белгілерге бір мәнді анықтама беруге өте абай болу керек.

Тұрмыстық пайдалану белгілерінің болуы немесе болмауы ыдыстың түріне байланысты болмады. Қабірге қойылған сармат керамикасының арасында «ас үй» мен «асхана» ыдыстарын ажырату қиын. Өзіндік пішіні бар ыдыстардың атқаратын міндетін хош иісті түтін шығаратын ыдыстардың кейбір түрлерімен, биік мойыны мен тұтқасы бар құмыралармен, ернеуіне су құятын ыдыстармен, түтік тәрізді су құятын шүмегі бар ыдыстармен неғұрлым байланыстыруға болады. Егер хош иісті түтін шығаратын ыдыстар шөптерді немесе басқа да заттарды өртеу үшін пайдаланылса, аталған қалған ыдыс түрлерінің мақсаты сұйықтық құюмен және сақтаумен байланысты.

Түтік тәрізді су құятын шүмегі бар ыдыстарды модельдеу бойынша жүргізілген эксперименттік жұмыстар сұйықтық оның деңгейіне жетпеген жағдайда, яғни ыдыстың 2/3 бөлігі ғана сумен толтырылған кезде, сұйықтық шүмектен төгілмегендігін көрсетті. Ыдысты төгілмейтіндей етіп толтыру тек шүмектің ұзындығын айтарлықтай ұлғайтқан жағдайда немесе оны тығынмен қаттылап бітеген жағдайда мүмкін болды. Екінші жағдайда, шүмектен тығынды алып тастаған кезде сұйықтық ыдыстың қабырғаларынан ағып, төгіле бастады.

Түтік тәрізді су құятын шүмектің тесігі ұзын ағаш тұтқаның бекіткіш қызметін атқарғаны туралы болжам сын көтермейді. Шынында да, тесікке тығыз орнатылған осындай тұтқаны пайдаланып, оттағы тамақты пісіру кезінде ыдысты жылжыту мүмкін болды, бірақ бұл типтегі керамикада, әдетте, күйе болмайды, ал олардың үлкендігі еркін манипуляцияны болдырмайды. Қабірлерде мұндай ыдыстар тығынсыз табылды, түтік тәрізді шүмектердің ішіндегі ағаш іздері де кездеспеді. Мұндай типтегі

ыдыстар сұйықтықты сақтау және құю үшін пайдаланылған болуы мүмкін.

Жалпы Батыс Қазақстан сарматтарының құмыра өндірісі бүкіл Оңтүстік Орал маңының құмыра өндірісімен ұқсас. Оларға келесі ерекшеліктер тән:

1) Бастапқы иілімді шикізат (БИШ) туралы әртүрлі түсініктердің таралуы. Халықтың кейбір топтары судың жанындағы немесе су көздерінен шығып жатқан лай балшықты пайдаланса да, бастапқы иілімді шикізат ретінде негізінен сазды қолдану.

2) Сазды таңдау дәстүрінің әртектілігі. Керамиканы жасауда құрамындағы құмның мөлшері мен қаттылығы әртүрлі дәрежедегі сазды пайдалану. Қатты сазды қолдану дәстүрінің басымдылығы. Саз бен лай балшықтың және қатты және қатты емес саз қоспаларының саз концентраттарын пайдалану дағдыларын меңгеру. Көптеген көздерден шикізаттар шығару және бір ғана саз шығатын жерге қатаң тәуелділіктің болмауы.

3) Қалыптық қоспалардың әр түрлі жасау жолдарын қолдану, ж.с.д. IV ғ. бастап жасалу жолдарының әртүрлілігін дамыту. Жасанды қоспа ретінде шамот, тальк, гранит-гнейс немесе құмды ұсақ тастарды, құм мен органикалық қоспаларды қолдану. БИШ + шамот + органикалық қоспа арқылы қалыптық қоспа жасау дәстүрінің басым болуы.

4) Негізгі екі бағдарлама бойынша бастапқы құрылымын жасау: түпкі және түпкі-сыйымды. Құрамалы мүсіндеудің құрастырудың негізгі тәсілі ретінде таралуы. Құрамалы, шиыршық тәрізді және тұтас жасалған бастапқы бөліктердің болуы. Тегіс бетін құрау, лента, шиыршықтар арқылы жасау.

5) Ыдыстың сыртқы пішінін саусақпен сығымдау, тоқпақпен түйгіштеу, қалыптың көмегімен жазық бетте мүсіндеу арқылы қалыптастыру. Жазық бетте мүсіндеу арқылы ыдыс жасау дәстүрінің басым болуы. Тоқпақпен түйгіштеу сыртқы

пішінді қалыптастырудың қосалқы тәсілі ретінде қолданылды.

6) Ыдыс бетінің негізінен саусақпен жай тегістеу арқылы, өңдеудің әртүрлі деңгейіндегі тері, мата және қатты заттармен өңделуі. Саусақпен тегістеу әдісінің басым болуы.

7) Ыдыстарды негізінен отта немесе қарапайым ошақтарда қыздыру температурасының қысқа мерзімді әсері арқылы термиялық өңдеу.

8) Графикалық ою-өрнектер әдетте сызу, басып енгізу, қалыптау, түйреу техникасында қолданылды. Мүсіндік ою-өрнектер басып енгізу, ою, жабыстыру әдістері арқылы жасалды.

9) Дөңгелек түпті ыдыстардың пайда болуы және керамика түрлерінің әртүрлілігінің өсуі әсіресе ерте сармат дәуіріне тән.

10) Керамиканың барлық түрлерінің, оның ішінде сирек кездесетін (желін пішіндегі ыдыстар) түрлерінің болуы.

Батыс Қазақстанның, қарастырылып отырған аумақтың (Ақтөбе облысы) ерте көшпелілерінің құмыра өндірісінің ерекшеліктері: 1) сүйек қосылған керамиканың аздығы; 2) беткі бетін өңдеу және пішіндеу мақсатында керамиканың төменгі бөлігінің жонылған болуы; 3) ағаштың (шырша) суретін сызу арқылы ерекше әшекейлеу; 4) бүршік тәрізді мүсіндік ою-өрнектердің таралуы; 5) саусақтың ұшы арқылы салынған бедерлі оюдың болуы; 6) ыдысты жасау кезінде түскен тырнақтың кездейсоқ басылған іздері бар ыдыстардың көптеп кездесуі; 7) ыдыстың қабырғаларын жасау кезінде қысқа немесе ұзын ленталардан екі бөлікті ерекше етіп жасау (Краева, 2008; Краева, 2016а).

Керамика технологиясын зерттеу мәліметтері бойынша Оңтүстік Орал маңы мен Батыс Қазақстанның ерте көшпелілер мәдениетінің пайда болуына әртүрлі өңірлердің бірнеше халықтар тобының қатысы болды. Ж.с.д. VI-V ғғ. көшпелі тайпалардың бірігуіне түрлі өңірлерден, соның

ішінде Орта Азия аумағынан келген бірнеше халықтар тобы қатысты. Ж.с.д. IV-III ғғ. бірнеше көші-қон толқынын атауға болады, олардың әсерінен ыдыстардың түрлері мен оны жасау технологиясы өзгеріске ұшыраған. Ж.с.д. IV ғ. басында Орал сыртынан бастап Батыс Қазақстанның солтүстік бөлігі мен Оңтүстік Орал маңының көшпелілері ортасында басқа мәдениет халықтарының шоғырлануы орын алды, бұл жергілікті халыққа тән емес дөңгелек түпті керамика түрлерінің жасалуында өзіндік дәстүрлерге ие болды (тальк қоспасын қолдану т.б.). Ж.с.д. IV ғ. екінші жартысы мен ж.с.д. III ғ. жергілікті халықты мигранттардың бірінші тобымен біріктіру процесі пайда болды, бұл құмыра өндірісінде аралас технологиялық дағдылардың және керамиканың ауыспалы түрлерінің пайда болуынан көрінеді. Ж.с.д. IV ғ. екінші жартысынан немесе соңынан бастап Оңтүстік Орал маңы аумағында керамиканың саз + сүйек + көң қосындылары арқылы жасау дәстүрін ала келген халықтың жаңа тобы пайда болды, олар ерте сармат мәдениетінің қалыптасуына да қатысты. Бұл сүйек + шамот + көң аралас қоспаның пайда болуынан көрінеді. Дегенмен, бұл адамдар тобы Батыс Қазақстан аумағына келмеген сияқты, оны бұл қоспаның аз мөлшерде таралуынан аңғаруға болады. Ж.с.д. II-I ғғ. халықтың сырттан келген топтарының ассимиляция процесі және керамика өндірісінде жергілікті дәстүрлердің басымдылығы орын алды, яғни қоғамның салыстырмалы мәдени біртектілік процесі басталды. Сонымен қатар, Оңтүстік Орал маңында ыдыстары морфологиялық ерекшеліктері бойынша сарматтармен бірдей, бірақ жасалу технологиясы жағынан өзгеше болып келетін халықтар топтары кездеседі. Сондай-ақ, оның құрамында жоғары концентрациядағы тальк немесе сүйек бар, бұл ж.с.д. IV ғ. бірінші жартысының жасалу ерекшеліктеріне тән. Бұл факті сарматтық ортада қоспаны ескі рецепт бой-

ынша жасайтын құмыра жасаушылар топтарының болуымен немесе халықтардың жаңа топтарының инфильтрациясының пайда болуымен түсіндіруге болады.

Әлбетте, ерте темір дәуіріндегі Оңтүстік Орал маңы мен Батыс Қазақстан аумағында басқа мәдениет халықтарының қоныс аударуы көп болды, бірақ олар құмыра өндірісіндегі өзгерістерге әсер еткен жоқ.

Нәтижесінде керамиканы талдаудан алынған нәтижелер ерте көшпелілердің құмыра өндірісі туралы жаңа маңызды мәліметтер алуға мүмкіндік берді деп айтуға болады. Әр түрлі хронологиялық кезеңдерде халықтың мәдени дәстүрлерінің сабақтастығы, сондай-ақ Батыс Қазақстанның этномәдени тарихы туралы түсініктерді нақтылауға мүмкіндік беретін жаңа халық топтарының пайда болу белгілері мен инновациялары анықталды.

Керамикалық коллекциялармен жұмыс істеуде баға жетпес көмек көрсеткен Батыс Қазақстанның ЖОО, ғылыми орталықтары мен музейлерінің барлық қызметкерлеріне және А.Оңғарұлы, А.Е. Астафьев, С.Ю. Гуцалов, А.А. Бисембаев, М.Н. Дүйсенғали, Т.Қ. Жұмалиева, Н.А. Кульбаев, Я.А. Лукпанова, А.М. Мамедов, Д.В. Марыксин, М.К. Мырзағалиева, К.А. Раимова, Г.З. Салихова, З. Самашев, М.Н. Сыдықов, Б.Б. Сүйеғалиева, В.В. Ткачев, А. Тұрарұлы, М.А. Өтесінов, Р. Е. Харипова, О.А. Шинкарьға алғыс білдіремін.

Керамиканы зерттеуге арқау болған ұстаздарым А.А. Бобринский, Н.П. Салугин, И.Н. Васильев және Ю.Б. Цетлинге алғыс айтамын. Әсіресе, қолдау білдіргені үшін Марина Глебовна Мошковаға ерекше алғыс білдіремін.

SUMMARY

The origin and existence of pottery traditionally associated with sedentary peoples. Indeed, the settled way is more favorable for pottery, as for him a number of factors are important: availability of water and raw materials; sufficient time to stay in one place to dry and burn ceramics; favorable climatic conditions and etc. (Arnold, 1985, p. 119).

However, in the world there are also non-settled societies that make ceramics. In the "Ethnographic Atlas" in D.P. Merdoch of the listed 882 societies engaged in pottery, 103 were non-settled, including 15 nomadic. In the opinion of D.E. Arnold, the nomads could build their migrations in such a way as to be long enough in a favorable climate and about the necessary resources for making ceramics (Arnold 1985, p. 120). Experimental work in this direction shows that the entire cycle of the production of dishes from modeling to baking under favorable climatic conditions does not take much time: from 7 to 14 days.

The data of archeology also confirm the possibility of pottery for nomads (Мошкова, 1963; 1974; Смирнов, 1964; 1975; Краева, 2008; Краева, 2011 а, pp. 51-60).

The Sarmatian ceramics of Western Kazakhstan is one of the most massive categories of funeral implements.

In one burial the early nomads placed from one to four vessels, but usually only one vessel was put. The number of vessels did not depend on the number of buried.

Ceramics are found in the burials of all strata of the nomadic population. However, in the rich burials of the elite of the Sarmatian society, as a rule, they put more expensive, mainly imported dishes: wooden bowls, plates bounded with precious metals, gold and silver vessels, pottery made on a potter's wheel (Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, pp. 239-240; Сокровища сарматских вождей..., 2008, p. 25, 29, 90, figure 1, 5, 15).

Ceramic vessels were placed not in each burial, most often they were placed in the burials of women and children, but there is no rigid relationship with the sex of the buried person. No connection was found

between the placement of dishes and the shape of the grave pit.

There are known the locations of ceramics in the embankment of the mound, on the wooden overlap of the grave, as well as in the burial of the ditch or grave pit, which is associated with the ritual feeding of spirits and foxes. The greatest percentage is the dishes placed in burials as an offering to the deceased, in which love and care for loved ones, in particular, about their life after death, were manifested (Краева, 2015а, p. 90-99; Сентенс, 2005, p. 204).

The most common is the placement of whole vessels, less often fragments or broken pots during the funeral ceremony.

There is a certain standard for the location of ceramics in the burial. The dishes were put: behind the head, at the feet, at the pelvis, at the hand. Most often placed ceramics in the legs or behind the head of the deceased (Краева, 2016а).

Currently, funerary ceramics is the only reliable source of information on the pottery production of early nomads and, if technological studies have already been carried out in the South Urals (Краева, 2008; 2010; 2011), the territory of Western Kazakhstan is still a white spot in terms of study. Meanwhile, hundreds of archaeological sites have been studied on the territory of Aktyubinsk, West Kazakhstan, Atyrau, Mangistau regions, which gave an interesting and rich scientific material (Китов, Мамедов, 2014, pp. 9-45).

From 2013 to 2017 the author conducted a large-scale study of ceramics of the early Iron Age of Western Kazakhstan.

The research complex included: 1) technical and technological study of ceramics; 2) photographing whole vessels and fragments of molded ceramics; 3) macrophotography of traces associated with the manufacture of vessels (ornaments, methods of constructing and processing the surface, features of the original plastic raw materials, molding mass and etc.); 4) metric measurements of ceramics; 5) selection of ceramics for further study in stationary laboratory conditions. The research was carried out within the framework of the historical and cultural approach to the

study of ancient pottery, developed by A.A. Bobrinsky (Бобринский, 1978; 1999). By now, a scientific school has been established in Russia, working within the framework of this approach. The historical and cultural approach provides for the systematic identification, recording and study of specific skills of labor, with the help of which ceramics were made. The technique is based on tracology, binocular microscopy and physical modeling.

The goal of the research work was the reconstruction of cultural traditions in the pottery of the Sarmatian tribes of Western Kazakhstan. As objects of research, technological vestiges were used to indicate the use of certain skills of labor by potters.

To achieve the goal, the following tasks were consistently solved: 1) highlighting the initial information on the technology of manufacturing molded ceramic dishes of early nomads; 2) reconstruction of skills of work and cultural traditions in all stages of pottery production; 3) highlighting the cultural traditions of pottery production from the early nomads of Western Kazakhstan; 4) reconstruction of historical and cultural processes in Western Kazakhstan in the early Iron Age on the basis of generalization of all the data obtained on the analysis of ceramics.

The transfer of technical and technological information into historical information was based on the patterns of development of pottery produced by A.A. Bobrinsky (1978; 1999). To clarify the technological information, the archaeological samples were compared with the standards stored in archaeological laboratories of the Orenburg State Pedagogical University (Orenburg) and the Institute of History and Archaeology of the Volga Region (Samara).

To understand some of the working methods associated with the process of making Sarmatian ceramics, an experiment in the form of physical modeling was used.

Samples of ceramics selected for technological analysis have various informative possibilities because of their safety, therefore, not all stages of pottery technology received complete information. Most of the vessels are whole shapes or gypsum, so the possibility

of studying methods of constructing, and sometimes surface treatment, is limited. Unfortunately, also many received materials do not have clear attributes on complexes of origin, therefore they were not included in the publication.

As a result of the study, more than 1000 ceramic vessels of the VI century BC III century AD were studied from the Sarmatian monuments of Aktobe, West Kazakhstan, Atyrau, Mangistau regions. Basically, ceramics originate from funerary complexes, as well as from sanctuaries and temporary camp sites.

In connection with the abundance and variety of ceramic material, this book presents the results of studying the technology of manufacturing 225 vessels from 41 cemeteries from the territory of the Aktobe region, excavated from 1970 to 2016. To write the chapter on sacred vessels, analysis of 14 "incense burners" from 11 necropolises of the West Kazakhstan region was also involved. The pottery is kept in the funds of the Aktyubinsk Museum of Local History, Aktobe State Pedagogical University, Aktobe State University, West Kazakhstan Regional Museum of Local History and SPUE for West Kazakhstan Regional Center of History and Archaeology.

As a comparison, the data of the technological analysis obtained by the author in studying the materials of the early Iron Age of the Southern Urals from the Russian side were used.

As a result of the research, the pottery traditions were reconstructed and the specifics of the pottery production of the early nomads of Western Kazakhstan were considered; local geographic features of pottery traditions are distinguished; The historical and cultural processes of the region in the early Iron Age were reconstructed on the basis of generalization of all the data obtained on the study of ceramics; signs of household and sacred use of dishes by early nomads of Western Kazakhstan were singled out, special attention was paid to the technology of manufacturing different types of "censers" and the ways of their exploitation.

The pottery of the Sarmatian tribes was at a pre-ripe level of development and had a complex structure

288

289

290

that envisages the presence of 12 technological steps.

Nomadic way of life had a significant influence on the specificity of the Sarmatian pottery. The potters did not have a strong attachment to one clay, which is fixed by the variety of sources of raw materials. The initial plastic raw material before the molding was not subjected to special treatment and was not even cleaned sometimes from very coarse impurities. There was a variety of techniques for making utensils at all stages of pottery production in the presence of common pottery traditions. In pottery production, cattle breeding products were actively used: manure, wool, bone, leather, sheepskin. Among the dishes there were such special forms of ceramics as censers, vessels in the form of udders and flasks, as well as imitation of certain forms and separate technological methods from sedentary centers (Central Asia, the Caucasus) (Краева 2011b, pp. 116-120; 2016a. pp. 97-106).

Comprehensive study of ceramics allowed to make more reasoned assumptions about the functional purpose of some types of «censers». Probably, the syringes with one side opening could be used as: 1) a lamp with a wick; 2) the lamp when the substance was burned inside; 3) censer, provided that it is possible to burn the substance without access to oxygen or with a stick. Since most of the capillaries hole was located at the top, it can not be used for access of oxygen, and as a source for injecting either blowing air or smoke. In «censer» VIII type (vessels-shifters) cup and the tray have been used as stand-alone vessel in which actions were performed with different substances (liquid or dry). Vessels in the shape of the udder were «incense burners» and as shown by a series of experiments worked in an inverted «legs» up state. Technological analysis made it possible to single out the existence of archaic skills in the manufacture of certain types of «incense burners» (patchwork two-layer nap, recipes with chamotte and manure, no knocking out during shaping, smoothing with fingers), and also established the relationship between the use of technological techniques and the shape of vessels in the form of udders (Краева, 2016a, pp. 97-106; 2016b, pp. 113-

121; 2016b, pp. 176-180; 2016r, pp. 48-55).

In the graves were placed dishes made specifically for the funeral ceremony, and used in everyday life (Краева, 2015a, pp. 90-99).

The author, on the basis of observations and experimental works, identified signs of household and sacred use of ceramic dishes.

The signs of the special manufacture of Sarmatian ceramics for the ritual of burial include: the use of raw plastic raw materials with coarse natural impurities; poor quality impurity of the molding mass, manifested in the uneven distribution of particles of artificially introduced impurities; negligence in the manufacture of the form; short-term exposure to temperatures below 450° C during firing; absence of deposit on the walls of the vessel; absence of traces of repair.

It should be noted that each of the listed characteristics separately is not a weighty argument in favor of the proof of the non-use of the vessel in everyday life before being placed in the grave. It is necessary to take into account the combination of characteristics in order to make this assumption more reasonable.

Indirect signs of everyday use include the dishes: the presence of carbon deposits on the inner and outer walls of the vessels; Fat stains and traces of streaks from escaped liquid food; traces of repair; old chips of ceramics with the rolled up edges (the beaten off handles, edges of vessels and etc.); traces of rubbing, household polishing; color changes in the surfaces of the vessel and layers of the broken crock. However, researchers need to be extremely cautious with an unambiguous interpretation of these characteristics.

The presence or absence of signs of household use did not depend on the type of vessel. Select «kitchen» and «dining room» dishes among the Sarmatian ceramics placed in burials, it seems difficult. More clearly connect the functionality of the vessel with the shape can be with certain types of censers, jugs with a high neck and handle, vessels with a drain on the edge, pots with a tubular spout-drain. If the incense burners were used to burn grasses or other substances, the purpose of the remaining types of

vessels is associated with storage and bottling of the liquid.

The experimental work on the modeling of a vessel with a tubular spout-drain on the shoulder showed that the liquid does not pour out of the spout if it does not reach its level, that is, when the vessel is filled with 2/3. Fill the vessel completely without pouring out was possible provided that the length of the spout is significantly increased or the plug is tightly sealed with a stopper. In the latter case, when removing the cork from the spout, the liquid began to pour out of the vessel and flow down the walls.

The assumption that the opening of the tubular spout can serve to fasten a long wooden handle does not stand up to criticism. Indeed, using such a handle, densely inserted in the hole, the vessel could be moved while cooking on the fire, but in ceramics of this type, as a rule, there is no deposit, and their bulkyness prevents free manipulation. In burials such vessels are found without stoppers, traces of a tree inside tubular spouts are also never found. Most likely, the vessels of this type served precisely for the storage and bottling of liquid.

In general, the pottery production of the Sarmatians of Western Kazakhstan is similar to the pottery production of the entire Southern Urals. The following features are typical for him:

1) Distribution of different ideas about the initial plastic raw material (IPRM). The use of mainly clay as IPRM, although some populations used silt that was produced near or in the water bodies.

2) Heterogeneity of clay selection traditions. Use in the manufacture of ceramics clays of varying degrees of finesse and ferruginous. The predominance of the tradition of using ferruginous clays. The existence of the skills of using clay concentrates from mixtures of ferruginous and non-ferruginous clays, as well as mixtures of clay and silt. Extraction of raw materials from numerous sources and the absence of a rigid attachment to the same clay.

3) The use of various recipes of molding masses, the increase in the variety of recipes from the IV century BC. Use as artificial additives chamotte, talc,

granite-gneiss or sandstone grits, sand and organic additives. The predominance of the tradition of making a molding mass under the recipe of ips + chamotte + organic additives.

4) Designing the filling of the main two programs: bottom and bottom-capacitive, with the predominance of the latter. The spread of patchwork as a basic design technique. The existence of compound stuffs, made by patchwork or spiral-flagellate naleps, and monolithic. Making a hollow body with the help of rags, ribbons, harnesses.

5) Shaping the dishes by squeezing them out with your fingers, knocking out with a beater, using shape models and sculpting on the plane. The predominance of the tradition of making dishes with sculpted modeling on the plane. Knockout as an auxiliary method of shaping.

6) The surface treatment of the dishes is basically simple smoothing with the help of the potter's fingers, cloth, leather of varying degrees of hardness, hard object. The predominance of smoothing the potter's fingers.

7) Heat treatment of dishes mainly through short-term exposure to temperatures of incineration in fireplaces or primitive focal devices.

8) The graphic ornaments were usually applied in the technique of drawing, pressing, stamping, puncturing-depressing. Sculptural ornaments - in the techniques of pressing-dragging, squeezing and stitching.

9) The appearance of round-bottomed vessels and the growth of a variety of forms of ceramics, especially in the early Sarmatian times.

10) The presence of common forms of ceramics, including rare ones (vessels in the form of an udder).

The peculiarities of the pottery production of the early nomads of Western Kazakhstan, the considered territory (Aktobe region), include: 1) a small fraction of pottery with a dash of bone; 2) the presence of the curling of the lower part of the ceramic as a method of surface treatment and shaping; 3) special ornamentation in the form of drawn images of trees (spruce); 4) the spread of sculptural ornament in the

291

form of «knobs»; 5) presence of a relief ornament, applied by a small pillow of a finger; 6) the presence of a significant number of dishes with random prints of nail plates made during its manufacture; 7) the existence of a special double-layer nalepa from short or long bands when constructing the walls of the vessel (Kpaeba, 2008; Kpaeba, 2016a).

Judging by the study of ceramics technology, several groups of people from different regions took part in the culturogenesis of the early nomads of the Southern Urals and Western Kazakhstan. In the VI-V centuries BC. several nomadic groups from different regions, including those from Central Asia, participated in the nomadic tribes. During the IV-III centuries BC. several waves of migration can be identified, under the influence of which changes in the forms of dishes and the technology of its production took place. At the beginning of the IV century BC. the environment of the nomads of the Southern Urals and the northern part of Western Kazakhstan from the Trans-Urals has infiltrated foreign cultures, which carried its own traditions in the manufacture of round-bottom ceramic forms, uncharacteristic earlier for the local population (use of talcum admixture, form-models, etc.). During the second half of the IV century BC. and in the III century BC. there was a process of integration of the local population with the first wave of «migrants», which manifested itself in the emergence of mixed technological skills in the manufacture of dishes and in the appearance of a mass of transitional forms of ceramics. From the second half or from the end of the IV century BC. on the territory of the Southern Urals, the arrival of a new group of people bearing the tradition of making pottery according to the recipe clay + bone + manure, which also participated in the formation of the Early Sarmatian culture is recorded. This manifested itself in the appearance of mixed recipes of molding masses bone + chamotte + manure. However, this group of people, apparently, did not get to the territory of Western Kazakhstan, which was manifested in a small amount of distribution of this impurity. In the II-I centuries BC. there is a process of assimilation of alien groups of population and the prevailing local

traditions in the manufacture of ceramics, that is, the process of relative cultural homogeneity of society has come. Along with this, for example, in the Southern Priural, groups of the population are registered, for which dishes characteristic of the morphological features are identical to the Sarmatian, but differing in manufacturing technology. In particular, in the composition of its molding mass, talc or bone is fixed in a high concentration, which is typical for the recipes of the first half of the IV century BC. This fact can be explained either by the existence of groups of potters in the Sarmatian environment, which continued to make molding masses “according to old recipes”, or infiltration of new population groups occurred.

Undoubtedly, there could be more waves of migrations of the inocultural population to the territory of the Southern Urals and Western Kazakhstan in the early Iron Age, but they did not affect the changes in pottery.

As a result, we can state that the results of the analysis of ceramics allowed us to obtain new important data on the pottery of early nomads. The continuity of cultural traditions of the population of different chronological periods is revealed, as well as innovations and signs of the emergence of new population groups that allow us to concretize ideas about the ethnocultural history of Western Kazakhstan.

I express my deep gratitude to A. Onggaruly, A.E. Astafyev, S.Yu. Gutsalov, A.A. Bisembaev, M.N. Duysengali, T.K. Zhumaliyeva, N.A. Kulbayev, Ya.A. Lukpanova, A. Mamedov, D.V. Maryksin, M.K. Murzagaliyeva, K.A. Raimova, G.Z. Salikhova, Z. Samashev, M.N. Sdykov, B.B. Suyegaliyeva, V.V. Tkachev, A. Turaruly, M.A. Utesinov, R.E. Kharipova, O.A. Shinkar, as well as to all employees of museums, scientific centers and universities in Western Kazakhstan, who provided invaluable assistance in working with ceramic collections.

I thank my teachers: A.A. Bobrinsky, N. P. Salugin, I.N. Vasiliev, and Yu. B. Tsetlin, who gave me the basics of studying ceramics. I especially thank Marina Glebovna Moshkova for her support and attention.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Августинник А.И. Керамика. – Л., 1975. – 244 с.
Амбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала. – Уфа., 1999. – 101 с.
Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана – М., 1978. – 211 с.
Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / под редакцией А.И. Мелюковой. – М., 1989 – 464 с.
Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. – М., 2000. – 133 с.
Березовский А.П., Глушков И.Г., Матющенко В.И. Методические рекомендации и программы обработки и описания археологических коллекций // Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск, 2005. – С. 256-288.
Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахского Приуралья // Уфимский археологический вестник. – Уфа. 1998. – Вып. 1. – С. 152-161.
Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Бидагулов Н.Т. Археологические исследования совместной Казахстанско-Германской экспедиции на могильнике Сапибулак // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2009. – С. 181-190.
Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Бидагулов Н.Т., Мамиров Т.Б., Кулмуханов М.Е., Шильмагамбетов Н.А. Работы Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии в 2006-2011 гг // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – Т. 1. – С. 64-68.
Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Мамиров Т.Б. Результаты работ Областного центра истории, этнографии и археологии в Актюбинской области в 2006-2012 гг. // Кадырбаевские

чтения-2012: Материалы III Международной научной конференции. – Актобе, 2012. – С. 514-519.
Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы – М., 1978. – 272 с.
Бобринский А.А. К методике изучения обжига керамики // Первая кубанская археологическая конференция. Тезисы докл. - Краснодар, 1989. – С. 20-23.
Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1991. – С. 105-156.
Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II-V вв. н. э). – М., 1991. – 215 с.
Бобринский А.А. Гончарный круг и его происхождение. – Екатеринбург, 1993. – 56 с.
Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара, 1999 – С. 5-110.
Бобринский А.А. Установление пола индивидов по ногтевым отпечаткам на керамике // Проблемы современной археологии (сб. памяти В. А. Башилова). – М., 2008. – С. 316-345.
Бобринский А.А., Волкова Е.В., Гей И.А. Кострица для обжига керамики // Археологические исследования в Поволжье. – Самара, 1993. – С. 3-44.
Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 193-214.
Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург, 2004. – 285 с.
Божченко А.П., Теплов К.В., Цетлин Ю.Б. Опыт применения дерматоглифического метода в историко-археологическом исследовании // Актуальные вопросы медико-криминалистической экспертизы: современное состояние и перспективы развития. Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию МКО БСМЭ Московской об-

ласти (27-29 марта 2013 г., Москва). – М., 2013. – С. 109-111.
Борисова Е. В. Технично-технологический анализ керамики из курганов №25, 26, 27, 31 и 32 Гвардейского курганного могильника // АПО. – Вып. 3. – Оренбург, 1999. – С. 161-163.
Бородовский А.П., Глушков И.Г., Матющенко В.И. Методические рекомендации и программы обработки и описания археологических коллекций // Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск, 2005. – С. 256-288.
Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. – Челябинск, 2000. – 265 с.
Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья – Оренбург, 1999а. – Вып. III. – С. 191-216.
Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 1999б. – Вып. 1. – С. 72-96
Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2002. – С. 15-49.
Васильева И.Н. Сравнительный анализ технологии керамики Съезжинского и I и II Хвалынского могильников // РА. – 2005. – №3. – С. 76-84.
Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2007. – Вып. VIII. – С. 23-38.
Васильева И.Н., Салугина Н.П. Не боги горшки обжигают. – Самара, 1997. – 160 с.
Васильева И.Н., Салугина Н.П. Работы экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 1999. – С. 234-257.
Васильева И.Н., Салугина Н.П. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // Самарский научный вестник. – 2015. – №3 (2). – С. 8-27.
Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. по материалам Уйгарака // ТХАЭЭ. – М., 1973. – Т. 8. – 160 с.
Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приуралья // ПСА. – М., 1971. – С. 145-167.
Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. – М., 1996. – 128 с.
Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения

и анализ) // Тверской археологический сборник. – Вып. 3. – Тверь, 1998. – С. 135-146.
Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. – М., 1959. – Т. 4. – С. 63-136.
Гей И.А. Отпечатки кончиков пальцев на изделиях из глины (изучение, проблемы, перспективы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М., 2010. – С. 200-213.
Геологический словарь / под ред. Власова В.А. – М., 1978. Т. 2. – 455 с.
Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск, 1996. – 328 с.
Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г. – М., 1901. – Т. 1. – С. 577-672.
Граков Б.Н. Курганы в окрестностях пос. Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // Труды секции археологии РАНИОН. – М., 1928. – Вып. IV. – С. 145-155.
Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. – М., 1947. – №3. – С. 100-121.
Григорьев Г.В. Келеская степь в археологическом отношении // ИАН КазССР. Алма-Ата, 1948. – Вып. 1. – №46. – С. 53-72.
Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: исследования. Поиски. Открытия. – Челябинск, 1995. – С. 135-146.
Гуцалов С.Ю. Впускные погребения Илека предсарматского времени // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996. – С.156-163.
Гуцалов С.Ю. Культурный комплекс на горе Жилантау // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 1998. – Вып. 1. – С. 138-151.
Гуцалов С.Ю. Одиночные курганы и погребения прохоровской культуры восточных районов Южного Приуралья // История и культура Арало-Каспия. – Вып.1. – Алматы, 2001. – С. 67 – 81.
Гуцалов С.Ю. Ярусные погребения Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2004. – Вып. 5. – С. 135-152.
Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. – Уральск, 2004. – 136 с.
Гуцалов С.Ю. Погребения кочевников скифской эпохи на р. Табантал. // Кадырбаевские чтения. Материалы международной научной конференции. – Актобе, 2007. – С. 92-98.
Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Погребения прохоровской культуры южнее г. Орска. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск. 2002. – Вып.1. – С. 65-86.

296

297

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1989. Т.2. – 779 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1991. Т.4. – 683 с.

Демкин В.А., Рысков Я.Г. Реконструкция погребальной пищи в курганных захоронениях бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. – М., 1994. – С. 78-80.

Железчиков Б.Ф., Пшеничник А.Х. Племена Южного Приуралья в VI-III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докл. – Волгоград, 1994. – С. 5-8.

Зиберт Э.В. Сосуды из коровьего вымени в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.-Л., 1953. – Т. XIV.

Золотые олени Евразии. Каталог выставки / под ред. О.А. Федосеевко. – СПб., 2003. – 63 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). М., 1967. – 404 с.

Иванов В.А., Фалалеев А.Ф., Ягафарова И.М. Новые материалы ранних кочевников в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа 1989.

Иванова Н.В. Некоторые аспекты технологического изучения керамики из савроматских и раннесарматских памятников Самарского Заволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. – Самара, 2000. – Вып. 2. – С. 135-154.

Иванова Н.В., Мышкин В.Н. К вопросу о гончарной технологии кочевников Самарского Заволжья в V-I вв. до н.э. // Вопросы археологии Поволжья – Самара, 2006. – Вып. 4. – С. 379-390.

Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из северо-западного Казахстана // СА. – 1977. – № 3. – С.204-212.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 84-93.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С. 137-156.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник ГосЭрмитажа. – 1990. – №30. – С.7-19.

Кипарисова Н.П., Сальников К.В. Савроматское погребение близ г. Троицка // СА. – М., 1958. – №2. – С. 246-251.

Кирсанов Р.С. Гончарная технология сарматских племен (по материалам памятников Самарской области // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. – Самара, 1996. – С. 62-64.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха горного Алтая. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. – Барнаул, 2004. – 291 с.

Клепиков В.М. К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2000. – Вып. 3. – С. 95-113.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э. – Волгоград, 2002. – 216 с.

Краева Л.А. Технологический анализ керамики РЖВ из Западного Оренбуржья // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докл. – Челябинск, 1999а. – С. 123-124.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики из «прохоровских» погребений на р. Бердянка // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. – Самара, 2000. – Вып. 2. – С. 114-134.

Краева Л.А. Некоторые вопросы изучения технологии изготовления керамики из сарматских погребений III-I вв. до н.э. бассейна р. Илек // Диалог культур и цивилизаций. Тезисы IV научной конференции молодых историков Сибири и Урала. – Тобольск, 2002. – С. 32-34.

Краева Л.А. Некоторые аспекты изучения технологии изготовления керамики из сарматских погребений III-I вв. до н.э. бассейна р. Илек // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе: Тезисы конф. – М., 2003а. – Ч. II. – С. 11-13.

Краева Л.А. Техничко-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халыпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург, 2003б, с. 332-358.

Краева Л.А. Технология изготовления сарматской керамической посуды из курганного могильника Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2005. – Вып. VII. – С. 90-95.

Краева Л.А. Сарматский ритуальный сосуд из второго курганного могильника у с. Акоба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2006 а. – Спец. вып.: Актуальные проблемы истории и археологии. – С. 197-201.

Краева Л.А. Необычный сарматский сосуд из второго курганного могильника у с. Акоба // Этни-

ческие взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2006 б. – С. 98-102.

Краева Л.А. Проблемы изучения сарматской керамики второй половины I тыс. до н.э. // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. – Уфа, 2007. – С. 257-265.

Краева Л.А. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI-I вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. – 24 с.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики ранних кочевников Южного Приуралья в IV-I вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2009. – Вып. 10. – С. 193-211.

Краева Л.А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М., 2010а. – С. 58-65.

Краева Л.А. Технология изготовления лепной керамики из могильника Прохоровка // Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. – М., 2010б. – С. 231-251.

Краева Л.А. Гончарная технология ранних кочевников Южного Приуралья в VI-V вв. до н.э. // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. – Астрахань: Изд-во Астраханского унта, 2010в. – С. 162-170.

Краева Л.А. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011а. – №4 (48). – С. 51-60.

Краева Л.А. Специфика гончарства ранних кочевников Южного Приуралья IV-I вв. до н.э. // Древность: историческое знание и специфика источника. – М., 2011б. – С. 116-120.

Краева Л.А. Сравнительная характеристика гончарных традиций савроматского и раннесарматского периодов // Печ. Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Т.1. – СПб-М-Великий Новгород, 2011в. – С. 350-352.

Краева Л.А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. – 2015а. – №3 (2). – С. 90-99.

Краева Л.А. Сарматская керамика как исторический источник // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. – М., 2015б. – С. 229-242.

Краева Л.А. Гончарные традиции сарматов Западного Казахстана // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. – Алматы, 2016а. – С. 97-106.

Краева Л.А. Технология изготовления и способы использования некоторых типов сарматских курильниц // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Оренбург, 2016б. – С. 113-121.

Краева Л.А. Необычная «курильница» из сарматского одиночного кургана Кураша I // Материалы V Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2016». – Актобе, 2016в. – С. 176-180.

Краева Л.А. «Курильницы» с одним боковым отверстием // Религия и система мировоззрений древних и средневековых народов Евразии. – Алматы, 2016г. – С. 48-55.

Краева Л.А., Богданов С.В. Сарматские погребения могильника у с. Пятилетка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2000. – Вып. IV. – С. 168-179.

Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Моргунова Н.Л. Одиночный курган у с. Благодославенка // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2000. – Вып. IV. – С. 186-194.

Лопатина О.А., Каздым А.А. Естественная примесь песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М., 2010. – С. 46-57.

Мамедов А.М., Виноградов С.М. Катакомбные погребения раннего железного века могильника Талдысай I (Актюбинская область) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2009. – С. 102-106.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Техничко-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13-10 тыс. л.н.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – №2(54). – 2013. – С. 94-107.

Мещеряков Д.В., Яблонский Л.Т. О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – М., 2007. – С. 357-368.

Могильников В.А. К характеристике контактов кочевников Южного Зауралья с населением лесостепи // XIV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. – Челябинск, 1999. – С. 133-134.

Моргунова Н.Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1996. – Вып. 1. – С. 8-43.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2012. – С. 156-199.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. – Оренбург, 1999. – С. 124-146.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург, 2003. – 391 с.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2012. – С. 156-199.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1962. – №115. – С. 204-241.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. – М., 1963. – 51 с.

Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М., 1972. – С. 27-48.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М., 1974. – 51 с.

Мошкова М.Г. История изучения савромато-сарматских племен / М.Г. Мошкова // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1989. – С. 158-164.

Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар, 2004. – С. 22-40.

Мошкова М.Г. О статье Л.Т. Яблонского «Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья)» // Региональные особенности раннесарматской культуры. – Волгоград, 2007. – Вып. 2. – С. 100-115.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы // Материалы по археологии Сибири. – Новосибирск, 2002. – Вып. 2. – 199 с.

Орлов М.А. Реконструкция «зала воинов» дворца III в. до н.э. Топрак-кала // ТХАЭЭ. – М., 1952. – Т. I. – С. 55.

Очир-Горяева М.А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста, 1990. – С. 81-92.

Очир-Горяева М.А. О возможном назначении парных бронзовых котлов у кочевников раннего

железного века Евразии // Археологические памятники раннего железного века юга России. – М., 2004. – С. 166-179.

Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии // Труды института этнографии. – М.-Л., 1959 – Т. XLII. – 395 с.

Полторацкая В.П. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // АСГЭ. – Л., 1962. – Вып. 5. – С. 76-90.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983. – 199 с.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. – Уфа, 2012. – 280 с.

Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2000. – Вып. 2. – С. 129-144.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. – СПб., 1918. – 119 с.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.-Л.: АН СССР, 1955. – 393 с.

Савельев Н.С. «Зауральские автохтоны»: идентификация, роль в формировании прохоровской культуры, дальнейшая судьба // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докл. – Челябинск, 1999. – С. 139-140.

Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. – М., 1982. – 211 с.

Салугина Н.П. Раковина в составе древней керамики // Материалы международной конф. по применению методов естественных наук в археологии. – СПб., 1994. – С. 148.

Салугина Н.П. Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1999. – Вып. 3. – С. 20-39.

Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // СА. – 2005. – №3. – С. 85-92.

Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск). – Т. II. – Новосибирск, 2006. – С. 379-381.

Самашев З., Кушербаев К, Аманшаев Е, Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. – Алматы, 2007. – 400 с.

Сентенс Б. Керамика. Путеводитель по традиционным техникам мира. – М., 2005. – 216 с.

Сергацков И.В. О новой концепции в изучении сарматских древностей Южного Приуралья // Региональные особенности раннесарматской культуры. – Волгоград, 2007. – Вып. 2. – С. 116-118.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов, 1984. – 150 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов, 1990. – 240 с.

Скрипкин А.С. Раннесарматская культура (проблема периодизации и терминологии) // Региональные особенности раннесарматской культуры. – Волгоград, 2007. – Вып. 2. – С. 119-128.

Смагулов Е. К изучению культовых атрибутов V-Xвв на средней Сырдарье // Материалы международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им.А.Х.Маргулан. 12-15 декабря 2011 г. – Алматы, 2011. – С. 35-42.

Смагулов Е. Раннесредневековые керамические курительницы Южного Казахстана//Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2012. Глиняний посуд у культурі харчування народів світу. Опішне, 2013. – Кн.VIII. – Т.1. – С.237-251.

Смирнов К.Ф. Савроматы. – М., 1964а – 379 с.

Смирнов К.Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. – М., 1964 б. – №3. – С. 45-63.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. – С. 166-179.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М., 1975. – 176 с.

Советский энциклопедический словарь / под ред. Прохорова А.М. – М., 1988. – 1600 с.

Сокровища сарматских вождей (материалы раскопок Филипповских курганов) / под общей редакцией Л.Т. Яблонского. – Оренбург, 2008.

Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. – Оренбург, 1998. – Вып. 2. – С. 87-96.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7-2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар, 2004. – С. 3-21

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 141-159.

Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945-1948 гг.) // ТХАЭЭ. – М., 1952. – Т. I. – 652 с.

Уральский Б.П. Тальк и тальковый камень. – М., 1954. – 20 с.

Федотов Г.Я. Послушная глина: основы художественного ремесла. – М., 1997. – 156 с.

Цетлин Ю.Б. Культурные контакты в древности (общая систематика и отражение их в культурных традициях гончаров) // Тверской археологический сборник. Тверь. 1998. – Вып. 3. – С. 50-63.

Цетлин Ю.Б. Критерии отделения орнамента от неорнамента на глиняной посуде // Тверской археологический сборник. – Тверь, 2000. – Вып. 4. – С. 251-259.

Цетлин Ю.Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2006. – Вып. 4. – С. 421-425.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М., 2017. – 346 с.

Шевнина И.В. Эксперименты с добавлением шерсти в формовочные массы в контексте изучения неолитической керамики Торгая // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Москва: ИА РАН, 2015. С 155-163.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. – М., 1960. – С. 148-200

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья / В.П. Шилов. – Л., 1975. – 234 с.

Яблонский Л.Т., Дж.-Веддер, В.Л. Егоров В., Дж. Дэвис-Кимболл, Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. // Курганы левобережного Илека. – М., 1993. – Вып. 1. – 128 с.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Дж.-Веддер, Дж. Дэвис-Кимболл, В. Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. – М., 1994. – С. 4-56.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 г. // Курганы левобережного Илека. – М., 1996. – С. 7-48.

Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 г. // Курганы левобережного Илека. – М., 1995. – С. 9-47.

Яблонский Л.Т. Культуры ранних кочевников Южного Приуралья: проблемы терминологии, хронологии и типологизации (материалы для обсуждения) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III региональной (с междуна-

родным участием) научно-практической конференции. – Челябинск, 2006. – С. 68-74

Яблонский Л.Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры. – Волгоград, 2007. – Вып. 2. – С. 4-36.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. – Оренбург, 2008.

Цетлин Ю.Б. Фундаментальные проблемы изучения гончарства // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М., 2010. – С. 229-244.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М., 2012. – 384 с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М., 2017. – 346 с.

Arnold Dean E. Ceramic theory and cultural process. – Cambridge, 1988. – 279 pp.

Гуцалов С.Ю. Ткачев В.В., Бисембаев А.А. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актыбинской области летом 1995 г. // Фонд АОИМК
Иванов В.А., Кригер В.А. Отчет об археологических раскопках в 1986 г. // Фонд АОИМК

Кадырбаев М.К. Отчет Северо-Каратауского отряда ЮККАЭ АН Каз ССР за 1973 г. // Фонд АОИМК
Кадырбаев М.К. Отчет Актыбинского археологического отряда ИИАЭ АН Каз ССР за 1974 г. // Фонд АОИМК

Кригер В.А., Иванов В.А. Отчет о разведках и раскопках в 1986 году в бассейне реки Уил на территории Актыбинской области // Фонд АОИМК

Пшеничнюк А.Х. Отчет о раскопках Филипповских курганов в Илекском районе Оренбургской области в 1987 г. // Архив археологической лаборатории ОГПУ

Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Астафьев И.Б., Афанасьев В.К., Ольховский В.С., Галкин Л.Л.,

Гуцалов С.Ю. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции в 1989 г. // Фонд АОИМК

Самашев З.С., Наглер А.О., Бисембаев А.А., и др. Отчет об археологических раскопках в Актыбинской области в 2009 году. Фонд АОИМК

Султангалиева Г.С., Виноградов С.М., Бисембаев А.А. Отчет об археологических раскопках могильника Талдысай, расположенного на территории Булакского сельского округа Кобдинского района Актыбинской области в 2006 г. Фонд АОИМК

Ткачев В.В. Отчет об археологических раскопках в Актыбинской области летом – осенью 1993 г.

Турецкий М.А. Отчет о раскопках курганных могильников у с. Изобильное Соль-Илецкого района Оренбургской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №18708.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Астафьев А. Е. Отчет о проведении археологической разведки на площади проектируемого строительства нового города Актау-Сити Мангистауской области и археологических раскопок культурно-погребального комплекса Баскудук 1 в 2007 году. Актау, 2007 // Архив Мангистауского государственного историко-культурного заповедника.

Бисембаев А.А. Отчет об археологических раскопках кургана Кураша I в 2015 году (Мартукский район, Актыбинская область, Республика Казахстан) // Фонд АОИМК

Бисембаев А.А., Бидагулов Н.Т., Мамедов А.М. Отчет об археологических раскопках в Актыбинской области в 2008 г // Фонд АОИМК

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Отчет о проведении археологических разведок и раскопок в Западно-Казахстанской области в 2001 году // Фонд АОИМК

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Отчет о раскопках могильника Есен-Амантау (Лебедевка II) в 2002 году // Фонд АОИМК

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н. Археологические исследования памятников нижнего Илека в 2011 году // Фонд АОИМК

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н. Археологические исследования памятников в Уилском районе Актыбинской области в 2012 году // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю. Предварительный отчет об археологических разведках и раскопках Актыбинского областного историко-краеведческого музея в 1985 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актыбинской области летом 1988 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актыбинской области летом 1989 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических работах в Актыбинской области летом 1991 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С. С.Ю. Отчет об археологических работах в Актыбинской области летом 1992 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю. Отчет об археологических раскопках в Актыбинской области 1996 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актыбинской области летом и осенью 1986 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актыбинской области летом 1987 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю., Макаревич Г.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актыбинской области летом 1989 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актыбинской области летом 1984 г // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю., Родионов В.В. Отчет об археологических разведках и раскопках в Актыбинской области в 1985 г. // Фонд АОИМК

Гуцалов С.Ю., Ткачев В.В. Отчет о полевых археологических работах в Актыбинской области летом 1990 года // Фонд АОИМК

Гуцалов С. Ткачев В. Отчет об археологических работах в Актыбинской области в 1994 г. // Фонд АОИМК

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Автореф. дис. ... канд. ист. наук – Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук

АЛ ОГПУ – Архив археологической лаборатории ОГПУ

АПО – Археологические памятники Оренбуржья

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АОИМК – Актыбинский областной историко-краеведческий музей

ЗКОИМК – Западно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей

ЗКОЦИА – Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии

ВД – Вестник древней истории

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

КМ – курганный могильник

КСИА – Краткие сообщения Института Археологии

Материалы междунар. науч. конф. – Материалы международной научной конференции

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МГУ – Московский государственный университет

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

ОК – одиночный курган

ПСА – Проблемы скифской археологии

РА – Российская археология

РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

Сб. науч. тр. – Сборник научных трудов

СЭС – Советский энциклопедический словарь

Тезисы докл. конф. – Тезисы докладов конференции

ТХАЭЭ – труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Ангоб – тонкое покрытие (менее 1 мм) из инородной по отношению к черепку глины, наносимое до обжига на керамическое изделие для устранения дефектов поверхности и придания ей какого-либо цвета: светлого или красного (Сайко, 1982, с. 38-39; СЭС, с. 56).

Безгрунтовочные способы обработки поверхности (заглаживание, лощение, прокатывание) – способы, направленные на обработку непосредственной поверхности сырого или подсушенного сосуда (Бобринский, 1978, с. 213-215).

Вдавление-протаскивание – техника нанесения скульптурного орнамента, обычно каннелюр, путем одновременного вдавления и протаскивания пальца гончара по сырой поверхности сосуда.

Выбивание – технологический прием в гончарстве в рамках второго направления формообразования. Производится ударным воздействием колотушки непосредственно на поверхность сосуда или через какую-нибудь прокладку (Бобринский, 1978, с. 201-209; Васильева, Салугина, 1997, с. 52).

Выдавливание – технологический прием, при котором весь сосуд или какая-то его часть выдавливается из одного комка формовочной массы. Выдавливание могло также использоваться для придания сосуду определенной формы путем физического давления на изделие в основном пальцами гончара (Бобринский, 1978, с. 140, 181-182; Цетлин, 2017, с. 36).

Выжимка – искусственная органическая добавка к исходному пластичному сырью, которую изготавливали путем выжимания жидкой составляющей навоза под прессом или через материал (Васильева, Салугина, 1997, с. 16)

Глина – одна из групп исходного пластичного сырья (Бобринский, 1999, с. 17-18). Мелкообломочная осадочная порода, состоящая из частиц минералов по химическому составу обычно – гидроалюмосиликатов, в подавляющей своей части

в виде пелитовой фракции, и сопутствующих примесей иных минералов (Августинник, 1975, с. 5). По генезису выделяются глины обломочные химические, по обстановкам осадконакопления – морские, лагунные, дельтовые, речные, озерные, вводно-ледниковые, элювиальные. По минеральному составу различают каолининовые, гидрослюдистые, монтмориллонитовые и полиминеральные глины (Геологический словарь, 1978, Т. 1, с. 171).

Илистая глина – это исходное пластичное сырье по своему происхождению, связанное с водоемами, но относится к береговым более уплотненным залежам, чем илы. (Васильева, 1999а; 1999б; Цетлин, 2017, с. 88). По качественному составу приближается к илам, но в нем отсутствуют органика животного происхождения (чешуя, кости рыб) и глинистые комочки округлой формы, а концентрация мелкой растительности водного происхождения и раковины «редкая» или «единичная».

Гончарный круг – приспособление для изготовления керамики, представляющее собой вращательный механизм вертикального действия, снабженный минимум одной центровочной осью и одним опорным подшипником центрального действия, обеспечивающие центрированное вращение рабочей площадки (Бобринский 1993, с. 9).

Графические орнаменты – орнаменты, наносимые на поверхность сосуда с помощью орнамента, в процессе применения которого частицы глины сдвигаются относительно своего первоначального положения на поверхности сосуда.

Грунтовочные способы обработки поверхности (обмазка, ангоб) – способы, направленные на обработку сырой или подсушенной поверхности сосуда путем специального покрытия поверхности изделия дополнительным слоем глины (Бобринский, 1978, с. 213; 216).

Донно-емкостный начин – программа конструирования начина, при которой начальным эта-

пом создания сосуда было изготовление дна и части стенок на разную высоту (Бобринский, 1978, с. 114; 131).

Донный начин – программа конструирования начина, при которой первоначально создавалось дно в виде лепешки (Бобринский, 1978, с. 114; 131).

Донный+донно-емкостный начин – программа конструирования двухслойного начина, образовавшаяся в результате сращивания двух разных программ в изготовлении начинов: донной и донно-емкостной.

Дресва – дробленый камень (граниты, гнейсы, песчаники, сланцы, медные и железные руды), добавляемый в качестве отощительной добавки к исходному пластичному сырью (Бобринский, 1978, с. 105)

Емкостно-донный начин – программа конструирования начина, при которой конструирование сосуда начинается с его будущей верхней части (венчика, шейки или тулова), а заканчивается донной частью (Бобринский, 1978, с. 114; 131-135).

Емкостный начин – программа конструирования начина, при которой начальный этап конструирования сосуда ограничен только изготовлением стенок (на всю или какую-то часть общей высоты) (Бобринский, 1978, с. 114; 131).

«Жирное» исходное пластичное сырье – глинистое сырье, в котором естественный песок не фиксируется или присутствует в концентрации менее 10 % (размеры частиц от 0, 1 мм до 4 мм) (Бобринский, 1999, с. 24).

Жгуты – элементы, из которых конструируется сосуд в виде длинных раскатанных колбасок.

Заглаживание – механический прием обработки поверхности сосуда для устранения дефектов и декорирования, осуществляемый различными материалами (пальцы, ткань, кожаный нож, и т.д.) (Бобринский, 1978, с. 214-215, 223-231).

Запесоченность – степень концентрации песка в исходном пластичном сырью.

«Защипывание» – способ нанесения орнамента путем вдавления и оттягивания дополнительной порции глины с помощью двух пальцев гончара.

Зональный налп – способ конструирования, используемый обычно при изготовлении крупных сосудов. Заключается в создании колец или зон, составляющих стенки сосуда, внутри таких зон наращивание строительных элементов (лоскутов, жгутов, коротких жгутов) производилось по спира-

ли или бессистемно (Бобринский, 1978, с. 179-180; Васильева, 1999 б, с. 89; Краева, 2003, с. 352)

Ил – исходное пластичное сырье, добыча которого была приурочена к водоемам. Для этого сырья характерны: комочки плотного глинистого вещества, округлой формы, размером не более 1-2 мм; неравномерность распределения растительных остатков и песка в формовочной массе и присутствие в черепке более уплотненных участков глинистой массы; наличие значительного разнообразия качественного состава и концентрации песка с преобладанием песчинок размером менее 0,5 мм; наличие значительного количества железистых включений и оолитового бурого железняка; присутствие органики растительного (водные и надводные растения) и животного (чешуи и кости рыб, личинок и т.д.) происхождения; наличие обломков и целых раковин пресноводных моллюсков (Бобринский, Васильева, 1998, с. 202-203).

Исходное сырье (ИС) – это природные и искусственно образованные материалы, которые использовались для изготовления посуды. Они подразделяются на пластичные и непластичные (Бобринский, 1999, с. 17-22).

Исходное пластичное сырье (ИПС) – материалы, известные в истории гончарства в качестве самостоятельных видов сырья для конструирования посуды. В истории гончарства выявлено три основные группы ИПС: илестые материалы; органические материалы животного происхождения; глины (Бобринский, 1999, с. 17-22).

Исходное непластичное сырье (ИНС) – материалы, которые использовались исключительно в сочетании с исходным пластичным сырьем (Бобринский, 1999, с. 17-22).

Колотушка – инструмент гончара для выбивания поверхности сосуда, используется при формообразовании и для уплотнения стенок сосуда (Бобринский, 1978, с. 201-209).

Композиция – взаимное соотношение всех орнаментов в рамках орнаментального поля (Волкова, 1996, с. 35).

Короткие жгуты – «строительные элементы» в виде жгутиков длиной до 5 см.

Культурные традиции – устойчивые навыки труда по изготовлению посуды, передаваемые по наследству из поколения в поколение путем непосредственного обучения мастером ученика (Бобринский, 1978, с. 255-265; 1999, с. 63).

Ленты – строительные элементы, из которых конструируется сосуд в виде сильно уплощенного на плоскости жгута.

Ленточный налп – способ конструирования, при котором в качестве «строительных элементов» выступают ленты (Бобринский, 1978, с. 174).

Лоскутный налп – наиболее архаичный способ конструирования, при котором в качестве «строительных элементов» выступают лоскуты (Бобринский, 1978, с. 174).

Лоскуты – «строительные элементы» в виде порций формовочной массы, которые отрываются от жгута или от другой по форме глиняной заготовки (Бобринский, 1978, с. 139).

Лощение – прием уплотнения и декорирования поверхностей керамических изделий путем полирования поверхности сосуда лощилом (галька, кость и т.д.) по слегка подсушенной или по сухой дополнительно смоченной поверхности (Бобринский, 1978, с. 223).

Мотив – система организации элементов (Волкова, 1996, с. 35).

Начин – первая ступень непосредственного конструирования керамики, работа над которой выполняется как один непрерывный технологический акт создания той или иной части будущего сосуда (Бобринский, 1978, с. 114).

Обваривание – химико-термический способ обработки поверхностей сосудов, при котором раскаленные сосуды извлекаются из обжигового устройства и погружаются в специально приготовленный раствор (обвару) (Бобринский, 1978, с. 216-217).

Обмазка – обработка поверхности в виде покрытия толщиной более 1 мм из однородной по отношению к черепку глины, наносимое до обжига на керамическое изделие для устранения дефектов поверхности.

Обработка поверхностей – навыки, направленные на выравнивание поверхности сосуда, придания ему окончательного внешнего вида и прочности. Выделяется три направления в развитии навыков обработки поверхностей: безгрунтовочное, грунтовочное и химико-термическое (Бобринский, 1978, с. 213).

Органика – термин используется, когда более точно определить вид органической примеси в исходном пластичном сырье невозможно. Обычно в керамика она представлена редкими отпечатками растительности длиной 0,2-8 мм.

Органические растворы – жидкие искусственные органические добавки с характерными для них признаками, рецепты, изготовления которых пока не ясны (Бобринский, 1999, с. 85-86; Васильева, 1999, с. 194; Салугина, 1999, с. 23; Краева, 2000, с. 119).

Орнаментальное поле – поверхность сосуда, на которую нанесен орнамент (Волкова, 1996).

Орнаментальная зона – часть орнаментального поля, ограниченная деталями формы (Волкова, 1996).

Орнаментир – предмет, с помощью которого украшался сосуд (Березовский, Глушков, Матющенко, 2005, с. 260).

Поворотный столик – приспособление для изготовления керамики, которое в отличие от гончарного круга не имеет центровочной оси и опорного подшипника центрального действия. Он делался из глины, навоза или мягкого дерева в виде диска с короткой толстой «ножкой», которая заканчивалась плоским торцом, устанавливались такие приспособления в углублениях, сделанных в земле, на доске или камне (Бобринский, 1993, с. 10-11; Пещерева, 1959, с. 45).

Полировка – прием обработки высушенной внешней поверхности сосуда мягким материалом, типа замши или кожи, до или после обжига.

Полое тело – емкость, образующаяся после полного завершения строительства днища и стенки будущего сосуда (Бобринский, 1978, с. 154).

Приспособительные навыки – навыки труда в гончарстве (приемы отбора, добычи и подготовки ИПС, составления рецептов формовочных масс, обработки поверхностей), которые в первую очередь реагируют на изменения в среде населения, их полное перерождение возможно в течение жизни одного поколения (Бобринский А.А., 1999, с. 66).

Пролащивание – техника нанесения орнамента лощилом (галька и т.д.) по слегка подсушенной или по сухой дополнительно смоченной поверхности.

Простейшие рецепты – рецепты формовочных масс, при которых сосуд изготавливался из одного ИПС без дополнительного введения искусственных примесей.

Простые рецепты – рецепты формовочных масс, в состав которых входит ИПС и один вид примеси.

Расписные орнаменты – орнаменты, наносимые на поверхность сосуда красящими веществами (Цетлин, 2017, с. 62).

Скульптурная лепка – конструирование сосуда вручную без использования форм-моделей.

Скульптурные орнаменты – элементы украшения сосуда, созданные с помощью скульптурного моделирования (валики, каннелюры и т.д.) (Цетлин, 2017, с. 62-63).

Сложносоставные рецепты – рецепты формовочных масс, состоящие из ИПС и четырех ви-

дов примесей, из которых три вида несут одинаковую технологическую функцию.

Сложные рецепты – рецепты формовочных масс, в составе которых кроме ИПС фиксируются два вида примеси, несущие разные технологические функции.

Смешанные рецепты – формовочные массы, образованные из исходного пластичного сырья и двух или большего числа искусственных примесей с одинаковыми технологическими функциями (Бобринский, 1978, с. 91, 93).

Составные рецепты – рецепты формовочных масс, в составе которых наряду с ИПС присутствуют три вида примесей, из которых два вида несут одинаковую технологическую функцию.

Способ (технологический прием) – это совокупность технологических операций, выполнение которых позволяет реализовать узкую задачу (Бобринский, 1999, с. 11).

Строительные элементы – элементы, из которых конструируется сосуд (ленты, жгуты, лоскуты, короткие жгуты)

Субстратные навыки – навыки труда в гончарстве (способы формообразования, конструирования полого тела, начина, представления об ИПС), которые даже в условиях смешения способны оставаться неизменными долгое время, полное их перерождение могло произойти в течение жизни 5-6 поколений гончаров и только в условиях постоянного контакта носителей этих навыков. Они позволяют заглянуть в прошлое культурных традиций изучаемого населения (Бобринский А.А., 1978, с. 244; Бобринский, Васильева, 1998, с. 213).

Температуры каления – температуры, при которых гончарные изделия начинают испускать свечение. При дневном и вечернем освещении эффект свечения начинает наблюдаться при нагревании изделий от 650°-700°С (Бобринский, 1999, с. 90).

Технологическая операция – совокупность определенным образом организованных действий, с помощью которых они реализуются (Бобринский, 1999, с. 13).

Технологический прием – см. способ.

«Тощее» исходное пластичное сырье – глинистое сырье, в котором концентрация естественного песка с размерами частиц от 0,1 мм до 2 мм больше 10 % или присутствует пылевидный песок (Бобринский, 1999, с. 24).

Формовочная масса – пластичный материал определенной вязкости, непосредственно используемый при изготовлении керамики (Бобринский, 1978, с. 84). Состоит из сочетания пластичного и непластичного исходного сырья.

Формообразование – процесс придания сосуда формы. В истории гончарства выделяется три основных направления в развитии навыков формообразования: первое связано с использованием особых моделей, второе – с приемами скульптурной лепки на плоскости, третье – с использованием гончарного круга (Бобринский, 1978, с. 187-211).

Формы-емкости – модели, с помощью которых изготавливается сосуд путем наращивания строительных элементов внутри формы-модели (Бобринский, 1978, с. 187).

Формы-основы – модели, с помощью которых изготавливается сосуд путем наращивания строительных элементов поверх формы-модели с ее внешней стороны (Бобринский, 1978, с. 187).

Химико-термические способы обработки поверхности (каление, смоление, обваривание, чернение) – способы воздействия на сосуд химико-термическими средствами во время или после обжига (Бобринский, 1978, с. 216-217).

Шамот – дробленые вышедшие из употребления старые или бракованные сосуды, используемые в качестве огнеупорной отощительной добавки (Бобринский, 1978, с. 106-108; Глушков, 1996, с. 23; Салугина, Васильева, 1997, с. 44-45).

Элемент – единица орнамента, представляющая собой полностью или частично локализованное изображение на поверхности сосуда, созданное мастером за один трудовой акт путем статического или динамического воздействия инструмента или рук гончара (Бородовский, Глушков, Матющенко, 2005, с. 260-261; Цетлин, 2017, с. 307).

РАБОТА ЭКСПЕДИЦИИ ПО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ГОНЧАРСТВА

Организация полевой экспериментальной экспедиции по изучению гончарства была вызвана необходимостью проведения широкомасштабных экспериментальных работ, осуществление которых затруднительно в лаборатории. Экспедиция была направлена на решение задач, связанных с исследованием древней гончарной технологии в рамках историко-культурного подхода. В 1990 году с инициативой в ее организации выступили самарские археологи И.Н. Васильева и Н.П. Салугина. С 1993 г. до 2010 г. постоянным участником и научным консультантом экспедиции был А.А. Бобринский. За годы работы экспедиции в ней приняли участие многие исследователи из разных городов России, ближнего и дальнего зарубежья (Фото 1-7).

Экспедиция проходила в Челябинской, Самарской и Ульяновской областях, но на долгие годы базой экспедиции стал бывший детский спортивный лагерь «Мир» в окрестностях пос. Прибрежной в Самарской области.

Работа экспедиции осуществляется в трех направлениях: 1) научно-исследовательском; 2) обучающем, и 3) популяризаторском.

Научно-исследовательское направление включает: 1) создание эталонных баз по всем ступеням гончарного производства; 2) индивидуальные экспериментальные работы и программы, направленные на разработку проблем конкретных научных исследований.

В рамках научно-исследовательского направления был создан комплекс программ по всем ступеням гончарного производства. Они представляют собой системы многочисленных и взаимосвязанных гипотез и направлены на создание базы эталонных коллекций, которые содержат всю необходимую информацию для идентификации приемов гончарной технологии.

В разные годы осуществлялись важные для технологических исследований программы, среди которых можно выделить несколько основных, реализация которых осуществляется практически

каждый полевой сезон.

Программа «Исходное пластичное сырье (ИПС)», которая направлена на идентификацию видов сырья, выделению их определенных признаков и особенностей. Данная программа состоит из трех разделов: «Природные глины», «Илы», «Илистые глины» (Фото 10-14).

В рамках раздела «Природные глины» составляется карта глин, создаются эталонные базы глин с разными естественными примесями, а также ведется разработка проблемы различения источников сырья (районы и места добычи глин). В настоящее время создана значительная коллекция эталонных глин, происходящих из многих регионов России.

Анализ археологической керамики и природных проб в рамках программы позволили выделить новые виды ИПС, использование которых не отмечалось в науке ранее – это илы и илистые глины. Ежегодно с 2001 г. в экспедиции проводится отбор проб данного сырья из одних и тех же источников под руководством И.Н. Васильевой. Изготовлены серии эталонов из илов и илистых глин.

Программа «Формовочные массы». Данная программа обширна и насчитывает 230 наименований формовочных масс с различными искусственными добавками минерального и органического происхождения, ее реализация была начата в 1990 г. В настоящее время уже созданная коллекция эталонов по формовочным массам насчитывает более 90 наименований (Фото 15-27).

В ходе многолетнего выполнения Программы по формовочным массам корректируется в соответствии с исследовательскими задачами. С 1998 г. и по сегодняшний день осуществляется программа «Органические растворы» (И.Н. Васильева, Н.П. Салугина, Л.А. Краева, В.В. Илюшина), направленная на выяснение характера фиксируемых в археологической керамике специфических органических остатков. В 1998 г. был разработан раздел программы «Птичий пух как компонент формовочной

массы» (Д.В. Петряшов). В 2010 г. был разработан и начал осуществляться раздел программы «Тальк в составе древней керамики», который позволил выделить признаки искусственного и естественного характера примеси талька в керамики (Л.А. Краева). Программа «Раковина в составе древней керамики» осуществляется с 1993 г. (Н.П. Салугина). Разработка и реализация ее были связаны с тем, что в составе керамики практически всех эпох с территории Поволжья фиксируются обломки раковины. Большинство исследователей однозначно трактовали ее как искусственную добавку. Однако знакомство с природными глинами, содержащими ископаемую раковину, выделение илов и илистых глин, в составе которых присутствует обломки раковин пресноводных моллюсков, поставило вопрос о различении характера раковины в составе древней керамики. Микроскопический анализ исходного сырья, содержащего раковину, и эталонных серий позволил выделить качественные признаки для идентификации естественного или искусственного характера раковины в составе древней керамики.

Программа «Приемы конструирования сосудов». Основной задачей Программы является создание эталонной базы по способам конструирования начинов, полого тела и формообразования (Фото 28-43). Составлена представительная эталонная серия по приемам конструирования, позволяющая идентифицировать значительное разнообразие этих способов, встречающихся при изучении археологической керамики.

Большое внимание в рамках программы было уделено изучению лоскутного налепа. В результате проведения множества экспериментов, микроскопический анализ изготовленных эталонов позволил выделить общие и специфические признаки различных видов данного налепа.

Особым направлением в работе экспедиции является реконструкция способов изготовления керамики конкретных археологических культур. В 1995 г. Е.В. Волковой впервые осуществлен эксперимент по выяснению способов изготовления сосудов фатьяновской культуры, в результате которого было установлено, что сосуды изготавливались в два приема с помощью различных форм-моделей, лоскутным налепом. Работы в рамках данного направления проводятся в экспедиции постоянно разными исследователями: И.Н. Васильевой – по керамике Поволжья нео-энеолитической эпохи; Н.П. Салугиной, В.В. Илюшиной и В.В. Мухаметдиновым – по керамике эпохи бронзы; Л.А. Краевой – по сарматской керамике, О.Н. Лопатиной – по дьяковской керамике и т. д.

Программа «Обработка поверхностей» включает изготовление эталонной коллекции по трем направлениям: безгрунтовочному, грунтовочному и химико-термическому (Фото 44-47). В рамках первого направления (безгрунтовочное) изготовлены эталоны по заглаживанию поверхностей инструментами с твердой и эластичной рабочей поверхностью, а также лощению поверхностей каменной галькой и костью. В рамках второго направления (грунтовочное) изготовлены эталоны с окрашиванием поверхности сосудов охрой. В рамках третьего (химико-термического) направления производились эксперименты по обвариванию и чернению посуды.

Программа «Орнаментация керамики». В экспедиции выполнялось несколько разделов программы по технике нанесения орнамента, связанных с изучением керамики конкретных археологических культур (Фото 48-55). Основой для разработки одного из разделов программы «Естественные орнаменты» в 2001 г. послужили исследования И.В. Калининой. При изготовлении эталонов для этой части программы использовались челюсти, ребра и кости хребта щуки, язя, карася; клыки собаки и лисицы. Отпечатки носились с разных сторон и под разными углами (Е.Н. Дубовцева). В 2010 г. начата разработка общей программы по способам орнаментации керамики под руководством Ю.Б. Цетлина и Л.А. Краевой. В этом же году началось ее осуществление. Однако возникла необходимость создания серии новых орнаментов, а также доработки программы. Было принято решение изменить вид эталонов – использовать не плоские бrikеты, а целые сосуды, чтобы приблизиться к объемному орнаментальному пространству, характерному для археологической керамики (И.Н. Васильева, Е.В. Волкова, Ю.Б. Цетлин).

Программа «Обжиг». В результате выполнения данной программы составлена значительная эталонная коллекция экспериментальных сосудов, обожженных в разных обжиговых устройствах, с использованием различных режимов, с замерами температур стационарной термпарой (Фото 56-73, 75-85).

В 2000 г. была реализована программа «Утилизация сосудов». Цель программы – проследить изменения в цветовой окраске поверхностей и изломов изделий, возникающих при использовании посуды в быту. В экспериментальных сосудах варились мясные бульоны, каши, кипятилось молоко (Фото 74).

Программа «Происхождение гончарства». В 2005-2006 гг. в рамках экспедиции была поставле-

312

313

на серия экспериментов, направленных на проверку «корзиночной» гипотезы происхождения гончарства (Фото 8-9).

Большое внимание и усилия в экспедиции были уделены оборудованию площадки для проведения обжигов (пос. Прибрежный, Самарская область). Она была устроена рядом с глубоким оврагом, для чего с помощью лопат была снята значительная часть склона и создана плоская площадка. На ней были построены обжиговые устройства: 1) углубленный в землю очаг, стенки которого были обложены кирпичом (1996 г.); 2) наземный очаг с кирпичными стенками и поддувалами (1997 г.); 3) глинобитный горн в склоне оврага по образцу археологически изученных горнов (1998 г.); 4) наземный кирпичный двухъярусный горн (под руководством А.А. Бобринского, 2000 г.).

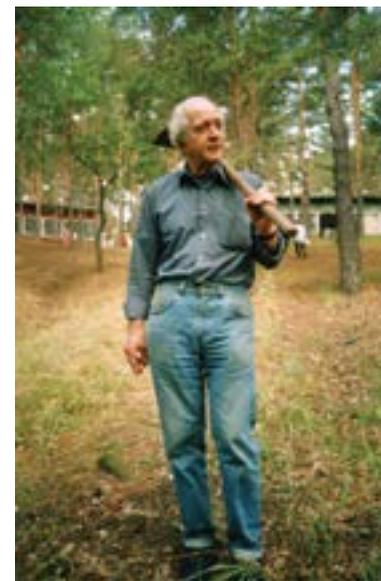
Популяризаторское направление экспериментальной экспедиции представлено несколькими программами: Программа по созданию музейной экспозиции «Гончарство: происхождение и развитие» в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина; Программа «Город мастеров», в рамках которой в течение четырех лет на базе экспедиции проводился детский лагерь, во время которого школьникам читались лекции по археологии, музейному делу, истории гончарства и проводились практические занятия. Значительный блок работы экспедиции связан с изготовлением копий сосудов разных археологиче-

ских культур. Эти работы проводятся, как правило, по заказу разных музеев Российской Федерации, которые используют изготовленные артефакты в своей работе: Республиканский музей Республики Татарстан, Государственный исторический музей, музей археологии ПГСГА (Самара), музей г. Нурлат. Часть изготовленных сосудов поступили в школы городов области и вузы для демонстрации в учебном процессе древнейших этапов развития человечества (Васильева, Салугина, 1999, с. 234-258; 2015, с. 8-27).

Ежегодно в работе экспедиции принимают участие студенты и молодые исследователи, которые получают теоретические и практические навыки по изучению керамики. В 2015 г. на базе экспедиции проводилась Международная научная конференция «Современные методы и подходы к изучению археологической керамики», в которой участвовали специалисты из научных центров России, Болгарии, Великобритании, Дании, Польши, Франции.

К настоящему времени в экспедиции изготовлена большая серия эталонов, имеются журналы их учета, а также рисунки, чертежи, графики и фотографии.

С 1994 г. в работе экспедиции принимает участие автор книги. За это время проведено множество экспериментов и собран значительный личный фотоархив, небольшая часть из которого представлена в настоящем Приложении 2.

1. Александр Афанасьевич Бобринский

2. И.Н. Васильева, Н.П. Салугина и А.А. Бобринский за обсуждением программы экспериментальной экспедиции. Самарская область, 1999 г.

3. А.А. Бобринский за изготовлением сосуда

4. Экспедиция по экспериментальному изучению гончарства. Самарская область, 1999 г.

5. Экспедиция по экспериментальному изучению гончарства. Самарская область, 2013 г.

316

6. Мастер-класс по лепке сосудов. Самарская область, 2015 г.

7. Е.В. Волкова (слева) и участники экспедиции после мастер-класса по лепке сосудов. Самарская область, 2015 г

8. Эксперимент с обмазыванием корзины. Сосуд в очаге

9. Эксперимент с обмазыванием корзины. Сосуд после обжига

317

318

10. Добыча ила

11. Добыча илистой глины

12. И.Н. Васильева отбирает пробы илов

13. Глинище ожелезненной глины в окрестностях пос. Прибрежный (Самарская область)

14. Глинище неожелезненной глины в окрестностях села Кумакское (Оренбургская область)

319

15. Процесс сбора навоза

17. Процесс изготовления выжимки из влажного коровьего навоза

18. Процесс замешивания формовочной массы из глины и выжимки

16. Обработка сухого навоза. Участники экспедиции слева направо: Ю.Б. Цетлин, М. Ключников, С.Ж. Рахимжанова, Е.В. Волкова. Самарская область, 2013 г.

19. Сбор раковины. Самарская область, 2010 г.

320

321

20. Процесс дробления раковины.
Участники экспедиции слева
направо: И.Н. Васильева,
Н.П. Салугина, В.В. Илюшина.
Самарская область, 2010 г.

23. Эксперимент со слюдой.
Процесс просеивания слюды

21. Эксперимент с дресвой. Обжиг
камня для дресвы

24. Изготовление
эталонов с
формовочными
массами (Л.
Дмитриенко, Л.
Краева). Самарская
область, 2011 г.

22. Эксперимент с дресвой.
Процесс дробления дресвы

25. Процесс замешивания
формовочной массы

322

323

26. Процесс сбивания формовочной массы в комки участниками экспедиции. Самарская область, 2011 г.

324

27. Готовая формовочная масса

28. Изготовление сосуда на форме-основе из коротких жгутов по-спирали

29. Лоскутный донно-емкостный начин на форме основе. Эксперимент

325

30. Лоскутный донно-емкостный начин после снятия с формы основы. Эксперимент (использована глина разного цвета)

31. Процесс удаления формы-основы

33. Процесс наращивания ленты по кольцу на монолитный донный начин

32. Лоскутный донно-емкостный начин после снятия с формы основы.
Эксперимент (использована глина разного цвета)

34. Процесс примазывания ленты к монолитному донному начину

326

327

328

35. Процесс примазывания донной части сосуда к емкостному начину

36. Изготовление емкостно-донного спирально-жегтового начина

37. Процесс изготовления
Е.В. Волковой реплики
фатьяновского сосуда
в форме-емкости.
Самарская область, 2011 г.

38. Процесс изготовления
Е.В. Волковой реплики
фатьяновского сосуда
в форме-емкости. Соединение двух
частей емкости.
Самарская область, 2011 г.

39. Процесс изготовления
Е.В. Волковой реплики
фатьяновского сосуда
в форме-емкости. Присоединения
верхней части сосуда.
Самарская область, 2011 г.

329

40. Процесс изготовления Е.В. Волковой реплики фатьяновского сосуда в форме-емкости. Примазывание верхней части сосуда. Самарская область, 2011 г.

45. Выбивание сосуда гладкой колотушкой на форме-основе

42. Процесс замазывания трещин после сушки сосудов. Самарская область, 2013 г.

41. Процесс изготовления Е.В. Волковой реплики фатьяновского сосуда. Орнаментация. Самарская область, 2011 г.

46. Процесс лощения поверхности сосуда костью

330

331

43. Создание плетеной формы-модели (О. Зубова)

44. Выбивание сосуда колотушкой, обернутой веревкой

47. Процесс обваривания сосуда после обжига

48. Процесс изготовления орнаментов (штампов) из раковины

51. Процесс орнаментации рыбьей костью

49. Разные виды орнаментов (штампов)

52. Процесс орнаментации челюстью кунцы

53. Процесс орнаментации костью животного

50. Мастер-класс Е.Н. Дубовцевой об орнаментации керамики челюстями животных

332

333

54. Процесс орнаментации белемнитом

55. Внутренние «жемчужины», образовавшиеся на сосуде, в результате глубокого вдавления орнамента

56. Прогрев сосудов перед обжигом

57. А.А. Бобринский проводит обжиг керамики в сене (сухой траве)

58. А.А. Бобринский проводит обжиг керамики в сене (сухой траве)

59. Укладка сосудов для обжига в сене (сухой траве)

334

335

60. Обжиг керамики в смешанном топливе в наземном очаге. Укладка платформы

63. Обжиг керамики в смешанном топливе в наземном очаге. Процесс горения

336

61. Обжиг керамики в смешанном топливе в наземном очаге. Закладка сосудов сухим навозом

64. Обжиг керамики в смешанном топливе в наземном очаге. Процесс каления сосудов

337

62. Обжиг керамики в смешанном топливе в наземном очаге. Закладка сосудов дровами

65. Обжиг керамики в смешанном топливе в наземном очаге. Результат обжига

66. Бракованные сосуды в результате неудачного обжига

69. Обжиг керамики в смешанном топливе в очаге, углубленном в грунт. Закладка сосудов сухим навозом

67. Низкотемпературный обжиг в восстановительной атмосфере в золе

70. Обжиг керамики в смешанном топливе в очаге, углубленном в грунт. Закладка дровами

68. Обжиг керамики в смешанном топливе в очаге, углубленном в грунт. Установка сосудов

71. Обжиг керамики в смешанном топливе в очаге, углубленном в грунт. Процесс горения

338

339

340

72. Обжиг керамики в смешанном топливе в очаге, углубленном в грунт. Результат обжига

73. Сосуды после обжига в кострище и очаге

74. Эксперимент по приготовлению пищи на костре

75. Площадка для обжига. Самарская область, пос. Прибрежный

341

342

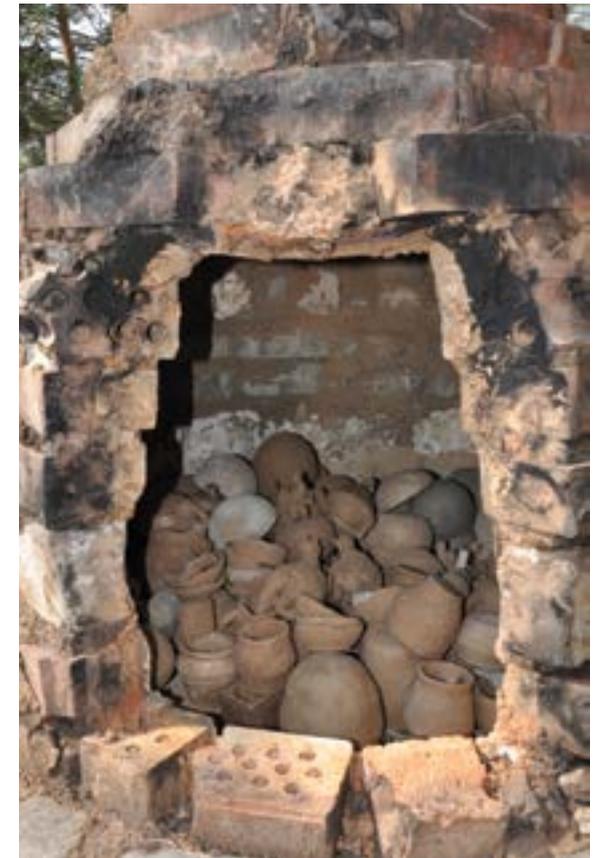

76. А.А. Бобринский ремонтирует горн

77. Участники экспедиции у горна слева направо: Н.П. Салугина, Л.А. Краева, Ю.Б. Цетлин. Самарская область, 2010 г.

78. Керамическая посуда в камере горна до обжига

79. Ю.Б. Цетлин производит закладку камеры для обжига горна. Самарская область, 2015 г.

343

80. Камера для обжига керамики горна после закладки

83. Ю.Б. Цетлин измеряет температуру в горне с помощью термомпары. Самарская область, 2013 г.

344

81. Процесс обжига в горне днем

82. Процесс обжига в горне ночью

345

84. Керамика после обжига в горне (окислительная атмосфера)

85. Керамика после обжига в горне (окислительная атмосфера)

87. Работа за микроскопом
(Н.П. Салугина и С. Рахимжанова).
Ульяновская область, 2012 г.

86. Экспериментальная керамика. Ульяновская область, 2012 г.

88. Л.А. Краева за микроскопом

346

347

348

89. А.А. Бобринский и участники экспедиции на площадке для обжига керамики. Самарская область, 2001 г.

90. Экспедиция по экспериментальному изучению гончарства. Самарская область, 2016 г.

349

Научное издание

Л.А. Краева
Гончарство сарматских племен Западного Казахстана

Книга рекомендована к изданию Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК

Работа выполнена по грантовому проекту № 2589/ГФ4 КН МОН РК
по теме «Сако-савроматский культурный горизонт Казахских степей: исследование проблем
межкультурных контактов в исторической диахронии»
(руководитель проекта – А. Онгарулы)

Подписано в печать 05.10.2017 г.
формат 84x108 1/16.
Тираж 300 экз.